

**Макс Острогин
Большая Красная Кнопка**

Inferno –

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593145
«Большая Красная Кнопка»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47752-4

Аннотация

Большая Красная Кнопка. Легенда? Вымысел? Или последняя надежда человечества? Ответы хранят городские подземелья. Там, в глубине, спрятано устройство, способное оборвать Апокалипсис. Чтобы его включить, необходимо добраться до архива, оставленного последними людьми погибшего мира. Найти и расшифровать записи – главная задача Дэва, отправившегося в путь по изуродованным улицам Москвы.

От Баррикадной до ВВЦ близко лишь на первый взгляд, ведь дороги в этом мире измеряются вовсе не километрами. Они измеряются жизнями.

**Макс Острогин
Большая Красная Кнопка**

Глава 1

Затяг

Тикает.

Часы. Я взял книжечку, тонкую, в зеленой пластиковой одежке. Осторожно, кончиками пальцев, чтобы страницы не рассыпались в серый прах.

«Видеомагнитофон JVC – DR 1019, руководство по эксплуатации». Само по себе странное слово – «видеомагнитофон». Из старинных, даже из мертвых, из тех, что окончательно позабылись по причине своей ненужности, сгинули, растаяв в непредсказуемом прошлом. Вот слово «электричество», тоже старое, но в то же время и сегодняшнее, мы все знаем, что это такое – искры, тепло, свет, может и ударить, если дурак. «Видеомагнитофон» ни о чем мне не говорил. Судя по картинке в руководстве, плоский черный ящик с кнопками. В него вставлялись кассеты с записями, после чего изображение выводилось на монитор.

Монитор я знал. На Варшавской их было много, только все неисправные. Петр немного разбирался в электричестве, так вот, Петр говорил, что поломалось все из-за импульса. Электромагнитного. Когда-то давно очень мощный всплеск выжег почти всю тонкую электронику, даже ту, что на складах хранилась. А оставшаяся почти вся испортилась от времени. Во всяком случае, Петр не смог починить ни один прибор сложнее печки. Егор же, вернее, его отец предполагал, что на телецентре аппаратура должна была сохраниться лучше. И чтобы подготовиться как следует, он читал руководства. Ну, куда втыкать и на что нажимать. Теперь вот и я эти руководства изучал. Каждый день по три часа. Понималось туго. Настройки, переключения, каналы какие-то, слишком много незнакомых слов. Хотя все эти старинные устройства работали более-менее одинаково: суешь кассету, или диск, или карточку, оно сразу само начинает показывать. Я, конечно, не очень умный человек, но с такой техникой даже я управлюсь.

«Видеокамера Панасоник GS 12, руководство по эксплуатации», в красной обложке,

похожей на кожу крокодила. Начал с первой страницы.

Лежал, читал. Наверху звякали на веревочках гильзы, выл в старых антеннах ветер. И тикали часы. Спокойно так, хорошо. Тик-так, тик-так, шестеренки перекатываются, отмеряют минуты, часы, спать охота. Стрелки вроде замерли, но если напрячь как следует зрение и затормозить посильнее мозг, то видно, что они ползут по кругу. Медленно и неукротимо. Пока идут часы, время есть. Если будильники перестанут тикать, стрелки замерзнут и проржавеют колокольчики, тогда и все, значит, конец.

То, что время тикает, – это верный признак. Мир вертится, и надежда есть.

Егор должен бы уже и вернуться. Уже час как. Тут недалеко ведь. Подземный магазин, совершенно неразграбленный. То есть его, конечно, разграбляли, но не все кому попало, а только родственники Егора. И оберегали от остальных, чтобы посторонние не безобразничали. Да и не было тут этих посторонних.

Егор навещался в магазин раз в неделю. Приносил консервы. Сироп. Спирт для отопления, свечи для освещения, другие припасы, таскал все это рюкзаками, каждый раз приговаривая, что запасов много, до весны вполне хватит, слон морозоустойчивый, в слоне хорошо...

Пару раз я собирался с ним, только не получалось, ноги подводили каждый раз, шатание в них пробуждалось и полная неходь, поэтому я в магазин так и не выбрался, хотя поглядеть собирался.

Обычно Егор уходил с утра. Брал с собой обрез, винтовку, гранаты. Возвращался после обеда, нагруженный добычей и злой от страха. Ничего, пусть привыкает к самостоятельности, не все мне ему сопли вытирать...

Сегодня он что-то слишком долго привыкает. Подождем...

Закрыв глаза и еще полчаса думал о спокойном. Потом только начал волноваться. Вообще-то магазин недалеко, добраться дотуда любой может.

Даже я.

Еще через полчаса я выбрался из койки и стал собираться. Егор не пришел, скорее всего, вяпался. Надо выручать. Ничего без меня не могут.

Оделся. Натянул куртку, шлем. Постучал по нему пальцем согнутым. Звук должен правильный получаться, если неправильный, значит, в шлеме трещины. Хотя, если честно, в шлеме не может случиться трещин – это же какой-то там необычный кевлар, прочнейшая вещь, но что-то я стал в последнее время подозрительным человеком, подозреваю все.

С ботинками промучился минут двадцать, не меньше. Ноги подпухшие, трудно лезут, еще труднее вылезают, борьба. Хотел даже подрезать ботинки, но решил подождать. Ноги в норму придут, а обуви не вернуть. А я к ним привык, в моем возрасте от привычек уже сложно отказываться.

Взял ружье, вертикалку. Чем-то напоминает карабин, только не такой тяжелый.

Ну и костыль. Костыль у меня отличный, титановый. Удобный, легкий, а если нажать на пружину, то из нижней части выставляется особое пыряло, им легко пырять. И даже звездочки на костыле есть, выцарапанные, не знаю, чего они означают, счет, может. Сколько владелец убил. Сумраков, волкеров, кровожадных старушек.

Рюкзак тоже прихватил, со всем, что нужно в походе. Потому что Гомер учил – идешь на минуту, собирайся на век. Нужное, ненужное тоже, потому что может пригодиться все.

Спуск на землю – целое приключение, костыль – мой верный друг, без него я никак и никуда, особенно на лестницах. Интересно, а есть стреляющие костыли? Удобно, наверное, прыгнула на тебя бабушка-убийца, а ты ее разрывным костылем, наверное, раньше так все и было.

Три раза чуть не упал, один раз почти головой, Алиса бы посмеялась...

Алиса бы посмеялась. Обозвала бы меня рыбцом. Или Рыбинском. Егору тоже бы придумала название. Козявочник, Сопля, Кактус-Какашка, воображение у нее богатое. Егор тут книжку мне принес, про ту самую Алису. Перечитал. Та тоже была сумасшедшая, еще сумасшедшее нашей. И вокруг нее тоже один другого лучше. Одна улыбка кошачья чего

стоит. А уж природа-то какая...

Наверное, про нашу жизнь тоже можно безумную книжку сочинить. Я буду Чеширским котиком, Егор Безмозглым Шляпником.

А Алиса будет Алисой.

А на улице совсем осень. Редкие деревья вокруг зоопарка так и не смогли уронить листья, поскольку по причине жаркого лета никаких листьев на деревьях не завелось, я шагал в тени высоты, под ботинками скрипели пирамидки утреннего льда, дышалось легко. Оздоровительно. Я люблю первые заморозки. Когда на лужах прозрачные корки, земля твердая и не держит след, воздух звонок и слышимость простирается в два раза дальше, чем в обычные дни, и весь прах, накопившийся в воздухе летом, садится на землю за одну октябрьскую ночь. Хотя я не был уверен, что сейчас октябрь, месяцы давно рассыпались и растерялись.

Осень.

Я достал карту. Магазин рядом. Под землей. И чего они все так под землю влезть старались? Полгорода расположено под землей, большая часть. Вот я бы на месте старинных людей не под землю стремился, а наоборот. Вверх. А они все вниз да вниз, не могли освободиться от своих норных привычек. Да и сейчас не сильно освободились.

Не люблю ходить по карте, привязанным себя чувствую, но тут, в Москве, по картам удобнее, улицы не путаются. Направо, налево, направо, прямо, полкилометра. Я прохромал это расстояние достаточно быстро. Никого. Запад есть Запад, даже мреца нормального не встретить. Сумраки сплошные, беспросветные. Поэтому, кстати, в моем обычном наборе для прогулок теперь всегда контейнеры с ускорителем.

Вход в магазин не выделялся. Много обычного нашего железа, опрокинутые автобусы, сгнившие деревья, покрышки, как маленькие, для обычных машин, так и какие-то совсем огромные, ростом с человека, даже больше, в них, наверное, можно было жить, жизнь – она ведь везде, в слоне, в покрышке.

Старый фургон, врос в асфальт, из открытой двери высыпаются жестяные банки с краской. Пробрался внутрь. В полу имелся замаскированный люк, за люком дыра в асфальте, достаточно широкая для пролаза трех человек одновременно. Лестница.

Полез.

Магазин огромный, настолько, что можно ездить по нему на велосипедах. Или на роликовых коньках, первое, что я увидел, были как раз они. Валялись горкой, бессмысленные, несчастные.

Светло. Под потолком горели длинные синие лампы. Егор говорил, что тут вроде как сохранился генератор, каждый раз, когда они сюда ходили, запускали его для освещения. Магазин, я никогда не был в таких. Другие магазины, в которых мне удалось побывать, выглядели иначе. Пустые бутылки, битая посуда, на полу мелочь и консервные банки.

Тут тоже банки, много. Большинство бесполезных, я определил. Овощные консервы портились быстрее остальных, они сдохли уже почти сто лет назад, а может, еще и раньше. Все эти горошки, маленькие капуста, рубленая морковь, фасоль в стручках, артишоки, репа и другое полезное питание, ныне теперь совсем бесполезное, размякшее в одинаковую бурю жижу. За овощами рыба, за рыбой какие-то морские каракатицы в стеклянных банках, по виду они были вполне ничего, но я знал, что стоит снять крышку, как ворвавшийся воздух тут же превратит их в непригодную вонючую кашу.

Консервный ряд тянулся и тянулся, я повернул направо. Прошел мимо масла в жестяных банках с черными ягодами, мимо других банок, на некоторых были нарисованы черные грибы, на других пальмы, из пальм, что ли, масло выжимали? Прихватил бутылку с черными ягодами – оно сохранялось лучше и пахло приятнее.

За маслом начинались лопаты, целый ряд лопат разных размеров, форм и расцветок, я взял блестящую с узким лезвием, попробовал на остроту, ничего себе лопата, с убийностью, к таким я испытываю слабость. За лопатами какие-то приборы, моторы неизвестного назначения, резиновые мячи, сетки, железные кругляки, и тут же отдел снаряжения и

оружия. Большой, с хорошим выбором. Топорики, керосиновые лампы, примусы, фонари, веревки, котелки и множество самых полезных в нашей жизни вещей, спальники вот. Глаза от жадности разбегались. С другой стороны, у меня уже есть все необходимое, подогнанное, знакомое и привычное, разве что пару пачек мокрых спичек, которые горят даже под водой.

Взял спички. Даже три пачки, иногда с огнивом лень возиться. Спальник на обратном пути надо все же поглядеть...

Оружия тоже много, но качество его меня совсем не устраивало. Я посмотрел некоторые ружья. Дешевые штампованные поделки, ненадежные, рассчитанные на не очень многоразовое использование. Хорошее оружие отсутствовало, наверное, его уже утащили Егор и его папаша.

Кроме того, почти половина стен оружейного отдела оказалась увешана вообще непонятно чем. С виду вполне себе настоящие штурмовые винтовки, пистолеты и даже револьверы, в отличном качестве, смазка еще сохранилась, пахнут по-боевому, я заинтересовался, сбил замок.

Муляжи. Вернее, даже не муляжи, а испорченные нарочно. У некоторых были совершенно безжалостным способом пропилены стволы, у других не хватало внутри важных деталей, третьи оказались просверлены, и внутрь был щедро залит металл. Зачем кому-то понадобилось держать в магазине нестреляющее, я не понимал. Портить оружие, полная глупость. Или много его слишком наделалось, девать некуда? Или для украшения? В некоторых домах я видел оружие на стенах, дурацкий совершенно обычай, я бы сказал, даже омерзительный. Как можно украшать стены винтовками? Картины. Правильно вешать картины или пластмассовые цветы.

Сразу за оружием начинался исключительно странный отдел, с вещами, даже отдаленное назначение которых я совсем не мог определить. Стекланные шары, пластмассовые пирамидки, звенящие трубочки, огромные глиняные кружки, из которых прорастали красные глиняные грибы, гипсовые собаки, деревянные глобусы. Особенно мне запомнились нарядные коробки с надписью «В последний путь». Я заинтересовался, открыл осторожно – а вдруг там бомба, вдруг так раньше шутить принято было? Но там оказались другие предметы. Белые тапочки с мягкой подошвой, пузырек с маслом, черные ленты, выцветшая одежда, похожая на мешок с прорезью. Присыпка в пластиковом пузырьке. Кроме того, в коробке имелась инструкция, как всем этим пользоваться. Я прочитал и понял, что это набор для похорон, для отправки человека на тот свет – недаром же он так и назывался.

В очередной раз подивился прежней предусмотрительности – каждый шаг обставлен правильными вещами и надлежащими поступками. Хороший набор. Я отправился дальше, придумывая наборы для разных жизненных ситуаций. Для свадьбы, для похода, для плохой погоды, для рыбалки, для чаепития, Егор, кстати, отправился за чаем. Где находился чайный ряд, я не знал, поэтому просто крикнул.

– Егор!

Без эха. Слишком низкие потолки.

– Егор!

Егор не отзывался. Ладно. Погуляем. Я взял металлическую тележку, отправился в обход. Вообще, конечно, Егор и его отец уже много натаскали, и в слоне запас хороший, и наверху в высотке, молодцы, но по настоящему магазину бродить все равно интересней. Хорошо бы в шоколадный отдел попасть. Конечно, там все засохло, но можно переварить. Берешь шоколад, сухие сливки, воды немного, в котел – и варишь. А если в сливки чуть воды и много сахара, то получаются ириски, их надо разлить на сковородку, остудить и порезать на квадратики.

Чай. На полу лежала разорванная пачка. Вокруг был не чайный отдел, макаронный. Значит, Егор здесь проходил. Зачем он пачку порвал? Или не он? Может, эта пачка там сто лет лежала... Продолжил обход. Катил телегу, одну ногу поставил, другой отталкивался.

Есть известная магазинная легенда, Шнырь мне рассказывал, как группа заблудилась

на Юго-Западе, забрела на кладбище. Мрецы за ними погнали, и тут им подвезло очень, наткнулись на магазин, только не в подвале, а на первом этаже. Люди эти успели в магазин забежать и закрыться. Отсиживаться решили – еды-то много. Но очень быстро выяснилось, что еда вся испорченная, даже консервы. Только сладкая газированная вода в стеклянных бутылках сохранилась. Они только этой водой и питались и через три месяца совсем плохо себя почувствовали, потому что сахар хорош в небольших дозах, а если много и каждый день, то внутренние органы начинают болеть, пропитываются сладостью и уже не работают, как должно. Одна девушка не выдержала и померла, а остальные стали думать – что с ней делать, выкинуть на улицу или слопать. И решили все-таки выкинуть, не поддаваться искушению.

Потащили труп к выходу, а к этому времени туда собрались мрецы со всей округи. Они ворвались внутрь и быстро всех сожрали, остался один парень. Он залез на железный стеллаж и сидел там.

Он сидел там тридцать дней и питался только водой, сочащейся с крыши, а мрецы стояли вокруг и смотрели на него не моргая. А потом, когда он устал и собрался прыгнуть вниз, крышу разрезало огненным ножом, и человеку явился ангел-хранитель – в магазинах часто случаются чудеса.

Вряд ли с Егором случилось чудо, он еще слишком молод и недостойн. Хотя кто достоин, а кто нет, неизвестно, весы Его неисповедимы...

– Егор!

Тишина.

Снял с плеча дробовик.

Егор говорил, что здесь безопасно. Что они с отцом закрыли вентиляционные решетки, завалили все входы и обрезали трубы, так что никто посторонний пробраться сюда не мог. Они даже канализационные системы зацементировали. Может, уснул. Обьелся конфетами и уснул, тут ведь и мебель стоит, диваны, кровати, есть где спать. Странно, а почему они с отцом здесь логово не устроили? Хотя и правильно. Соблазнов чтобы не было. Воля у человека слаба, рядом с обилием еды и вкусного питья трудно удержаться. Еду надо добывать, так заведено.

Огляделся. Я находился в бутылочном отделе. Вино, водка, пиво. Вино давно скисло в уксус, им хорошо обтираться. Пиво стало грязной бурдой, нельзя использовать. Водка полезна. Раны обеззараживать, а потом ее можно на спирт перегнать, а спирт – это совсем другое дело, хоть куда сгодится. Ликера бы какого, его хорошо с утра, полновесный глоток, от которого начинают приплясывать внутренности, ликер редко сохраняется. И пряников бы – некоторые пряники засохли так крепко, что не испортились и вполне пригодны в пищу, с ликером такие пряники то, что надо, особенно вечером, перед сном. Съешь пряник, потом пару глотков вишневки – и спать уже гораздо веселее.

Но ни одной бутылки с ликером не нашлось, наверное, Егоров папаша любил коротать холодные вечера в слоне с добрым стаканом яичного гоголь-моголя, с книгой в руке, про героев книга, как они на Юпитер летели.

В овощной и мясной отдел я даже заглядывать не стал, там давным-давно все сгнило, распалось в ничто, протухло, только вонь сохранилась ну, или призрак вони. В молочном отделе валялся рюкзак Егора.

Винтовки не было.

Я устроил дробовик поудобнее, под мышкой, чтобы сразу сдернуть при опасности. Вообще-то рюкзак Егора не валялся. Аккуратно стоял возле стеллажа с черными молочными бутылками. В рюкзаке чай и сахар, все, как надо. Значит, Егор оставил рюкзак и куда-то отправился. Куда?

Гараж. Подземная то есть автостоянка. Вход рядом. Интересно, чего он туда поперся...

Свет. На стоянке тоже горел. Несколько ламп, довольно тускло. Егор говорил, что они с отцом добывали здесь бензин. Горючее – это неплохо, в походе оно нам пригодится. Идем на север, зима скоро, попробую сделать примус-термос. Это очень удобно, не надо будет

останавливаться, чтобы согреть чай, шагаешь, а чай на бензине подогревается.

– Егор!

В гараже эхо имелось. Должен слышать.

Машины здесь неплохо сохранились. Как новые, даже покрышки целые. Сотни машин, бензина много. Мотоцикл. Блестящий. Интересно, если построить воздушный шар и прицепить к нему мотор от мотоцикла...

Канистра. Пластиковая, десять литров. Далеко, в самом конце ряда. Понятно. Тут они выбрали почти весь бензин, за каждой новой заправкой приходилось забираться все дальше и дальше. А внизу еще этажа четыре, не меньше. Много бензина, этот магазин все-таки настоящее сокровище, легко прожить всю жизнь.

– Егор!

Молчание. Поиграть решил? Или вниз спустился? Зачем тогда канистру оставил...

Я почувствовал. Опасность.

Присел на капот. Надо послушать.

Ну вот, правильно, через минуту в кончиках пальцев появился почти уже забытый зуд. И в животе холодок. Прислонил костыль к машине. В ногах тоже покалывание, нерв проснулся. Приятно, однако. Проверил ружье. Патроны на месте. Ладно, Егор. Пойдем.

Я направился к канистре. Она стояла у стены, крышка открыта, рядом валяется шланг. Пахнет бензином. Столько лет прошло, почти все запахи умерли, а бензин остался, надежная вещь.

Плохо. Егор воняет, обычно я чувствую его приближение издали, а сейчас бензин перебивает.

– Егор...

Ничего.

Машина. Ножницы на полу, большие, по металлу. Чтобы срезать крышки с баков, понятно. Срезал, сунул шланг, сцедил горючее, отошел к стене...

Что-то произошло.

Вроде тихо. Следов никаких. Егор исчез. Потолок. Вентиляция. Трубы. Погань обожает такие местечки, где темно, и тихо, и тепло. Осмотрел. Вроде все в порядке, наверх его не втянули, да и трубы они заделали...

Подождал к канистре.

Горючее из бака разлилось, Егор в него наступил. От машины тянулись четкие следы. До емкости, топ-топ. И все. Куда же он делся?

Жаль, что нет Папы, он бы прочуял...

Присел перед канистрой. Ничего необычного, банка как банка, гараж как гараж. На стене желтые цифры, сорок семь. Четверка и семерка. Больше ничего. Попытался вспомнить. Ну, что-нибудь. Пропадали ли вот так люди? Вспомнить не мог. Наверное, пропадали. У нас все возможно, поганый мир, тошнотворный, это меня больше всего раздражает, бесит – пойдешь за чаем и пропадешь, растворишься на пустом месте. Нет, это определенно испытание. Всем нам.

Сорок семь...

Я все-таки заметил. Семерка. Конец цифры чуть сместился, будто оплыл, и из-под него показался другой конец, чуть более светлый. Что-то щелкнуло у меня в голове, я вспомнил. И не вспомнил даже...

Прыгнул. И тут же в чем-то увяз. На плечи надела плотная тяжесть, я завалился назад, и стало еще тяжелее, меня потянуло...

Затяг. Стены, сочащиеся кровью. Никогда не встречал, думал, что сказка.

Дернулся, стараясь выбраться из теплых безнадежных объятий, но не смог даже сдвинуться, рванулся еще, ноги увязли безвозвратно. Плечи выдрались, я упал на руки. Это поволокло меня назад в стену, боковым зрением я заметил, как искривляются цифры, выпячиваются из стены, как четверка плывет, а семерка пытается меня ухватить, и от этого я дернулся еще сильнее.

Я не думал. В такие мгновения лучше не думать, забыть про мозг, руки, ноги, голова должны действовать сами по себе. Дернулся и почти достал до канистры, коснулся ее, пальцы соскользнули, ногти впились в бетон, я сорвал шлем и запустил его в канистру. Она опрокинулась, и потек бензин, и Господь сделал так, чтобы пол наклонился в мою сторону.

Вдоль стены натекла лужа, и я чирканул зажигалкой, бензин загорелся. Не вспыхнул, а загорелся, лениво и без воодушевления. Но только в первые секунды, потом он почувал силу и все-таки полыхнул, по стене прошел спазм, и я вывалился на пол, в огонь.

Ладонями и животом ожегся. Но я даже как-то обрадовался, боль меня немного вздернула, прочистила мозги. Я отполз метра на три, подхватил канистру и плеснул на стену.

И вот полыхнуло уже по-хорошему, оранжевым диким огнем. Стена поползла в сторону, я вскинул ружье. Показался Егор. Он был бледен и несколько расплюсчен, на щеках красные язвы, свалился в огонь, я выдернул его и накрыл курткой. Стена продолжала отползать. По ней бежали крупные судороги, огонь капал на пол. Я выстрелил. Наверное, это глупо, пытаться пристрелить стену. Только не у нас. Земля давно уже не твердь, в воде смертельные споры, по воздуху носится ядовитая жгучая пыльца, тени уже давно не просто тени, даже стены обманывают.

Второй выстрел вырвал из стены кусок, склизкий, волокнистый, с толстыми краями. Я перезарядил ружье, врубил в стену еще две пули. Каждый раз она вздрагивала, каждый раз от нее отскакивали шматы, ощутимого ущерба, впрочем, я не отмечал.

Она все ползла и ползла вправо, понемногу втягивалась на потолок, верхний слой, обожженный, слезал лоскутьями, обваливался грязными обугленными лохмотьями. Четверка и семерка продолжали расплываться, они сделались похожи уже не на цифры, а на цветные пятна, с бахромистыми краями.

Что-то похожее на улитку. Но не круглую, а плоскую. Плоская толстая улитка, только очень большая. Гигантская, огромная, такие не могли существовать у нас. Разве что в море, на суше они раздавили бы сами себя, расплющились бы под собственной тяжестью. Улитки очень хорошо маскироваться умеют, принимать цвет других предметов, в книге про морских жителей показывался осьминог, который мог становиться даже в клеточку. Здесь похожее. В сорок семь.

Стрелять бесполезно, решил поберечь патроны. Тварь уползала. Если бы огнемёт, я ее непременно спалил бы, но огнемёта не было. Затяг уползал, дымясь. Страшная штука, типичная погань. Просочилась сюда как-то, видимо, не все Егор с отцом перекрыли. А может, личинка какая пробралась или икра... Кто-то рассказывал про икру. Что будто в некоторых магазинах лежали совсем не простые консервы, а специальные сушеные личинки. Люди эти консервы ели, а потом из них вырывались монстры. А кто эти консервы в магазины отправлял, так и не удалось узнать. Курок считал, что это пришельцы. Вторжение через магазины – это ловко. Продукты-двойники, ядовитые воды...

Какая разница?

Я сорвал с Егора куртку, пощупал горло. Пульса не было. Остановка сердца. Стоило поспешить. Размахнулся, ударил в грудь кулаком. Несколько раз, сильно, чтобы ребра треснули. Пара оплеух. Потом искусственное дыхание и массаж. Скорее всего, Егор просто задохнулся, затяг прижал его к стене и удушил, многие так охотятся, схватят, придушат, потом обедают. Если просто задохнулся, то шанс оживить есть, и даже немалый. Я продолжил лупить Егора, вдыхать ему в легкие воздух и давить на грудь. Через минуту Егор булькнул, вдохнул и заорал. Громко, схватил меня за горло, пришлось стукнуть его уже в лоб. Егор бухнулся на пол.

– Что это... Что это было?

Затяг в соответствии с названием втянулся в вентиляционную щель, оставив за собой запах паленой рыбы, бензина и еще чего-то незнакомого и мерзкого.

– Затяг.

– Затяг? – не понял Егор.

– Ну да. Так ведь называется? Он затягивает, маскируясь под стену.

– Не слыхал про такое... – Егор сел, осмотрелся. – Бензина хотел отлить. Глотнул здорово, закашлялся, бензин противный. К стене подошел, облокотился, а оно душить стало...

Егор потряс головой.

– Раньше тут ничего такого... Никогда. А теперь... А ты как тут оказался?

– Погулять вышел. Иду-иду, вдруг слышу – затягивают. Со мной такое не впервые.

– Спасибо. – Егор поднялся на ноги. – Чуть не сдох... Глупо, когда тебя вот так... Ты убил... его?

– Наверное. Хотя я вообще редко убиваю, в самых крайних случаях.

– Да? А что же ты делаешь?

– Как всегда. Совмещаю смерть с неподвижностью. Чай нашел?

Глава 2

Везет просто

Грохот. Бум, бум, бум, я проснулся, и тут же мне по голове добавило еще два бума.

– Дэв! – позвал Егор.

– Что?

– Трясучка, что... Землетряс.

Запели стекла. Когда пускаются стекла, это хуже всего. Похоже на зубную боль, точно по жести острым гвоздем, начинает гореть кожа, она словно отслаивается, и между пальцами возникает чес, и вскакивают волдыри.

Я принялся чесаться.

– А мне в туалет всегда хочется, – пожаловался Егор. – От этого писка...

– Сочувствую, – сказал я.

– Ага, спасибо. Сейчас койки начнут подскакивать.

Но койки решили обождать. Запрыгали бутылки. Стекланные банки, вся железная и пластиковая мелочь, которую мы не успели закрепить накануне, заплесала.

В последний месяц трясет. Хорошо трясет, раньше так не трясло. Почти каждый день, а еще чаще по ночам. В высотке в тряс не очень уютно, если честно. Первое время мы просыпались, испуганные этим земельным дребезжанием, но постепенно привыкли, перестали реагировать, бояться перестали. Не бояться плохо, как плохо не чувствовать боли. Человеку всегда больно. И страшно. Нет, мне, конечно, не страшно, но чувство опасности терять не хочется. На случай, если мы будем спать слишком крепко, Егор придумал аппарат. Подвесил к потолку на длинной веревке железное ведро. Провел к нему железный желоб, разместил в нем пять тяжелых железных шаров, на краю желоба подкрепил их шваброй. При толчке швабру вышибало, и шары с омерзительным грохотом обрушивались в ведро, бум, бум. Просыпались от этого грохота уже три раза.

Летом смерчи терзали, сейчас землетрясения. Наверное, это от температуры. Летом от жары и сухости земля потрескалась больше, чем полагается, теперь она смерзается и проваливается в себя. Ну и нарыли, конечно. Тоннелей, ям, убежищ, проходов, пещер. Город стоит на подпорках, на воздухе, подпорки трухлявеют. Вроде такова причина провалов. Физическая. Вещественная. Но есть еще и другая, настоящая.

Зло, которого слишком много и которое слишком весомо.

– Что-то сегодня сильно... – неуверенно сказал Егор.

Со стены обвалилась полка, игрушки рассыпались по полу. Егор поднял плетеную рыбку, спрятал в карман.

– Папка говорил, что оружие такое было раньше. Можно было землетрясение на большие расстояния перекидывать.

– Кому нужно здесь-то трясти?

– Добить хотят.

– Что?

– Добить. Или зачистить. Отсюда же все ползет.

Я что-то не замечал. Раньше всегда думал, что тут, на Западе, должно поганью все просто кишеть, однако тут оказалось достаточно спокойно. Да, сумраки, справиться с которыми невозможно почти, но сумраки – это сумраки, а где все остальные? Где волкеры, от которых за МКАДом нет дыхания? Где жнецы, неотвратимые, как закат? Кенга, любительница мусора, помойная богиня, выедающая кишки. Все эти выпы, и нои, и мутанты, и бодучие табуретки, и еще устрашающее количество созданий, задача существования которых заключается в истреблении нас, людей? Даже мрецы беспокойные, живые ненасытные трупы, и тех здесь не очень много, но это, наверное, из-за кладбищ. Они здесь есть, но очень старые, похороненные на них давно уже стали черноземом и вряд ли проявят излишнюю резвость. Почему их здесь нет, а там, на Востоке их много? И откуда они вообще?

Неясно.

Тряс прекратился.

– В слоне не так трясло бы, – задумчиво сказал Егор. – Надо давно было туда переселиться, торчим тут, как... Как дятлы.

– Здесь воздух лучше.

Это правда, воздух лучше. И спокойнее – на такую высь погань редко забирается. Нет, в высотке хорошо, только холодно в последнее время. Потому что осень. И трясет. Потому что... А, ладно.

– Воздух. – Егор потер пальцами. – Развалится все к черту, в земле дыры образуются, папка давно рассказывал, – сказал шепотом Егор.

– Куда дыры? – спросил я.

– А кто его знает... Ты снеговиков видел?

Дыры. Прорехи. Давно о них думал. Вопрос в том, куда прорехи? Прорехи многое бы объясняли. Через прореху может что угодно просочиться. Вот у нас на Варшавской... То есть у них на Варшавской было. Однажды я инспектировал хранилище, и случай случился. Мешок с макаронами Шнырь нечаянно зацепил прикладом, а мешок и треснул по боку, слишком туго набили припасами. Сначала брызнули желтые макаронные колечки, посыпались на пол, потом какая-то мучнелъ, а затем жуки. Черные, твердые, прямо горстями полезли, точно это их на зиму запасали. И живые эти жучилы, несущенные, как побегут, как дернут, и по всем щелям, и по всем закоулкам, так что пришлось потом полдня их выжигать да вытравлять.

Так и здесь может быть. В одном месте треснуло, а они и сыплются, сыплются, нет им покрывки...

А если еще не в одном месте лопнуло? А если мешок бездонный? Невеселые осенние мысли.

– Снеговиков видел?

– Ну, видел, – ответил я. – А что?

– Ничего, интересно просто. Они опасны?

– Кто?

– Снеговики?

Я посмотрел. Смеется, издевается или на самом деле не знает?

– Да не очень. Если только не жрать.

– Кого? – не понял Егор.

– Снеговика, кого же еще.

Он даже в койке повернулся.

– Снеговик – это человек из снега, – объяснил я. – Его лепят зимой, потом водой заливают. И он стоит себе, смотрит вдаль до весны.

– Человек из снега, – сказал Егор задумчиво. – Забавно...

– Старинный обычай. Лепят человека из снега, затем в глаза деньги вставляют с орлами. А потом вокруг хоровод водят. Но мы никогда не водили.

Егор вздохнул.

– А мне папка за печку подарок прятал, – сказал он. – Каждый Новый год. И рассказывал, что это Трубный Дед.

– Трупный Дед, я что-то слышал такое...

Я плохо умею шутить, тупо, Алиса хорошо умеет, но не шутит, она теперь с головой не в дружбе. Но я хочу научиться.

– Ты плохо шутишь, – сказал Егор.

– Алиса хорошо шутит. Если хочешь, я ее попрошу, она расскажет тебе пару забавных историй.

– Не, не надо. Трубный Дед, он спускается по трубе и дарит людям полезные вещи.

– Таких дедов не бывает.

– Бывают. Но они приходят только к тем, кто крепко спит.

Знаю я, кто приходит к тому, кто крепко спит. Смерть в зеленом колпаке. Тот, кто крепко спит, редко просыпается.

Койки опять затряслись. Запрыгали, заплясали почти, мне пришлось вцепиться в спинку, и только так я удержался. Егор не удержался, свалился, копчиком ушибся, поднялся. Здесь уже тряхануло хорошо, мощно. Егора подкинуло, он растянулся на полу. И тут же по стене побежала трещина, живая, ветвистая.

– Ой... – прошептал Егор.

Трещина хрюстнула и разошлась в ширину. Из стены вывалился кусок, Егор отпрыгнул в сторону, чуть не завалило.

– Что-то сегодня...

Дзиньк!

Стекла вылетели и засыпали комнату острым крошевом. А я велел ему скотчем стекла обклеить, то ли забыл, то ли поленился.

– Что это?! – по щеке у Егора потекла кровь, осколком зацепило.

– Что-что, уходим, – сказал я.

Я выскочил из койки, вытащил из-под нее рюкзаки.

Один мой старый, походный, в котором есть все, чтобы отправиться на край. Другие запасные. Четыре. С запасами то есть. Еда, лекарства, порох – я наковырял тут четыре банки, ну, и другие полезные вещи, много.

Походный рюкзак закинул за плечи, запасные выкинул в окно, все пять штук. Они хорошо мягким набиты, не разобьются. Оделся. За минуту.

Егор одевался медленно, раза в два медленнее. У него было три рюкзака, я их выкинул тоже.

– Надо было парашюты брать... – вздохнул Егор. – Папка еще хотел парашюты, сейчас бы спрыгнули...

– Я боюсь высоты, – сказал я.

– Мы тоже боялись. А веревок не хватит...

Подхватил карабин, подхватил винтовку, подхватил оружие Егора, костыль под мышку. Егор растерянно оглядел комнату.

– Уходим, – сказал я.

Забрал с тумбочки серебряную коробочку с веригами, сунул в карман.

– Спасибо этому дому, пойдем к другому, – пробормотал Егор.

И мы стали уходить.

По запасной лестнице.

Егор первым. Я за ним. Толчки не повторялись.

– А у вас в Рыбинске земля тряслась? – спросил Егор.

– Редко. Она плавала.

– Как это?

– Не вверх-вниз, а туда-сюда. Как на льду. Плывуны. Идешь по лесу, а земля вдруг как поедет. И ты вместе с ним, а потом мясорубка. Самое страшное. Землетрясы – это ничего.

Хотя это явление явно античеловеческое, направленное против последних нас.

– Как это?

– Человек взметнул этажи над лесами, продолжил себя в высоту. Сатана разрушает все, что построено, с тем чтобы ввергнуть нас в первобытную равнинность. Все понятно?

– Ясно. А папка говорил, что Земля падает на Солнце, – Егор держался за перила. – И от этого трясется. Мы сейчас падаем на Солнце.

– Если бы мы падали на Солнце, то было бы жарко, – возразил я. – А сейчас не жарко, сейчас наоборот. Мы если и падаем, то в космос.

– Может, мы летом на Солнце падаем, а зимой...

Наверху грохнуло. Что-то обвалилось. Стена, что ли...

– Дом разваливается, – сказал Егор. – Лучше сюда не возвращаться, лучше в слоне...

Он стал шагать быстрее, а я отстал и сказал вдогонку погромче:

– В слоне жить унизительно, Егор! Человек не должен жить в слоне! Человек должен дружить с высотой, тут больше воздуха и меньше плесени!

– Зато не сдохнешь.

– Сдохнешь, Егор, сдохнешь! Никто еще не минул этого. Правда, некоторые, совсем немногие, были вознесены в огненном вихре... Нам это не грозит. Послушай, Егор, а что ты вообще от жизни хочешь?

– Не знаю.

Это он правильно ответил. Человек и не должен знать, что он от жизни хочет. И что завтра с ним случится, тоже не должен знать. Провиденье грядущего лишает смысла настоящее.

Костыль скрипел по ступенькам, не очень удобно бегать на костыле. С другой стороны, привыкаешь и к костылям, ко всему.

Третий толчок. Мощный, я уже покатился. Дом устоял, только загудел.

Егор сидел на ступенях у стены. Бледный.

– Не дрожи, Егор, – сказал я. – День, в который тебя не пытались сожрать или завалить по крайней мере домом, прожит зря. Жизнь – борьба.

– А, брось... – махнул рукой Егор. – Борьба... Как с трясушкой бороться? Это не сумрак, ему голову не снесешь.

– Ну, способы есть...

– Какие это? – с обидой спросил Егор. – Как остановить трясушку?

– Ну, тут много... Можно. Только надо шире смотреть. Твой отец мне подсказал...

– В телецентр идти, – капризно сказал Егор. – Слышал. Ну, дойдем мы в этот телецентр, и что дальше? Узнаешь, с чего все оно началось, отыщешь кнопку. Нажмешь на эту кнопку. А если ничего не случится?

– Тогда мы поищем еще, – спокойно ответил я. – А потом еще. И еще. И так до тех пор, пока не найдем.

Егор промолчал. Плюнул только, пошагал вниз.

Я его понимаю. Егор спокойный человек. Вырос с отцом, в слоне. Он слоносед, попробуй такого куда-нибудь сподвинь. Но ничего. Героями не рождаются, героями становятся. Или умирают, тут кому как свезет.

– Нас не засыплет, не беспокойся.

– С чего ты так уверен? – спросил Егор снизу.

– Меня одна ведьма заговорила, – соврал я. – На засыпание. То есть засыпать обрушенным зданием меня невозможно. И вообще она, ну, эта ведьма, она мне сказала, что меня засыплет чемоданами, таков мой исход, нелепый и печальный. А чемоданов я что-то вокруг не вижу...

Затрясло снова. Егор сел, зажмурился и прикрыл голову руками. Я цапнул его за шиворот и поволол. Через пять минут мы были уже на улице. Земля дрожала, равномерно и не по-живому. Машины с окрестностей сползались в кучу, терлись друг о дружку мордами с железным звуком. Я всегда думал, почему многие машины стоят кучками? Шнырь сказки

мне рассказывал – что машины, они как живые, за долгие годы им становится скучно, и они собираются вместе, чтобы не было так страшно. А вот почему. Страхивает их просто.

Сама дорога трескалась, уже и без того крошенный асфальт измельчался еще сильнее, в чешую. Со всех сторон доносились протяжные стонущие звуки, точно кого-то долго и с удовольствием резали.

Мы отбежали в сторону от высотки, она, конечно, крепкая, сколько лет тут простояла, не упала, но кто знает? Если такая дура завалится, на километр вокруг обломками завалит, похоронит, не откапашься.

Но высотка выстояла. Тряс прекратился, и вокруг установилась пронзительная тишина. Нет, где-то вдалеке все еще обрушивались балконы и трещало что-то каменное, но даже эти звуки являлись частью большой тишины. Егор вытер со лба грязный пот и выдохнул:

– Раньше почти не трясло...

– Раньше я был бы водопроводчиком, – перебил я. – Времена меняются, мир меняется, люди остаются. Так-то.

Я вдруг подумал, что стал говорить, как Гомер. Как опытный человек, который видел много и которому есть что сказать молодым. А ведь я его уже не очень хорошо помню, иногда уже не могу и понять – то ли он это раньше говорил, то ли я это сам уже начал придумывать. Люди становятся похожи на тех, кто был рядом с ними в молодости.

Наверное, раньше, в мире, где тебя не пытались сожрать каждый день, на память оставалось больше места. И лица близких людей не растворялись так стремительно в жизненном вращении. А с нашими скоростями... Тут в один день происходит столько, сколько у нормального человека в три жизни не уложится, память не выдерживает. Вот и Гомера я помню все хуже и хуже.

– Надо в слона перебираться, – сказал Егор. – Прямо сегодня. Сейчас прямо...

– Мы, кажется, сумраков пострелять собирались.

– Сейчас?!

– А что? Не будем откладывать.

Егор с сомнением поглядел на дом.

– Стоит, – успокоил я. – И нас еще перестойт. И вообще, зря, что ли, спустились?

– Ты прав, наверное...

Я усмехнулся.

– Конечно, я прав. Оружие прихватили, можем заняться сумраками... А где Алиса?

Егор пожал плечами.

– Ты ее с утра видел?

– Нет... То есть видел, она на шпиле сидела. А потом по крыше гуляла...

– То есть она может оставаться там?

Егор задрал голову.

– Вряд ли, – сказал он. – Она, наверное, ушла. У нее же чувствительность...

В ноги ударило.

Тряс не прекратился.

За зоопарком обрушился дом. Громко, в воздух темным клубящимся призраком взметнулся фонтан пыли.

– Начало падать уже, – выдохнул Егор. – Раньше не падало. Все к чертям...

Это точно. Город разваливается. Дни наши исполнились тяжестью злодеяний, и крыши не выдерживают груз неба, оседают на головы уцелевших.

На наши головы, так-то.

– Я, пожалуй, схожу, посмотрю, – сказал я.

– Куда? – тупо спросил Егор.

Я не стал отвечать, сбросил рюкзак, сунул ему карабин, сунул костыль, побежал обратно.

– Стой! – крикнул Егор. – Ты что?!

Вверх оказалось легче, чем вниз. Громада дома подрагивала от неустойчивости, а мне

представлялось, что дом трясется от моей неотвратимой поступи, самоуверенно, конечно, но казалось. Чувствовал себя особенно могучим. Вверх за пятнадцать минут, сбил дыхание, вот что значит отсутствие физической активности.

Алисы не было. Квартира, в которой я прожил последнее время... Ее тоже уже не было. Крошево из штукатурки, самодельных игрушек, книг, тряпок, других вещей. Опять. Дом, давший мне приют, уничтожен. Как всегда. Какое-то проклятье...

Я выбрался на крышу. С востока наплывали зимние облака. Алиса сидела на парапете, кидала вниз камешки. Прекрасное занятие. Хотел бы я так. Сесть где-нибудь на мосту, кидать в воду камешки, никого не бояться.

– Пойдем отсюда, – сказал я.

Алиса, само собой, не ответила.

– Тут может все рухнуть. Прямо сейчас.

Алиса не оглянулась. Крыса ее оглянулась, сверкнула на нас бусинками глаз.

– Все будет хорошо. Сейчас мы отправимся вниз, нас там уже Егор дожидается. Он там волнуется, сам сюда бежать хотел... Пойдем вниз, а? А то Егор переживает... Смотри, какие облака красивые! Да ты и так видишь...

Куртка у Алисы порвана, поперек спины царапина, точно когтем полоснули.

– А я самолет ведь видел. Помнишь, я тебе рассказывал? Самолет – это ведь многое означает, понимаешь? Самолет – это значит, что люди еще есть, остались. Пусть где-то там они живут, но они все равно есть. И летать умеют. То есть у них техника сохранилась, ты представляешь?

Она не представляла. Самолет не самолет, ей разницы никакой...

Прямо перед нами, километрах в двух, обвалился высокий, похожий на круглую высокую башню дом. Он раскололся на три части и распустился в стороны, как тюльпан.

– Я скучаю, – сказал я.

И повторил:

– Я скучаю, Алиса. Мне плохо без тебя.

Алиса повернулась. Теперь она сидела спиной к многометровой пустоте, на самом краешке. Смотрела в сторону, не на меня.

– Пожалуйста, пойдем.

Алиса спрыгнула с парапета, прошагала мимо меня, от нее исходил ощутимый жар.

Алиса меня ждать не собиралась, направилась вниз вприпрыжку, только что не насвистывая. Я хромал. Толчки не повторялись. На лестнице тихо, только вериги побрякивали в серебряной коробочке.

Вериги я снял. Вернее, их снял Егор, когда я был в бессознательном состоянии. А дырки заросли. Быстро и накрепко. Едва начали двигаться руки, я хотел их вернуть... Но не вернул. Слишком много боли в последнее время, перебор. И причинять себе лишнюю боль мне не очень хотелось. Я решил отдохнуть от боли. Конечно, в веригах есть сотня плюсов...

Но я уже не молод.

Я протер их спиртом и спрятал в серебряную коробочку. Хотел вменить их Егору, но потом вспомнил об особенностях его воспитания. Он уже слишком вырос, может неправильно понять. Я с ними прожил почти всю жизнь, а он...

Он прожил всю жизнь с отцом.

Отец, наверное, гораздо лучше всяких вериг.

Это Москва. Она начала пропитывать меня своим легкомысленным духом, я даже про тропари стал забывать. Еще год назад я не мог прожить без тропаря ни одного дня, а теперь...

Перед сном. И с утра, но не каждый день.

Вериги позвякивали, напоминая мне о прошлом, которое вряд ли удастся вернуть. Жизнь, оставшаяся за МКАДом, казалась совсем чужой. Заполненной простыми привычными заботами: убийством мрецов, охотой на зайцев, забегами наперегонки со жнецами. Раздумьями о лете, надеждами на хороший улов. А теперь я хотел иного. Я

окончательно вырос, стал выше себя позавчерашнего, перешагнул через себя прошлогоднего, смерть взрослит.

– Эй! – крикнул Егор. – Ты где?!

– Сдох, – ответил я.

Глава 3 Осенние грибы

– Там, – прошептал Егор. – Там, под лестницей.

– С чего ты решил?

– Они всегда тут устраиваются. Папка всегда в сентябре тут убивал. Перед зимой надо зачистить территорию, а то к весне много накопится.

– Понятно.

Я достал бинокль, стал разглядывать дом.

– Сейчас самое время. Они сейчас засыпают, делаются медленными. Ночью заморозок прошел. Можно без ускорителя. Только все равно осторожно надо. А лучше сразу гранату. Они всегда в этом подъезде, именно в этом.

Дом как дом. Обычный. Интересно, почему?

– Давай из гранатомета выжгем.

– Нет.

Всего два выстрела осталось, гранатомет надо поберечь, вдруг пригодится? Егор говорит, что огни вчера видел. Вечером. В небе. Снова. Не шаровые молнии. Огни. Передвигались в облаках, сходились – расходились.

Я никаких огней не видел. Хотя я вечером и не выходил, спал.

– Лучше из гранатомета, – повторил Егор.

– Я сам знаю, что лучше, – огрызнулся я.

– Да ладно, не злись... Я просто к тому...

Злой я стал, это он верно. Можно бы и не злиться, а я злюсь. Раздражаюсь. Даже сам не пойму из-за чего. Наверное, из-за неподвижности. Месяц с лишним в неподвижности, хорошего мало.

А мог бы и сдохнуть. Запросто. Я даже сдох, эта предсказальница все точно прозрела, отвернуть советовала. Но я не отвернул. И дошел. Пусть это не Центр, но все равно. Добрался. Япет проиграл, Доктор выиграл.

– Ты же еще хромаешь. А вдруг он не совсем замерз, вдруг он шустрый? Такое бывало. Однажды папка...

– Разберемся. Сиди здесь.

Я поднялся. Направился к лестнице. Нога сильно не болела, но и в нормальное состояние еще не пришла. Плохо сгибалась.

– Ну, одного еще убьешь, другие придут. Всех не перебить.

– Их вообще нельзя убить, – поправил я.

– Почему?

– Они не живы. В этом наше преимущество. Мы смертны, это главная ценность. Сиди здесь.

Руки тоже работали не очень хорошо. Левая до сих пор не развивала должного усилия, правая более-менее. И шея на правую сторону не до конца сворачивает. А ладно...

Я стал спускаться. В очередной раз отметил, что вниз шагать гораздо сложнее, чем вверх. Что-то щелкает в организме. В ногах, в позвоночнике, в ребрах, я похож на деревянного человечка, разохся и не пляшет, а если по лестнице спускается, то обязательно держится за стены. Чтобы не упасть.

Я нездоров.

Вот это мое нездоровое состояние сильно повлияло на меня. Не только на психику, ладно, раздражительность, успокоюсь. Но я теперь везде с неправильным оружием хожу. С

дурным, с тем, которое раньше даже в руки не взял бы. С винтовкой. С пистолетом. Карабин таскает Егор, он у меня вроде как оруженосец, я его тренирую. Заставляю заряжать-разряжать, каждый день по двадцать раз. Ничего. Успехи есть, минута двадцать. Конечно, я за это время могу четыре раза... Мог. Сейчас я еще медленнее Егора. И слабее. Раньше, допустим, я легко проталкивал пулю шомполом, теперь приходится вбивать ее молоточком. Так что винтовка и только винтовка. Я понял, винтовка – оружие для калек. Но по-другому пока никак.

– Сиди здесь, у окна, – повторил я.

Подхватил канистру, пнул дверь, вышел на улицу. Холодно. Под ногами хрустит лед, шагать скрытно не получается. Впрочем, в этом сплошное преимущество – твари тоже потихоньку не умеют, и хруст их слышен издали. Зима – наш союзник, мороз – наш друг. И воздух стал чище, гарь, затопившая мир летом, притихла, втянулась в земные норы, дышать стало легче. Небо потеряло неприятный оттенок красной глины, просвечивало через тучи синим и желтым, настоящее осеннее небо.

Теперь только перейти улицу. С нечетной на четную, дом 24.

Хруст, хруст. Шестьдесят восемь шагов, а раньше я эту улочку легко перешел бы за сорок. Это как старость.

Дверей в подъезде не было, валялись рядом. Железные. Люди обожали ставить в свои дома железные двери, видимо, опасность существовала всегда, ничем другим объяснить такое количество дверей не получалось.

Подъезд был как всегда темный. Я достал спичку, чиркнул, швырнул внутрь.

Спичка горела красным, светло. Снял винтовку, старался держаться стены. Под лестницей что-то вроде логова. Мусор, слюни, пустые бутылки. Бесформенное гнездо, большое. Хотел сразу выстрелить, затем вдруг решил посмотреть – как они там живут. Внутри. Сугубо с познавательными целями. Пристегнул к стволу штык.

Воткнул в кучу мусора, дернул вниз. Мусор рассыпался, и наружу вывалилась рука. Я отпрыгнул, вскинул винтовку. Самая обыкновенная человеческая рука, длинная, узкая. Женская, слишком узкое запястье. И кольца. На пальцах.

Сумрак затащил в свое логово человека. Возможно, это запасы на зиму, должен же он что-то жрать?

Я уже собрался распотрошить эту мусорную кучу, но тут рука выставилась еще. Пальцы сжались в кулак. До локтя это выглядело как нормальная человеческая рука, а выше...

Выше это был уже сумрак. Распухший до красноты локтевой сустав переходил в однородную, белесоватую конечность, прорезанную густой сеткой кровеносных сосудов. Превращение. Зимняя спячка. Вот оно как, значит. Из людей получают. Зараза.

Я вскинул винтовку и выстрелил. В то место, где должна располагаться голова. Два раза. Гильзы звякнули о стену. Я наклонился, поднял, спрятал в карман. Звонилка получится, или свистелка даже, каждая гильза свистит в своей собственной манере.

Пальцы сжались в кулак еще несколько раз, распустились. Все, кажется. Спичка погасла.

Свинтил с канистры крышку. Плеснул на мусор, чиркнул огнем.

Загорелось.

Вернулся на улицу. И не надо никакого гранатомета, действуем своими силами.

Из окна выставился Егор, помахал мне рукой.

Нормально. Пойдем дальше, в конце улицы на третьем этаже, там, кажется, еще. Надо до обеда зачистить.

Через пару дней идем на север. Тут недалеко, буквально несколько километров. Местность только почти непроходимая, если верить Егору. Если верить ему, то Старший пытался туда два раза пробраться, и два раза возвращался потрепанным. Огромное количество сумраков. Ловушки. Участки с деформированным пространством. Как пройти, неизвестно. Хотя Старший и оставил карту. Можно пойти кружным и длинным путем. Но в

этот раз мне хочется напрямик – не очень приспособлен я для дальних походов. Теперь.

– Беги! – заорал Егор.

Я не побежал, просто в сторону отпрыгнул.

Факел. Он медленно брел в мою сторону.

Грохнуло, Егор выстрелил из карабина, попал в стену.

Сумрак наступал на меня. Никакой скорости, просто плелся, чуть приволакивая ногу. Время есть. Я поднял винтовку.

Сумрак прыгнул, я выстрелил. Нет, все-таки это удивительно неприятное оружие. Звук, отдача, какая-то игрушечность во всем, просто противно. Калибр. Хуже всего, безусловно, калибр.

Пуля попала сумраку в плечо, он даже не заметил. Ладно, в колено, по старинке.

Выстрел.

Патрон перекосило. Вот поэтому я не люблю штурмовые винтовки, автоматы, пистолеты-пулеметы, ручные пулеметы. Они ненадежны. Изношены. Патроны переснаряжаются по два-три раза, вот и перекосы. Заеды, осечки, да мало ли...

Отбросил в сторону, достал пистолет. Пистолет получше, почти новый, мало стреляли. Конечно, в не очень хорошем состоянии, пружины подмяты.

Выстрел.

Мимо.

Докатился, стал мазать. Никогда такого не было. Руки дрожат, не дрожат, не могу нормально стрелять. Сумрак приближался. Егор заорал что-то сверху. Я вернул пистолет в кобуру. Походим. Сумрак горит, и горит неплохо. Шагает медленно. Как и я. Походим.

Я двинул по улице. Сумрак шагал за мной. Со скрипом. Метров через пятьдесят он остановился. И я остановился.

Сумрак догорал. Кожа слезала, грязными лохмотьями, мясо пузырилось, горит как затык, вся погань одинакова. Все, вряд ли теперь бегать станет.

Я обогнул сумрака и вернулся к дому 24.

Показался Егор. Поглядел на меня с сомнением.

– Ерунда, – сказал я. – Куда дальше?

– Может, в слона? Отдохнешь...

– Я не устал. Злость в руках, надо выплеснуть, а то могут чирьи повыскакивать.

– Что? – не поверил Егор.

– Чирьи. У тебя были?

– Да...

– Вот видишь. Это от злости. Надо было выпускать эту злость, я когда злился, всегда шел к ближайшему кладбищу. Придешь, сядешь на могилку, подождешь немного, пока мрецы тебя не учуют. Ну и стреляешь себе, пока нервы не успокоятся. И никаких кожных заболеваний. Тот, кто много стреляет, тот долго живет, все болезни от нервов, это издавна известно.

– Я не люблю стрелять, – сказал Егор. – Я люблю спать.

– Вперед, слоноид, вон туда, кажется.

– А винтовка?

– Она меня разочаровала.

Мы шагали по узенькой улочке. Спать он любит. Кто не любит?

Егор кряхтел и был недоволен. Не хотелось таскать оружие. Мой карабин, свою винтовку, гранаты. Не хотелось ему и по морозу болтаться, хотелось сидеть в слоне возле печки. Я его понимал. Я тоже хотел к печке. По утрам и вечерам у меня сильно ныли поломанные кости, я доставал специальную войлочную одежду, нарезанную из валенок, заворачивался в шерстяное одеяло, подвигался к очагу и грелся, как старик.

Греться, это хорошо. Но я помнил, что в жизни не только печки и горячий чай, в ней есть еще и цель.

– Осенью всегда хлопоты, – утешал я Егора. – Надо приводить в порядок дела. Мы в

Рыбинске осенью много что делали. Налимов били в ночь, кенг по норам вытравливали осиновым дымом, грибы собирали.

– Грибы?

– Ну да, грибы. Подземные. Мы их с помощью поросят искали. Вкусные. Грибы то есть. Иногда по ползимы на этих грибах сидели. Так что не ропщи особо. Сейчас перебьем сумрачат, весной меньше забот.

– До весны далеко, – вздохнул Егор.

– Надо думать о будущем, – сказал я. – К тому же я должен посмотреть.

– На что посмотреть? – насторожился Егор.

– На тебя.

– Как это? – Егор остановился.

– Сумраки действительно в спячке, – сказал я. – Во всяком случае, приткостью они не отличаются. Так что с ними младенец справится.

– Я...

– Это просто, – сказал я. – Стреляй в шею. Не паникуй.

– Ладно... Просто обычно это папка делал.

– Теперь его заменишь ты.

– Но ведь папка...

– Он смотрит на тебя с небес, – заверил я. – Можешь не сомневаться.

– Но я...

– Вперед, убийца, – сказал я и подтолкнул Егора в лопатки.

Он насупился. А что делать? Надо взростеть. Всю жизнь в слоне не отсидишься. Мы свернули в проулок и встретили танк. Большой, старый, похожий на толстого лобастого жука, цвета зелено-рыжего.

– Это тот самый, – сказал Егор. – Однажды папка в нем две недели почти просидел. У него тогда ускоритель наполовину сработал, вот он и затормозился. Бежал, бежал, видит, танк. Люк как раз оказался открыт, он и запрыгнул. А сумраки почти пятнадцать дней скреблись.

– А что же он не вылез? – спросил я.

Две недели в танке. Неплохо. Я знал одного человека, который шесть дней в нефтяной бочке просидел. Только его не сумраки загнали, а волкеры. И не в городе, а в лесу. Два часа почти через бор вели, этот человек думал, что все уже, дыхание село почти. И тут на бочки наткнулся. Повезло, бочки как раз были подходящие, с крышками, человек запрыгнул, завинтился. Думал, волкеры отстанут – нефтью все-таки воняет, а им плевать, воняет не воняет, они жрать хотят. Так шесть дней его и катали, пока не надоело. Терпение – важное качество, это несомненно.

– Как вылезешь? Без ускорителя никак, разорвут, а часто его нельзя применять, вены выгорят. Вот папка и ждал, пока время пройдет. Ничего, ему понравилось.

– Чем?

– Надежно.

Егор пнул гусеницу. Да, надежно.

Хорошо бы этот танк починить. Это на самом деле было бы просто здорово. Сесть в танк, набить его запасами, едой разной и отправиться на нем в путешествие. Танку ведь все равно, где ехать.

– Мы его отремонтировать думали, – сказал Егор. – Только не получилось ничего. Двигатель надо доставать, а для этого целый завод нужен. Раньше на танках самые лучшие люди ездили.

– Лучшие – это какие?

Егор пожал плечами.

– Не знаю, как они там определялись. Но самые главные ездили на танках.

Мы с сожалением перелезли через танк. За ним стояла колонна ржавых грузовиков, поросших шипастыми кустами, загораживала все. Протиснулись вдоль стены, переулок

вывел нас к изогнутой улице, на которой почти не было машин и сохранились несломанными все фонари.

– Вон, – указал пальцем Егор. – «Сосисочная № 9». Они там любят прятаться. Не знаю, почему.

Сосисочная. Слово какое-то... Необычное. Неудивительно, что сумраки тут прячутся. Я видел банки с сосисками, открываешь, а там пена вонючая.

– Внутри, – кивнул Егор. – Там в подвале они и сидят.

Уставился на меня.

– Не переживай, – сказал я. – Если что, я за тебя отомщу.

Егор сбросил рюкзак на асфальт, бережно протянул мне карабин, себе оставил штурмовик.

– Дай-ка и это. – Я отобрал у него винтовку.

У Егора неплохая молотилка, крупный калибр, замедлитель огня, увеличенные магазины, переделанный утяжеленный ствол. Такой штукой можно два кирпича пробить, главное, чтобы в хорошем состоянии была. Отец Егора за оружием вроде следил, но я уже говорил, не оружие часто главное, а патроны. Патроны отец Егора переснаряжал, от этого и беда. Неделью назад, валяясь в койке, я произвел отбор. Себе оставил самые ненадежные патроны, с поцарапанными гильзами, с самодельными пулями и с самодельными же капсюлями, Егору отдал припасы новые. Хотя, конечно, совсем новых не было вовсе. Найти бы военный склад...

Поэтому я и люблю карабин. Порох всегда можно найти, свинец наковырять из аккумуляторов, с капсюлями, конечно, сложности, но и это решается. И почти никаких осечек.

Проверил винтовку Егора. Вроде ничего. Вывинтил из приклада штык, прищелкнул к стволу.

– Вот примерно так, – вернул оружие Егору.

– Зачем штык?

– Вспарывать, – объяснил я. – Если что. А вообще все просто. Зайдешь, кинешь спичку. Она загорится. Увидишь сумрака – стреляй. Одиночным. Потом сразу беги наверх. Понял?

Егор кивнул.

– Десять минут. Если не вернешься, я спущусь.

Егор кивнул еще. Он приложил к плечу винтовку и двинулся к сосисочной. Перешел улицу наискосок, толкнул плечом дверь.

Я присел на опрокинутую мусорную урну, стал ждать. Сумраки – неплохая разминка перед броском на север. Постреляем поганцев, наберемся уверенности, она не только Егору нужна, она и мне не мешает. Только Алисе не нужна уверенность.

Огляделся. Не видно Алисы, прячется где-то.

Выстрела нет.

Солнце прорезалось через тучи, брызнуло мне в глаза отражением от соседних стекол. Зажмурился. Надо сегодня убить штук пять сумраков, не меньше. И завтра, и еще пару дней, а потом уже и на север. Интересно, там есть кто? Люди то есть. Давно я людей не видел, живем в пустыне. А что, если мы последние?

Никогда не мог такого представить. Мы одни. А ведь в этом мире все что хочешь случается. Варшавская могла провалиться. Или затопило ее. Или прорыв, погань продавила засеки, или проникла изнутри, есть тысяча причин для смерти. Мы с Егором остались. И надо доживать. Вот мы бредем через остывающий город, заходим в дома, ночуем в старых котельных, прячемся в люках и на чердаках, разговариваем, чтобы было не так страшно, а иногда по той же причине молчим.

Что-то он не стреляет. Пять минут точно прошло, а он все не стреляет. Еще две минуты подожду. Закрыв глаза и стал считать. Можно было прочесть тропарь, например, победы, он как раз чуть больше двух минут, но я стал просто считать. Две минуты – это примерно сто.

Посчитал.

Выстрела нет.

Придурок. Не может справиться с простым делом, ладно, еще минуту. На двадцати я не выдержал, поднялся с мусорки и двинулся к сосисочной, смешное слово.

Видимо, сосисочная представляла собой разновидность кафе – много перевернутых столов и стульев, на стенах пыльные картины, кое-что еще видно – хлеб, помидоры, жареная рыба. Егор прав, в таких местах погань любит прятаться, она с чего-то всегда к людям притягивается, даже к бывшим. Наверное, тут энергия. Мы ее не чуем, а они чувствуют. Ладно, посмотрим.

Я пересек зал и вступил в задние помещения. Раньше тут приготавливали пищу, на полу валялось много разной посуды, ножей, ложек, вилок и другой утвари, вход в подвал располагался в коридоре, рядом со складом. Здесь уже темно, в воздухе пахло железом, и... спичкой не пахло. Эти спички чрезвычайно вонючие, сладкий серный запах, его можно за километр учуять. Егор не зажег спичку.

Или он струсил и не спустился в подвал, или...

Само собой, внизу было темно, пришлось воспользоваться карбидкой. Узкая лесенка, спустился по ней. В подвале пахло древней плесенью, карбидка светила тускло, или темнота слишком густая, коричневая, непробиваемая, как под водой. Запнулся. Направил луч под ноги. Пол покрывала все та же плесень, следы на ней просматривались четко. Егор здесь был. Я направился по его следам и почти сразу увидел.

Сумрак стоял у стены. Обычный такой сумрак, бледно-червячного цвета, с опухшими суставами, стоял в позе дерева, в которое ударила молния. Он был в очках, это меня просто поразило. Круглые черные очки, непонятно, на чем они держались, нос почти врос внутрь. Меня сумрак не заметил, никак, во всяком случае, не прореагировал. Я сделал шаг. Еще один. Мордой к стене. И еще один, стоит в странной позе, опершись лбом на кирпичи. Потом сразу двое, тоже лбом к стене.

Гнездо. Егор говорил, что они одиночники. А вот, оказывается, и нет, собираются в стаи для зимовки. Многие звери так поступают, летом готовы друг другу горло перегрызть, а зимой в одну берлогу залягут и сопят себе, сопят. Хорошо бы сюда гранату. И канистру напалма. Бензина хотя бы.

Если бы не зима...

Егор сидел на трубе. Винтовку он держал между коленей. Спокойно так сидел, смотрел прямо перед собой. Увидел меня, скосил глаза, моргнул. Я кивнул. Сумраки спали. Но не совсем, я видел, как подрагивают их лапы, как двигаются острые лопатки, как морщится кожа на затылках. Нет, они не спали, они ждали.

– Уходим, – прошептал я чуть слышно.

Егор помотал головой.

– Уходим, – прошептал я настойчивее.

– Они раньше всегда поодиночке, всегда поодиночке... – с отчаяньем проговорил Егор.

– Это потом, на воздухе. Сейчас уходим.

Егор выпучил глаза.

Я оглянулся. Сумрак белел возле лесенки. Когда спускался, не заметил его... Или он там не стоял. Спустился за мной. Получается, что ловушка. В условиях зимы каждая самостоятельная тварь начинает действовать совместно, совместно спят, совместно охотятся. Знать бы, что будет, когда они сожрут всех людей. На кого переключатся? Друг на друга. Они спокойно жрут друг друга, как вся погань.

Дорога перекрыта.

Это был совсем не сумрак. Человек. Самый настоящий, высокий дядька, с длинными руками, с широкими ладонями, он держал их вывернутыми вперед. Глаза широко раскрыты, и рот тоже. Этот человек стоял у лестницы, но человеком он уже совсем не был. Наверное, это первый шаг. Заразился и теперь потихонечку превращается. Как все остальные.

Если я сейчас выстрелю в него, остальные накинута. И пусть они даже не вполнину

такие быстрые, как летом, но нам хватит. Егор перепугается и начнет стрелять. Пространство закрытое, пойдут рикошеты...

Надо думать.

— Иди ко мне, — сказал я.

— Не могу... — ответил Егор.

— Ко мне! — уже приказал я.

— Не могу!

Я прицелился ему в лоб.

— Если ты сейчас не оторвешься с этой трубы, я тебя просто пристрелю!

Егор закрыл глаза. И начал медленно подниматься.

Сумраки развернулись. Все, кто стоял мордой в стену, повернулись к нему, Егор тут же сел. Примерно этого я и ожидал. Похоже на паутину. Стоит одной ниточке дернуться, как выскакивает голодный хозяин.

Я шагнул к Егору. Осторожно, стараясь не делать резких движений.

Еще шаг. Теперь я стоял уже напротив этого дурня. Сумраки собирались вокруг, в мраке подвала, едва освещаемом слабым огоньком лампы, колыхались их мутные туловища.

— Слушай внимательно.

Я старался говорить спокойным, самым обычным голосом, Егор и так был здорово напуган, гладил пальцем штык. И что он сюда вперся? Как вот с такими соплями дела делать? Ладно, поживем, поглядим.

— Дай винтовку.

Я поймал за ствол штурмовик, потянул к себе. Егор не отпускал.

— Отпусти, — прошипел я.

Егор разжал пальцы. Я взял винтовку. Они были почти рядом, вряд ли больше метра, вокруг, подрагивали еле заметно. Нет, все-таки редкостная мерзость, особенно эти их суставы... И сразу так много их, пять. А подвал большой, наверное, ведь и еще есть, другие.

— Надо все делать быстро, — сказал я. — Очень. Я посчитаю до трех, после чего выстрелю в того, что за спиной. Его отшвырнет, и ты рванешь к лестнице.

— Но там...

— Ты рванешь к лестнице. О том я позабочусь. Твое дело выскочить наружу. Ясно?

— Да. А ты?

— Я выйду вторым. Готов?

— Да.

— Раз.

Я начал поворачиваться. Карабин я держал справа, под мышкой. Винтовку в левой.

— Два.

Я упер карабин в ребристую, с морщинистыми кожными складками грудь.

— Три.

Выстрел. Тяжелая пуля швырнула сумрака на стену, пробила в ребрах дыру. Егор тут же кинулся в освободившееся пространство, я перекинул карабин за спину, переложил винтовку из левой в правую, выстрелил поверх головы Егора в тварь у лестницы. Попал, само собой. Сумрака развернуло, и Егор успел проскочить.

Меня тут же сбили с ног, но я и не собирался бороться с ними стоя. Перекатился на спину. Ткнул ствол винтовки в первое же вражеское колено. Очередь! Мосол разлетелся в лохмотья, сумрак завалился, я перекатился еще и выстрелил в другого. На этот раз не в колено, в голень, получилось еще лучше. Крупный калибр раскромсал конечность в костяные осколки, второй сумрак завалился и стал биться на полу.

Я встал на колени, выпустил очередь в нависшую надо мной морду. Брызнуло горячим, на меня обрушилось тяжелое мертвое туловище, прижало к полу, карбидка погасла.

Сбросил дергающуюся тушу, отполз к батарее, прижался спиной, стал лупить направо-налево.

Штурмовик работал надежно и кучно, мне нравилось. Движуха пошла со всех сторон,

подвал наполнился шорохом и присутствием, я поднялся на ноги и стрелял по сторонам, не целясь, по-московски, длинными очередями. Переменил магазин и снова. Стрелял, смещаясь вдоль стены в сторону лестницы. Хорошо бы спичку, хоть что-то бы видеть... У винтовки отдача не очень сильная, можно и попробовать. Конечно, стрельба с одной руки – это все чужь, нельзя так. Но пришлось. Оружие непослушно заплясало в правой, левой нащупал кошель, коробок, спичку, чиркнул о стену.

Лучше бы не зажигал. Их было много. Я даже считать не стал, наверное, штук двадцать. Со всей округи собрались, твари. Кинулись. Плавно-ломаными движениями. Не все, штуки три.

Я заорал. Справа налево, двух срезал, третий прижал к стене, вдавил локоть в горло, чуть шею не свернул, челюсти хрустнули.

До лестницы совсем близко. Нащупал пистолет, уставил в брюхо, стал стрелять. Сумрак даже не вздрагивал, я выпустил ему в кишки пятнадцать пуль, он отвалился. Успел поменять магазин. Третий, последний, остальные в рюкзаке.

Одним прыжком до лестницы, все. Все, успел. Взбежал на пять ступенек, твари навалились, приблизились все, скопом, запутались в ступенях, заскользили по плесени, я разнес их тремя очередями. Патроны кончились. На лестницу влетел тот, в круглых очках, и я, не размахиваясь, врубил ему в переносицу штык. На всю длину. Лезвие вошло поперек лба и застряло, я выпустил винтовку, она так и осталась у него в башке. Несколько секунд он стоял, ничего не понимая, затем стал выкручивать штык из кости. Я не собирался наблюдать за успехами, достал из подсумка гранату, запустил вниз.

Выбрался наверх, запутался в обеденном зале в табуретках, упал и выполз на улицу уже совершенно на карачках. Солнце вылезло из-за туч окончательно, ослепило, резануло по глазам, чуть слезы не брызнули.

– Сюда! – крикнул Егор.

Граната не взорвалась, такое случается. Я, приволакивая ногу, подбежал к нему.

Егор стоял рядом с крыльцом, нервно грыз ногти, сплевывал их в ладонь.

– Все? – спросил он и ссыпал в карман ногти. – Всех убил?

Я помотал головой. Перезарядился.

– Надо было гранатой...

– Не взорвалась, – объяснил я.

– Надо еще кинуть.

– Пойди кинь.

Егор помотал головой. На пороге сосисочной появился сумрак. Поежился от холода, на туловище у него просматривались дырки от моих пуль, не принесших ему, как видимо, никакого вреда. Он двигался лениво, полусъеженно, увидел и сразу направился к нам. Этот сумрак был перепутан веревками и поперек и наискось, веревки и за ним волоклись, видимо, когда-то этот человек занимался веревками, веревочником был, или ремнеплетом, хорошее ремесло. Только не вылечить его теперь ничем, хотя нет, есть.

Сумрак заковылял скорее. Я выстрелил.

Карабин. Как же все-таки приятно! Пуля попала сумраку в голову, сумрак свалился вперед и уже не поднялся, так и остался. Будь здоров.

Перезарядил.

И тут же из сосисочной стали вываливать остальные. Много. Грязная толпа, в лохмотьях, в бусах, с блестящими часами на руках, какое счастье, что зима и они медленны, они устремились к нам, похожие на устрашающих сверчков, ночных насекомых, даже с каким-то соответствующим согласным гудением.

Егор поднял обрез, короткоствольный, всего лишь пять патронов, оружие для ближнего боя, оружие для боя почти в упор. Егор прицелился и тут же выстрелил, конечно, промазал и крикнул:

– Бежим! Бежим!

Сумраки умеют это – внушать страх. Один раз увидишь – и потом каждый раз пот по

загровку, это и я почувствовал. Егор пальнул еще раз, и снова промазал и рванул, я едва успел поймать.

– Бежим!

– Не сейчас, – сказал я по возможности спокойно. – Мы их перебить собирались.

Я выстрелил.

Сумраки приближались. Я решил остановить всех, надоели они мне, ходят здесь туда-сюда, последних людей пугают. Сожрать меня пытались, изломали всего. Курка убили. Пожалуй, из всей погани я ненавижу их больше всего.

До того, как они приблизились на опасное расстояние, я успел уложить еще двух. Егор тоже стрелял. Три раза, все три раза мимо. Попробовал перезарядить, рассыпал патроны.

– Бежим! Бежим!

Он не выдержал, прыснул в сторону проулка.

Сумраки приближались. Вступать с ними в рукопашную я не собирался, времени на перезарядку не оставалось, поспешил за Егором.

Он забыл про проход вдоль стены и продирался напрямик через колючие заросли и грузовики, ругаясь и всхлипывая. Нет, надо еще учить и учить, слишком уж легко утрачивает равновесие, такие долго не живут. Надо начать за ноги подвешивать, это чрезвычайно укрепляет самообладание. Повисишь пару часиков вниз башкой на шестнадцатом этаже – и успокаиваешься. Начинаешь смотреть на мир по-другому. На бревне еще хорошо стоять, Гомер любил это упражнение. Вкапывается бревно, не очень высокое, метров в десять. Вертикально. Человек забирается на бревно и стоит на торце сколько сможет. Развивает терпение и равновесие, нельзя ни двигаться слишком сильно, ни стоять абсолютно неподвижно. Сначала подвешу его, потом на бревно.

Я сделал несколько шагов вдоль стены, зарядил карабин. Сумраки уже пытались прорваться через кусты, я пристрелил еще одного.

Хлопнула крышка люка, этот дурак забрался в танк. Если совсем одуреет и закроется, не выкурить, нет, определенно на столб его надо выставить.

Протиснулся мимо грузовиков, запрыгнул на танк.

– Егор! Вылезай!

Егор крикнул что-то из-под брони, совсем не слышно. Показались несколько сумраков. Я сидел рядом с пушкой. Сумраки пробирались через кусты и через грузовики, я отстрелил еще две штуки, и тут показался быстрый.

Он влетел на кабину грузовика, ударил лапами по крыше, и железо продавилось. Быстрый. Не до невидимости, но раза в два быстрее, чем я мог отследить. Я прицелился, выстрелил и попал в пустоту, и тут же сумрак плюхнулся на меня. Боднул, ударил кулаком в грудь и вышиб дыхание, отшвырнул карабин и впился зубами в плечевой щиток и тут же схватил меня под мышки, поддернул вверх и ударил спиной о железо. И головой тоже.

И еще раз. Со второго раза у меня звезды в глазах завертелись, крупные, с лапками и хвостиками, и внутри опять что-то треснуло, в районе позвоночника. Сумрак собирался продолжить, и сил мне достало только на то, чтобы вытащить нож, а вогнать его между ребрами уже нет, не получилось.

Наверное, с третьего раза он вышиб бы из меня сознание. Вырваться из этих лап не получалось, я попробовал пнуть тварь коленом в живот, с таким же успехом я мог бы пинать водокачку. Я приготовился к удару, стараясь привести мышцы в полурасслабленное положение, успел увидеть равнодушные сумрачьи глаза...

Над ухом грохнуло. Сумрак обмяк и повис на моих плечах. Показался Егор, столкнул погань в сторону. Схватил меня за шиворот и втащил в люк, вниз головой, я ударился сразу о множество острых углов, больно.

Егор захлопнул крышку люка.

Я лежал, уткнувшись головой в холодное железо, задрал ноги. В танке оказалось тесновато. Полежал маленько и вывернулся, сел. Повезло. Отбрыкались. Если бы не холод, если бы сумраки оставались в силе и не тормозили... Так легко не отделались бы. Отец

Егора не дурак, зачищал территорию в мороз.

Теперь бы из танка выбраться.

– Не переживай, тут все есть, – сказал Егор.

– Что есть?

– Все, что надо. Отец после того сидения тут запасы оставил. Вода, еда, свечи. Даже книжки есть, чтобы читать и не умереть от скуки. Оружие с патронами, запасы небольшие, но все-таки достаточные для обороны.

– Мудро, – оценил я.

На самом деле, мудро, я мудрость люблю, когда она настоящая. Вон Гомер, сколько раз мне велел в прикладе три заряда запасных держать – мудро ведь, сколько раз жизнь мне спасало!

– У нас тут везде нычки. В разных местах. Отец хотел распространить зону безопасности, почти в каждом доме можно отсидеться неделю-другую.

Егор зажег свечу. Действительно. Бутылки, коробки, пластиковые ведерки. Наверное, при желании можно не две недели, а целый месяц просидеть, а то и больше. Даже вдвоем. Хотя вдвоем сложно, одному еще кое-как можно было пристроиться и спать на боку, вдвоем придется сидеть. Хорошо хоть стульчики припасены.

Устроились в этих сиденьях и стали смотреть на свечу.

Я люблю свечи, от них успокаиваешься. От запаха, от равномерного потрескивания, от света. Жаль, что Егор и его папаны почти все свечные запасы спалили, осталось мало, ящика три, теперь зажигаем по одной штуке по вечерам, смотрим на нее. У Егора в слоне и особые свечи есть, праздничные, в виде елок, в виде цветков, в виде сказочных существ, он их не разрешает зажигать, бережет для праздника. Я спрашивал, когда должен праздник приключиться, хоть какой-нибудь, но Егор не отвечал, подозреваю, что не знал он ничего про праздники. Но свечи не давал, берег.

По свечке побежал расплавленный воск, я собрал его и стал разминать пальцами, приятное вещество.

– И что дальше будем делать? – спросил я.

– Ничего. Посидим немного. Морозы ударят, они сразу и разбегутся.

Понятно, подумал я. Не хочет идти на север. Придумывает оправдания. Танк вот подвернулся. Удачно...

Как-то чересчур удачно. А может, он нарочно? Придумал все, поперлись в эту сосисочную... Нет, вряд ли нарочно, не стал бы Егор жизнью рисковать, чуть не сожрали ведь.

– А если морозы не ударят? – спросил я.

– Ударят, – пожал плечами Егор. – Морозы всегда случаются. А сейчас выходить нельзя...

Снаружи по броне ударили, царапнули острым.

– Слышишь?! Это они! Выходить нельзя! Они тут всех выели. Всех, только они одни остались. Никаких других существ. Ты рассказывал про других существ. Про волков, про кенгу... Кенга – это кто?

Зубы заговаривает.

– Кенга – это кто? – повторил Егор.

– Она скачет. Живет в мусоре, как крыса.

– Она крыса?

– Как крыса. Не помню... У нас много было всего, в Рыбинске, под каждым кустом. Мы все думали, что здесь их еще больше...

– Нету здесь ничего. Смешные названия... Это кто придумал?

Я вдруг понял, что названия действительно смешные. Детские какие-то. Волкер, кенга...

– Сами придумались, – сказал я. – Названия всегда придумываются сами по себе. Мутанты мутят, слизни людей слизывают, ну и так далее. Ной ноет. Громко и гадко. Да ну

их...

По броне ударили еще.

– Может, гранату кинуть? – предложил я.

– Не, тут никак, – помотал головой Егор. – Люк не открывается на мало, он только совсем, гранату тут никак не подсунуть. А если подсунешь, то обратно вдруг скатится?

Егор вздохнул.

Звуки пошли сразу с нескольких сторон, много их тут собралось, царапщиков. Я оглядел внутренности танка – нет ли какого маленького люка, для гранаты.

– Почитать не хочешь? – спросил Егор. – Тут интересного много.

Егор сунул мне пачку журналов, прошитую толстой ниткой. Журналы разные и действительно интересные. «Мускуляр Депо» – целый журнал, рассказывающий о неимоверно физически развитых людях, причем не только мужчинах, но и женщинах. Я был поражен обилием мускулатуры и не очень понимал, зачем оно такое требуется? Возможно, это были рабочие, занятые на тяжелых должностях, возможно, водопроводчики высшего уровня, не те, которые проводят воду в каждый дом, а те, что добывают ее из подземных глубин и носят на своих плечах огромные толстые трубы. Бойцу такая мускулатура станет скорее мешать, вон Гомер был довольно сухим человеком, наверное, даже меньше меня, а встретиться с ним врукопашную или еще хуже – с оружием в руках никто не хотел бы. Точно, водопроводчики.

«ПСМ», сразу несколько номеров. В журнале рассказывалось о новых образцах стрелкового оружия, о девушках, которые почему-то всегда изображались почти голые, и о мотоциклах. Читать особенно нечего, но картинки мне понравились. Конечно, оружие было тут совсем ни к чему, только все портило, а девушки были нестерпимо красивые, в мотоциклах же я ничего не понимал. Иногда девушки сидели на мотоциклах и держали в руках пистолеты, весьма с бравым видом, иногда они на мотоциклах лежали, точно отдыхая, а на последней странице я прочитал, что «ПСМ» означает «Пушки – Сиськи – Мотоциклы». От просмотра журнала я несколько разозлился, потому что опять стал думать о том, какой мир они изгадили. Оставили нам жалкие руины, в которых мужчины не доживают до двадцати, а женщин вообще мало, и ни одна из тех, что есть, недотягивает до красавицы на мотоцикле.

Разве что Алиса. Правда, я ее в таком образе не видел.

«Футупризма», этот журнал меня тоже удивил, но, скорее, неприятно. В нем помещались короткие истории, видимо, про будущее. Одни истории хорошие, про то, как люди выучились летать к звездам, излечили все болезни и превратили планету в цветущий сад. А другие истории, наоборот, невеселые. Как Землю протаранил огромный камень из космоса, и она раскололась на несколько частей. Как мир замерз или, напротив, сгорел в огне, потому что исчез воздух, а люди перебрались под землю. Про чуму, которая выкосила всех.

Истории были написаны интересно, я стал читать. Свечка прогорела, и Егор тут же зажег другую, а потом прогорела и эта, и Егор не пожадничал и зажег третью.

Я читал. В истории рассказывалось про мир, в который вторглись чудовища. У людей сохранилась вся техника и вся их мощь, но монстры могли появляться в любом месте в любое мгновение, и это сделало бесполезным все существующее оружие, кроме холодного. И люди не могли ни жить, ни что-то делать, потому что в любую секунду могло произойти нападение, все разрушилось, и ничего сделать с этим не получалось. Заканчивалось в том рассказе все плохо. Чудовищ становится все больше и больше, а людей наоборот, и в самом конце несколько уцелевших человек сидят на старом мосту и стараются не уснуть, потому что монстры любят нападать во сне.

А спать хочется.

Зря я прочитал этот рассказ. Мир слишком напоминал наш. Нет, в нашем мире не было чудовищ, появлявшихся ниоткуда. Но ощущение очень похожее возникало. Безднадежности.

Егор тоже читал, то есть листал журналы, а потом зевнул и сказал, что на всякий

случай тут есть верблюжьей одеяла. И уснул.

Я потерял глаза и продолжил чтение, никогда не думал, что это интересно. Казалось бы, буквы, строчки. А затягивает... Опять «Футупризму», рассказ про пришельца. Как он летел на своем корабле через космос, как корабль испортился и пришелец упал на планету, где жили отсталые люди. И пришельцу пришлось подстраиваться под жизнь местных, разводить свиней, работать в каком-то колхозе и с горя пить, потому что, по его подсчетам, техника, которая могла помочь ему вернуться домой, должна была появиться здесь лишь через пятьсот лет.

Грустный и очень уютный рассказ, как раз для танка. Вообще в танке оказалось, в общем-то, неплохо. Только тесно и снаружи скребутся. А еще я думал, что на две недели у нас свечек, пожалуй, не хватит. Большую часть времени придется сидеть в темноте.

Впрочем, все получилось совсем по-другому. Просидели мы только до утра. В восемь зазвонил будильник. Егор начал жадничать и сказал, что день мы станем проводить в темноте и лишь вечером освещать помещение. А сейчас нечего тратить свет попусту, позавтракать можно и в темноте, тут есть отличная сушеная кукуруза, его отец добывал ее из банок, пережевывание сушеной кукурузы сильно ухудшает аппетит. Едва мы начали пережевывать зерна, как в броню стали стучать. Егор затрясся и зажег целых две свечи, но я его успокоил – звук снаружи доносился совсем другого качества, спокойный, с одинаковыми промежутками.

Я сразу догадался, попытался открыть люк, Егор стал уговаривать меня посидеть еще, как следует послушать, бросить гранату, но я уже сдвинул рычаг, надавил на усилитель и сдвинул в сторону бронированную плиту.

Я выбрался на неприятную холодную броню, огляделся.

Сумраков видно не было. Во всяком случае, целых. Успел заметить некоторые обрывки, они валялись то тут, то там. Алиса сидела на капоте грузовика, разглядывала янтарное ожерелье. Я помахал ей рукой, она мне не ответила.

Показался Егор, поежился, высморкался. Алисе кивнул. Увидел обломки сумраков, кивнул еще.

– Хорошо бы ее это... Как-то упорядочить.

– Что значит упорядочить? – не понял я.

– Ну, она ведь здорово убивать умеет, так? Вот и пусть она их всех убивает. Натаскать надо ее.

– Как собаку? – уточнил я.

– Почему как собаку? Собака так не умеет. Как...

Егор потер затылок.

– Как... Ну, не знаю. Крушилку? Это же очень удобно...

– Пойдем в слона, крушилка. Завтра... Нет, послезавтра выдвигаемся.

– Ясно. Спасибо тебе.

– За что? – не понял я.

Егор замялся.

– Ну, за то, что ты жизнь мне спас. Глупо как-то, вляпался два раза подряд. Сначала в затылок, потом к сумракам. Честно, у меня никогда так не бывало...

Не бывало у него! Два раза вляпался, тоже мне, чемпион... Как-то раз мы с Гомером отправились за живицей, так я четыре раза за день влип. И все четыре раза Гомер меня спасал. И по шее, и по шее. И повторял – если ты кого-нибудь спасаешь, то ты принимаешь ответственность за его судьбу, так-то. А я этого дурня уже два раза выручил, два раза! Это что же получается, теперь мне его всю жизнь спасать?

Мрак.

И никуда от этого не деться. Человек, если он человек, спасает другого человека – другого выбора нет.

Да уж...

Глава 4

Модель мира

- Дэв! Ты не спишь?
- Уже не сплю.
- Хорошо... Алиса опять на столб, кажется, залезла.
- Ну, залезла...
- Скажи ей, пусть не залазит.
- Сам скажи.
- Она меня не слушает.
- Меня тоже.
- Она нас демаскирует.

Это точно. Стоит слон, рядом столб, на столбе Алиса. Если бы я такое увидел, то наверняка что-то заподозрил бы.

– Каждое утро вылезает, каждое утро... – ворчал Егор. – Если она так и дальше вылезать будет...

- Ладно, я с ней поговорю... Слушай, какая разница, мы ведь уходим сегодня.
- Уходим... Это не значит, что спозаранку на столб надо влезать, нам здесь жить еще.
- Спи лучше, – посоветовал я. – Еще рано.

Егор зевнул и принялся ворочаться. Я смотрел в потолок. Спина ныла. Кости срослись, мясо затянулось, и выросла кожа. Боль осталась. И хромота. Она отпускала, но как-то чересчур медленно, наверное, так и должно быть – на людях медленно заживает, люди не собаки, не волкеры поганые.

- А мой прадедушка был оператором, – похвастался вдруг Егор.
- Кем? – не расслышал я.
- Оператором. Дельта-оператором!
- О.

Я сел, сон развеялся. Дельта-оператор. Какая наследственность.

– Наши предки работали в телецентре, – стал рассказывать Егор. – Давным-давно, до Воды. И жили там же, рядом где-то. Они были приличными людьми.

– Это как?

– Не знаю. Приличными, это точно. Руководили там всем... Папка говорил, что его дед видел самого...

- А это правда? – перебил я.
- Что?

– Про телецентр. Мы туда собираемся идти, потому что отец твой рассказал мне про кнопку. Вот я и хочу спросить – это правда?

Егор замолчал. Надолго. Думал. Соврать или нет.

– Наверное, правда. У нас все говорили про эту кнопку, я помню. Даже дедушка. Нажать кнопку – и все прекратится.

– С чего это вдруг?

Егор пожал плечами.

– Никто не знал, с чего это вдруг. Просто считалось, что так оно и есть. Нажали кнопку – все началось, отжали – все закончилось. Свет померк, свет зажегся. А как и почему... Папка только предполагал, почему это все произошло. Но про кнопку это правда. Я верю.

– Она на телецентре? – спросил я.

– Нет, – помотал головой Егор. – Где она, неизвестно. Только в телецентре можно это узнать. Раньше все важные события на видеокамеры записывали, ну, ты читал руководства.

– Читал.

– Все-все события. А мир не совсем развалился, не в одну секунду. Это постепенно все происходило, в несколько заходов. И в телецентре можно поглядеть, как. А еще...

– Что?

– Ничего. Папка туда давно собирался. Только он говорил, что просто так соваться не стоит, надо серьезными силами, с хорошей подготовкой...

– Сил у нас хоть отбавляй. Я лично готов через край.

Егор покосился на костыль.

– Ерунда, – отмахнулся я. – В прошлом году я вообще на одной ноге три месяца прыгал, и ничего. На боеспособность ничуть не повлияло. Стреляю-то я не ногами.

– Верно... Вчера огни опять, кстати, были.

Егор свесился с верхней полки. Рожа у него была опухшая, под глазами мешки. Оттого, что в шлеме спит. Я ему сколько раз говорил, а он все упорствует, в шлеме и в шлеме, это фобия такая, я сам долго от шлема отвыкал. А закопаться куда-нибудь до сих пор хочется, и ходить я могу только вдоль стен.

– Огни на севере, – сказал Егор. – Это к чему?

– К хорошей погоде, – ответил я. – Просто такие атмосферные явления, не обращай внимания.

Откуда я знаю, что там за огни в небе? Мало ли какая дрянь. Moscow Inferno, что означает московский ад, а в аду не стоит искать смысла, в аду оно все само по себе и кое-как, это его от небес и отличает. На небесах все по порядку, правильными четырехугольниками, тихо, чисто и спокойно.

– Слышь, Дэв, а ты вот это... – Егор неопределенно кивнул. – Когда ты болел... Ты про праведника какого-то бормотал...

– Ну.

– А кто праведник-то?

– Праведник...

Кто праведник?

Наверное, это из-за смерти. Она меняет людей, причем здорово. Тот, кто хоть раз плотно посидел с ней в обнимку на скамейке, прежним не остается. Взрослеет человек. Я вспоминал себя недавнего...

Нет, мне не было за себя стыдно, но талдычить о праведности, верности идеалам и суровости в бою что-то больше не хотелось.

– Праведник – это праведник, – сказал я.

– Это вроде как герой?

– Вроде. Потом как-нибудь объясню. Их не осталось сейчас, все вымерли.

– Ни одного?

– Ни одного. Слезай давай, все равно не спишь, печь затопи.

Егор зевнул, свесился с койки, прыгнул на пол. Ловко, попал ногами сразу в валенки, подошел к печке. Забил дровами, плеснул зажигайкой, чиркнул спичкой, уселся на плитку, греться. Застучал зубами.

Холодно.

В подземном магазине видел хороший спальник, на пуху древних птиц, водившихся на Северном полюсе, не взял сразу, потом забыл с этим затыком, сейчас уже не хочется возвращаться. Года три назад у меня был такой, только малинового цвета. Я мог зарываться под землю в этом спальнике, и когда почва смерзлась надо мной в непробиваемую коросту, я видел теплые сны. И Папа мурчал рядом, а потом его лемминги сожрали. Спальник то есть.

И теперь у меня не было ни спальника, ни Папы, зато была цель. И термическое одеяло. У Егора тоже, и для Алисы есть, но она им не пользуется пока, сняли их с трупов на восьмом этаже, недалеко тут, четыре штуки, одно дырявое. Одеяла ничего. Хоть и потертые, а греют.

Егор предлагает перезимовать здесь, в слоне. Зима длится четыре месяца, недолго. Запасемся провизией и дровами, на крыше есть снегосборник, а под ним проходит труба, снег тает и собирается в бочку, вода есть всегда...

Я представил, как мы будем тут жить. В замкнутом пространстве четыре месяца. Я буду играть с Егором в шашки, на улице станет завывать ветер, в январе бронзовые стены затрепещут от мороза, а в апреле по ним застучит капель. А Алиса будет сидеть возле печки,

смотреть в стену, а на ночь забираться наверх, на чердак. А крыса, эта безымянная крыса Алисы, она приучится носиться по слоновьему нутру, грызть припасы и заползать на грудь по ночам.

Неплохо. Но не хочется ждать. Четыре месяца. Хочется узнать поскорее. Любопытство, любопытство.

А еще Егор предлагал мне вернуться. На Варшавскую, к людям. Ему очень хотелось к людям. А мне вот нет. Я понял, что к людям я не хочу, мне и так хорошо. Одному. Делай что хочешь, иди куда хочешь, и никто над тобой не начальствует, не дышит требовательно за ухом.

В слоне было неплохо, очень неплохо, да и организм у меня еще побаливал... Поэтому я решил отправиться в телецентр прямо сейчас, не откладывая.

Телецентр. Тут, собственно, недалеко, несколько километров. Хотя у нас километрами расстояние редко меряют, днями удобнее. Это в стародавности люди могли за день вокруг света обернуться, у нас за день иногда улицу не могут перейти. В вещах Старшего были все нужные описания. И проложенный по карте маршрут. Так что оставалось только сделать первый шаг.

Плита постепенно разогревалась, и Егор подпрыгивал на ней, но слезать не собирался, старался отхватить побольше тепла от чугуна. Я налил в чайник воды, поставил на конфорку, отодвинул Егора.

– Хватит задницу поджаривать, – сказал я. – Давай лучше собирайся.

– Надо чаю хотя бы...

– Чаю выпьешь послезавтра.

Чай – это дело почти святое, редкий продукт, выпили весь. На Варшавской какой-то мох красный заваривают, мы в Рыбинске листом смородиновым ограничивались, а у нас с Егором с чаем порядок, в подземном магазине целый отдел. И на складе еще мешки. Причем чай не какой-нибудь там рассыпчатый, в чашках или в пакетиках, а самый ценный, плиточный. Прессованный, вязкий, смолянистый, прежде чем заваривать, надо на терке натереть. Зато вкусный. И бодрит так, как ни один другой, настроение улучшает. Поэтому пьем его при любой возможности.

Егор пробурчал недовольное и полез на свою полку. Вниз свалился большой походный рюкзак со специальными пластинами, распределявшими нагрузку по всей спине. С громким звуком упали грубовязанные носки, затем посыпались портянки, затем кульки, бутылки с водой, еще что-то. Затем Егор достал несколько винтовок и пистолетов, ружейные принадлежности, тряпки и принялся с раздраженным клецаньем чистить оружие.

Я не стал наблюдать за ним, уже не маленький, сам разберется, занялся сборанием своего рюкзака.

Все принадлежности для карабина, от зарядов до пулелейки. Моток веревки. Леску, две катушки. Макароны, крупу, долгие консервы, одежду запасную. Кое-какие лекарства, оставшиеся еще с Варшавской. Готовился, как всегда к походу, тщательно. Оружие себе выбрал. Винтовок у Егора было много, но хороших осталось совсем чуть, последние две мы истратили в бессмысленной битве с сумраками, небогатый выбор. Перебирал старые железки почти полчаса, ничего хорошего, остановился на полусамодельном аппарате, с громоздким дульным гасителем и дополнительным магазином сбоку. Механизм не сильно изношен, я испытал оружие проверочным патроном, на пятнадцать выстрелов ни одной осечки. Пойдет кое-как.

Егор тоже определился, автомат мелкого калибра, без приклада, без оптического прицела, чтобы, значит, полегче таскать. Я взял его плюкалку, зашвырнул наверх.

– Ты чего?!

– Не то выбрал. В походе все патроны должны быть одного калибра, так удобнее.

– Ладно.

Егор продолжил копаться в оружии. Я принялся подгонять броню. За последнее время я немного поправился. От лежачего образа жизни, от рисовой каши с кукурузным маслом,

от сонности. Организм работает как часы, едва появилась возможность, он начал стремительно запасать жиры. Хорошо, жиры нам пригодятся. Егор, к сожалению, совсем худой, такие, как он, любят жрать и плохо держат голодание, пара дней – и начинают сыпаться в обмороки. Придется взять пару бутылок масла, буду заставлять пить его на ночь по три глотка. Это полезно – пьешь на ночь масло, и организм переваривает его, а не мышцы.

Егору очень скоро надоело копаться в пушках, и он выбрал винтовку той же модели, что и у меня. Затем он полез вниз, в трюм, в слоновье брюхо. Почти сразу вернулся с походными валенками, толстыми, но без подошвы. С небольшим ящиком. С радиоприемником, я его узнал.

Походные валенки – хорошая идея, я тоже возьму. Радиоприемник...

У Петра на Варшавской тоже имелись приемники. Все нерабочие. Вернее, они работали, полыхали изнутри равномерным светом, жужжали и трещали, однако никаких звуков не произносили. Петр объяснял – это оттого, что в воздухе не осталось электричества. Раньше песни и все остальное записывали на электричество и выпускали в воздух, эти записи давным-давно рассеялись и улетели в космос. Теперь наш воздух был пуст, и даже те немногочисленные приемники, которые еще сохраняли силу, не могли ничего принять.

– Зачем приемник? – спросил я.

– Дедушка считал, что на Вышке есть вечный передатчик, который работает от солнца и передает старые песни.

– Зачем тебе старые песни?

– Хочу услышать. Дедушка пел, а я забыл их. Хочу вспомнить.

– А это что? – я кивнул на ящик.

Красный жестяной ящик с белой каемкой.

– Это так... Будильники.

– Будильники?

– Ну да. Мы все собирали. Дед, папка. С каждым будильником какая-то история связана. Вот этот...

Егор пустился в рассказывание историй, я слушал. Рассказы – это хорошо, они увеличивают объем мира. Оказывается, в роду Егора были не только дельта-операторы, но в самом дальнем времени еще и часовые мастера, это не наверняка, но каждый из мужчин в его роду испытывал к будильникам приязнь.

Егор вытряхнул на стол будильники. Разные. Блестящие, с колокольцами, железные, с разными цифрами. Штук двадцать всяких цветов и размеров.

– Будильник – редкая вещь, сейчас почти не встречается, а раньше в любом доме можно было найти. И у каждого своя история. Допустим, вот этот, красный, с царапиной. Его...

Его прадед подарил прабабушке, и во время их первого ужина будильник пел им свадебные песни. Вот этот разбудил его деда за секунду до того, как ему в горло впился подкравшийся мрец, третий был сломан, но неожиданно зазвонил вместе с первым криком Егора.

– А нам-то они зачем?

– Я же говорю, традиция... Будильники – это здорово. Вот смотри, отец мне еще показал. Модель мира.

Егор выставил на узкий стол часовой аппарат. Старинный такой, с медными деталями, подышал на полированный стальной корпус, протер тряпкой. Я спросил, в чем же тут модель, Егор поддел заднюю крышку, снял и вынул золотистую шестеренку, сунул мне под нос. Шестеренка как шестеренка, один зубец только обломан.

– Раньше мир был равномерный, – сказал Егор, взводя пружину ушастым ключом. – Существовал себе и существовал, хотя иногда что-то неприятное все-таки происходило. Вот так примерно.

Егор вставил в будильник шестеренку, запустил. Будильник затикал, секундная стрелка побежала по циферблату...

Вдруг будильник подпрыгнул. Дернулся, звякнул, так что даже я вздрогнул. Егор улыбнулся. Секундная стрелка описала еще несколько кругов, будильник снова подпрыгнул. После чего Егор будильник остановил, шестеренку вынул и убрал в ящик, а мне показал другую.

На этой шестеренке отсутствовало уже больше половины зубцов, некоторые были расплющены, другие загнуты, а третьи и вообще вырваны. Егор вставил искалеченную шестеренку, завел пружину. Отпустил.

Некоторое время машинка тикала нормально, потом... Второй вдруг был гораздо сильнее первого. Будильник не просто подпрыгнул, но еще и завизжал латуnią, затрясся в механическом припадке, упал набок и пополз. Не забывая подпрыгивать и дрыгаться.

– И что? – спросил я. – Что вот это все означает?

– Небесная механика испортилась, – пояснил Егор. – Все рано или поздно ломается, ничего не поделаешь. Раньше мир подпрыгивал редко, а теперь он в покое редко находится. То подпрыгивает, то кувывается, то трясется.

Егор остановил будильник, выковырнул шестерню, почесал ею за ухом и сказал, что выводы тут простые – не стоит удивляться неожиданностям. Раньше всякие вдруг были исключением, теперь, наоборот, – норма.

Он, оказывается, не только механик, он еще и мыслитель. Молодец. Вообще мне понравился этот ящик, и то, что в будильниках традиция, и вообще.

– Будильник – он символизирует, – пояснил Егор.

– Что?

– Символизирует. То есть вот через простые вещи объясняет сложное, так папка учил. Ясно?

– Ясно.

Хорошее слово, из старых, не надо их забывать.

– Раньше люди очень много будильников придумывали, – рассказывал Егор. – На все случаи жизни. Считалось, что тиканье на сердце полезно влияет, ритм в ритм. Мы их много лет собираем, всей семьей. Вот смотри, этот я нашел.

Егор выставил на стол совершенно обычные часы. Серого цвета, циферблат потертый. Завел, установил время.

– Самое интересное в том, что с виду нельзя сказать, на что каждый способен. Гляди.

Егор завел часы, подкрутил стрелки.

– Сейчас, полторы секунды...

Будильник звякнул и расхохотался. Расхохотался совсем по-человечески, как будто там, под стальной кожей сидел маленький злобный мужичок. Будильник хихикал, прихохатывал, веселился на разные лады, так что мне тоже захотелось посмеяться. Но завод кончился.

Егор поглядел на меня вопросительно.

– Впечатляет, – признался я. – А это что... символизирует?

– Не знаю... Наверное, ничего. Просто сделан для веселья.

Егор завел следующий, зеленый, с шишками вместо колокольчиков, он затикал неожиданно громко.

– Это мой любимый, – Егор улыбнулся. – Произведение искусства.

Я видел такие часы, с кукушкой. Правда, большие.

– Смотри, сейчас.

Стрелки сдвинулись, пришло время кукукать.

– Ку-ку, – сказал будильник.

Сверху раскрылась дверка, и показался волк. Он раззявил пасть и снова произнес без особого воодушевления:

– Ку-ку.

Я как-то разочаровался, но оказалось, что это еще не все, неожиданно в механизме что-то крякнуло, сбоку, совсем в другом месте с лязгом распахнулся лючок, и на длинной

пружине с диким криком и лязгом вылетел клоун с косой. Я подпрыгнул. Я ожидал чего-то подобного, но клоун меня испугал. Представил, как дети, которым дарили такой будильник, начинали заикаться.

– Как? – спросил довольный Егор.

– Прекрасная вещь. У тебя когда мама беременная была, наверное, с этим игралась.

Егор надулся, отобрал пугательный будильник, спрятал в ящик. А мне и этот дурацкий понравился в общем-то. В моем детстве таких не было, что очень жаль.

– Раньше встречались будильники, которые могли по двести лет идти, – сказал Егор с завистью. – Вот так вот...

Странное чувство кольнуло меня, показалось, что я это уже где-то слышал – про вечные будильники. Которые заведены на двести лет вперед, и пружины их настроены, и в один момент они оживут, и над миром, в котором не осталось человека, поплывет звон.

– Но у меня таких нет. Отец искал, но бесполезно. Зато вот это есть. Это я сам придумал.

Синенькие, совершенно одинаковые, без колокольцев, но с выпуклыми задними крышками.

– Эти что делают? – поинтересовался я.

– Это бомбы, – негромко ответил Егор. – Там пластик и детонатор. Можно на целые сутки установить, до минуты. Будут тикать, потом взорвутся. Стену только так снесет.

– Зачем такой будильник нужен? Бесполезная штука.

– Для разного можно приспособить. Вот смотри...

Мне почему-то вдруг перехотелось слышать, на что сгодится смертельный будильник, наверняка у него есть целая куча применений. Наверняка с его помощью очень легко убивать.

– Что символизирует? – спросил я. – Что мир полетит к чертям?

Егор хихикнул.

– Замедленная бомба просто. Устанавливаешь стрелки, они тикают, а ты удираешь, ничего не символизирует.

– Это ты зря. Символизирует. Ладно.

Я закинул рюкзак за плечо, поднял новый костыль.

– Будильники – это хорошо, – сказал я. – Я уверен, что в будущей жизни – если она приключится, конечно, уверен, что они займут достойное место. А нам пора.

Маятник качнется, стрелки сдвинутся и побегут, побегут. Будет подпрыгивать, не будет подпрыгивать, но едва часы пробьют урочный час, все и случится. Взрыв.

Вот что будет.

Посмотрел на будильник. На тот, смешливый, хи-хи, ха-ха.

– Через полчаса выходим, – сказал я. – Север нас ждет, падем в его студеные объятия.

Егор вздохнул.

Глава 5

Лунные тени

– Дэв!

– Ну что?!

Я обернулся.

Егор стоял посреди дороги и глядел вбок. В переулок.

– Что там?

– Посмотри...

Я вернулся. Даже не переулок, так, проход между домами. Метрах в сорока от нас, ближе к правой стене стоял сумрак.

– Замерз? – спросил я.

– Не знаю... Может.

– Дай карабин.

Егор передал мне оружие. С неохотой. Что неудивительно, к хорошему привыкаешь быстро.

Я прицелился. Выстрелил в ногу.

Сумрак упал с громким костяным звуком.

Егор стал перезаряжать оружие.

Я направился к поганцу. Дохлый и бессмысленный. Без головы.

Огляделся. Головы не было. И вокруг она не валялась. Подоспел Егор.

– Наверное, другие сожрали, – предположил Егор. – Они жрут друг друга, ты же знаешь...

Знаю.

– Почему остальное тогда не сожрали? – спросил я.

– Не успели, может... Смотри...

Еще сумраки. Дальше, рядом со стеной. Не совсем сумраки, их части. Лапы. Без туловищ. И наоборот.

– А где остальное? – спросил Егор.

– Кто есть хуже сумрака?

Егор пожал плечами.

– Нету, – сказал он. – Мы не знаем. Тут есть подземный водоем, там медузы жили... Медузы – это ерунда...

– Кто-то их убил, – сказал я. – Сумрачников этих. Посмотри на срезы. Руки-ноги не оторвали, а отрезали. Ровно и чисто. Аккуратно.

– И что? – спросил Егор.

– Ничего. Похоже на жнеца.

Похоже. Только раньше жнецы за мертвечиной не особо гонялись, они на нас, на людей в основном охотились. Хотя тут все меняется каждый день...

– Они сюда добираются? – спросил я.

– Кто?

– Жнецы. Такие.

Я изобразил жнеца. Руками помахал, зубами щелкнул.

– Не, таких нет. Не видел никогда.

– Ясно.

– Что ясно?

– То, что дальше идем.

Егор плюнул. Слюна потекла по стене, застыла.

– А если это Алиса? – спросил он. – Тех, вокруг танка, она же перебила...

– Если Алиса, то надо сказать ей большое спасибо. Но вряд ли это она, слишком уж аккуратно, Алиса замарашка. Да плевать.

На самом деле плевать. Если кто-то рубит в крошку сумраков, то ему только спасибо сказать нужно, нам работы меньше. С другой стороны, этот кто-то вполне может и на нас свое внимание обратить. Мы по сравнению с сумраками вообще беззащитны...

Ладно, поглядим.

– Вперед, – приказал я, и мы двинулись вперед.

Довольно долго мы пробирались через кашу стертого города. Что случилось здесь, было совсем непонятно, дома стояли почти все разрушенные, земля корежилась и проваливалась, улицы смешались, скашиваясь то вправо, то влево, прыгали вверх и вниз, в этом месте город хорошенько протрясла бешеная пляска. Егор предположил, что сюда кинули бомбу или под землей взорвалась бомба, а что, похоже на правду. Раньше много бомб запасли и прятали их под землей всегда, чтобы врагу недоступно было. Бомбы взрываются, на то они и бомбы.

Егор шагал спокойно, недовольно-прогулочным шагом. Что-то в нем побрякивало, то ли в самом, то ли в снаряге, но проверять его я не собирался, побрякивает, и ладно, потом

поглядим. Я тоже не спешил, да и не мог – не очень-то попрыгаешь с костылем. Алиса мелькала в стенах, впрочем, не приближалась, держалась на удалении.

К темноте добрались до Савеловского вокзала. Тут я уже проходил, не так давно, с Курком. Впрочем, я почти не узнавал местность – тогда, в темноте все выглядело совсем по-другому, а разрушенных и обгоревших домов было не сосчитать, найти тот, в котором жил Предпоследний, в котором нас едва не сожрала сирена, поганая ночная ведьма, и из которого меня едва не прибило горящим роялем, не получилось. Ну и ладно.

Попытался отыскать вход в метро, бесполезно. Вокзал оказался тоже разрушенным, я сверился с картой, и мы с Егором двинулись в сторону Бутырской улицы.

Площадь перед вокзалом выглядела необычно, походила на большой муравейник, сложенный из неимоверного количества старых автомобилей. Тогдашней дурной обезьяньей ночью я не заметил этого, сейчас оценил – не меньше двадцати метров, целая железная гора. Видимо, их сгребали сюда со всех окрестных улиц, а то и со всей северной части города, очень много. Мы пустились в обход справа, по узкому промежутку между сплюснутыми машинами и развалинами вокзала. Егор запнулся за кривую трубу, свалился, взбесился, выдрал трубу, швырнул в машины. Лязгнуло.

– Осторожнее, – сказал я. – Тут обезьяны...

– Какие обезьяны? – усмехнулся Егор. – Ты чего, Дэв? Откуда у нас обезьяны?

Я не стал спорить. Обезьяны нас едва не сожрали, а теперь их и нет совсем, вроде. Под землю ушли. Или на юг, это ведь вполне могли быть бродячие обезьяны, летом, вытесненные из лесов жарой и дымом, ввалились в город через какой-нибудь туннель, а нам не повезло, мы с ними пересеклись...

Воняли они здорово.

Выбрались на Бутырскую, никаких обезьян. И хорошо, драться с ловкими тварями, которые к тому же метко швыряются камнями и обрезками железа, мне совсем не хотелось.

Егор сверился с картой.

– Тут уже недалеко, – сказал он. – Скоро должен спуск начаться, а переночевать можно...

Егор принялся изучать пометки на полях, морщить нос.

– Тут где-то с полкилометра, на той стороне. Папка там ночевал, ему понравилось.

– Хорошо.

Перебрались через улицу, двинулись вдоль стен.

Это была одна из сотен улиц, которые я видел в своей жизни, девятиэтажные, двенадцатиэтажные и шестнадцатиэтажные дома, они уродливо возвышались по обе стороны, первые этажи разграблены, вторые выжжены, ни одного целого стекла, улица Бутырская – самая скучная улица в мире, хотел бы здесь жить. В скучном доме, вон в том сером облезлом доме на восьмом этаже с балконом.

Егор вертел головой, сверялся с картой и с записками, но нужный дом не проявлялся, и я думал, не пора ли найти что-нибудь другое, поближе и поспокойнее...

– Вон, – указал Егор пальцем, – вот этот.

Необычно. В доме всего пять уровней, не больше, по сравнению с остальными он казался просто карликом. И тощий еще какой-то, совсем старинной постройки, по бокам у него торчали странные выпуклые башенки непонятного назначения, дом мне понравился. В нем чувствовался мир.

– Папка продвинулся еще чуть-чуть, к северу, – сказал Егор. – До станции метро, там он наткнулся на непонятное... На четвертом этаже здесь комната без окна, там спокойно...

Вход был завален мусором, и вокруг мусора много скопилось, по нему мы легко взобрались на второй этаж, пробрались внутрь. Мне показалось, что этот дом строили для детей – настолько узкие коридорчики, маленькие двери и вообще все совсем миниатюрное, что мы, люди, в общем-то, не богатырских размеров, и то протискивались с трудом, кроме того, за годы запустения в коридоре, как это водится, скопился хлам, и до нужной комнаты мы пробирались почти по колено.

– Ключ...

Егор сунул руку за косяк двери, пошарил. Ключ оказался там, дверь не открывалась, я отогнал Егора, плеснул в замок масло. Подождали минут пять. Замок оттаял, вошли, в лицо кинулась пыль, и почти с минуты мы не дышали. Я зажег карбидку, прибавил яркости.

– Ого... – прошептал Егор, когда пыль осела.

Прямо на нас смотрел со стены мужчина. В синем выцветшем пиджаке, в шляпе, с ружьем. У ног его лежала тонконогая и длинномордая собака, а на поясе висели дохлые длинногорлые птицы. Мужчина выглядел кругло и внушал уверенность, такую картину я бы в своем будущем доме вполне повесил, человек, собака, дичь.

На правой стене висело море. Оно выглядело мощным и настоящим, глубоким, исполненным пробивающегося света, волны взлетали до неба, и в этих волнах барахтался корабль с оборвавшимся парусом, беспомощный и бессильный. Отличная картина, тревожная, но, с другой стороны, наполненная величием, стихия врывается в эту небольшую комнатку, небольшой огонек лампы на моем шлеме вызывал в глубинах моря ответный свет.

На левой картина висела не очень хорошая. Скрюченный старикашка в белой пижаме, он сидел в обширном бордовом кресле и смотрел. Больше он ничего не делал, только смотрел, и этого было вполне достаточно – взгляд находил тебя в любом месте комнаты, я проверил, нарочно сместился туда-сюда, все равно взгляд приклеивался и не отпускал.

– Галерея, – сказал Егор. – Когда картины висят – галерея называется.

Он подошел к морю и стал карябать полотно ногтем, хотел проверить – не фотография ли? Я закрыл дверь, оставил ключ в замке. На полу, справа от двери стоял толстый деревянный брусок, а на стенах имелись специальные скобы. Засов. Надежно. Конечно, если сирена какая начнет ломиться, эта дверь вряд ли выдержит...

К черту.

Кроме картин, мебели никакой, но мы неплохо устроились на полу, напротив Егора буря, напротив меня старикашка. Попили воды, погрызли сухари, масла глотнули, посидели скучно молча. Лично мне чудилось, что старик не так безумен, как выглядит, подслушивает старая сволочь, интересуется. Вообще-то мне, честно говоря, не шибко хотелось останавливаться на ночлег именно здесь. Неподалеку от места прошлого, не очень удачного ночлега. Конечно, сирену мы сожгли... Но это не наверняка. К тому же у нее могли водиться сестрички. Опасно, да, но искать что-то другое хотелось еще меньше, я сделался ленив. Те времена, когда я каждый день закапывался в землю на полметра, я вспоминал с улыбкой. С другой стороны, я не в Москве жил, а в своем ненаглядном Рыбинске, а там все закапывались, направо-налево, по-другому не выжить было.

Егор почитал перед сном руководство по эксплуатации портативного видеоплеера, посчитал что-то на пальцах, повздыхал о том, что относительно спокойная часть нашего путешествия осталась позади и теперь можно ожидать чего угодно, вздохнул уже тяжело и протяжно, закрыл глаза и захрапел почти сразу, я же не смог уснуть, как ни старался. Что-то не давало покоя, не знаю. Наверное, это из-за старика. Он тоже не спал, смотрел, и даже если я поворачивался к нему спиной, находил меня своими глазками.

Пробовал думать об Алисе. Думал о том, как ей там не страшно одной. Не холодно. Не скучно. Надо ей, конечно, сказать. Чтобы бросала эти свои безобразия. Пусть живет с нами, никуда ведь не годится такое...

Пробовал Гомера вспомнить. Представлял, что бы он мне сказал. Не одобрил бы Гомер мое нынешнее состояние и поведение. Расслабился я, разжирел, размяк, пустила Москва во мне свои необязательные корни. Снял вериги, тропари перестал читать и думать о праведном стал реже. Да за одну Алису он меня не простил бы. Получалось по всему, что я предал его память своими деяниями. Нет, это смерть на меня так подействовала, после смерти человек совсем по-другому на мир смотрит, и поведение у него другое делается, и вообще. Наверное, Гомер со мной сегодняшним не отправился бы в поход.

Мысли эти меня измучили окончательно, сон не цеплялся, если я поворачивался к стене, то сразу начинал думать про Гомера, если отворачивался от стены – чувствовал взгляд

этого старого кровопийцы, я пробовал уснуть на спине, но и на спине не получалось, в закрытых глазах танцевали быстрые бордовые сгустки, мешали.

В конце концов я взял карабин, осторожно открыл замок, выглянул в коридор. Лунная ночь, время призраков, синий свет пробивался косыми лезвиями из открытых дверей, не знаю с чего, но мне вдруг захотелось посмотреть, что там, на улице, иногда человека посещают желания, внезапные и необъяснимые.

Осторожно, стараясь не портить ночь шагами, стараясь не привлекать внимания, я прошагал до конца коридора и повернул влево. В комнате не было внешней стены, с потолка бородами свисала причудливая сажа, наверное, снаружи пальнули из огнемёта. И свет синий и живой.

Подошел к краю, выглянул. Луна тоже синяя. Видывал я такое. Синюшность повышенная, кислорода в атмосфере мало. Или много. Или не кислорода. Синяя луна лучше, чем красная, на красную всегда пакости разные приключаются.

Луна заливала улицу Бутырскую голубым молоком, и сначала, в первую минуту, я не заметил ничего необычного или пугающего. Стоял, смотрел, потом сел на стул. Холодно, улица искрилась мелкой морозной крошкой, казалось, что по взломанному асфальту рассыпали мешок мельчайших алмазов. Человека я разглядел не сразу.

Сколько раз замечал, что глаз всегда следует за мозгом. Ты уверен, что в этом месте человеку никак находиться невозможно, – и ты его не видишь, хоть он торчит у тебя чуть ли не перед носом.

Человек стоял у стены противоположного дома.

Я положил карабин на колени. Сумрак... Не похоже. Сумраки выше и тоньше, у них нет человеческой фигуры, они, за исключением суставов, равномерные, как сосиски, и тяжелые с виду. А этот обычный, человеческий.

Стоял, не шевелясь, ничего не делая. Это меня насторожило: в наше время стоять ночь на улице – не лучшее занятие для человека. И не боится ведь...

Не боится. Дрянь дело. Не бояться может лишь кто? Самый страшный. Тут же вспомнились расчлененные сумраки, я почувствовал, как мгновенно вспотели ладони, и увидел второго. Он стоял посреди улицы, уже гораздо ближе ко мне, вот только что, минуту назад его там не было, и вот возник.

Двое.

Я осторожно, не совершая резких движений, достал бинокль. Медленно поднес к глазам. Муть, линзы запотели, протер, поглядел снова, муть. Посмотрел в сторону. Дорога, в лунном свете отчетливо виднелся разрушенный асфальт, трещины, вывороченные куски, но едва я наводил бинокль на то место, где были эти люди... Грязные пятна.

Едва я отрывал от глаз бинокль, как видел темные силуэты, похожие на тени...

Я вздрогнул. Тени. Луна светила сбоку и висела над горизонтом не очень высоко, тени должны получаться длинные, многометровые. Никаких теней. Человек стоял посредине улицы и не отбрасывал тени.

Потому что он сам был тенью.

Призрак? Призраков я тоже никогда вот так, в жизни не видел. И не слышал даже, я так думаю, что призраки, если они когда-то и существовали, то теперь совершенно повывелись. Потому что призраки – это в прошлом все-таки люди, а люди, пусть даже и совсем бывшие, не терпят погони в одном с собой объеме.

Еще один!

Рядом с первым, возле стены. Появился, возник, не шевелился. Тень. Что им надо?

Я чувствовал, как морщится кожа на моей шее. Мне очень не понравились эти тени. Недобрый знак. Петр как-то мне рассказывал. Как давным-давно случилась война, во время которой применили Большую Бомбу. Ярость ее огня оказалась так велика, что люди сгорали, не оставляя пепла. Но душу человеческим огнем нельзя выжечь, поэтому души отбрасывали тени. И в том городе, на который бросили Большую Бомбу, на стенах остались тени от душ погибших людей. И тени эти не стирались ни мылом, ни скребками, и поскольку души эти

оказались неупокоены, они с тех пор вредили людям. Пугали, сводили их с ума, насылали болезни, ввергали в тлен.

Здесь вполне могло произойти что-нибудь подобное. Тени. Случилось что-то, раз, и от людей остались только тени.

И теперь они тут возникают.

В коридоре скрипнуло, я обернулся. Никого. Неприятно будет, если кто зайдет со спины, придется тогда сигать на улицу...

Я едва не подпрыгнул. Их стало гораздо больше! Теней. Одиннадцать. Прибавились. Фигуры, точно вырезанные из черного металла, но не плоские, а объемные. А некоторые исчезли, того, что стоял у стены, больше не было. Пропал, а другие появились.

Мне почудилось, что они двигаются... Кожа на загровке собралась в окончательную гармошку. Призраки в тишине, не люблю, непонятно. Когда на тебя летят псы-людоеды, или огромный зубастый тушканчик, или разнузданный громила с двумя пулеметами, это понятно. Вот тени... А ведь что-то я про подобное слышал...

Это свет. Луна плыла над крышами, одни тени исчезали, другие, наоборот, появлялись. Все дело в свете, в особом расположении луны над горизонтом. Я подумал: а что, если так оно везде? Что, если эти тени на всех улицах, везде вообще? Мы их не видим, но в лунные ночи они проявляются, тени бывшего мира, стоят...

А что, если все это так и есть? Мир погиб, остались тени. А почему тогда мы не тени? Мы не заслуживаем теней? У нас нет души даже для того, чтобы отбросить тень? Или это наказание?

Мысли свернули на неприятную дорожку, завертели в голове, как бешеная мышь в жестяном ведре, мне вдруг захотелось выйти туда, на улицу, в синий цвет и проверить – а есть ли тень у меня?

Луна сместилась, свет изменился, и улица заполнилась тенями еще гуще. Их сделалось много, к тому же мне показалось, что они все смотрят на меня. Разом. Это чувство оказалось настолько сильно, что мне стало совсем уж не по себе, я отступил в глубину и стоял на границе между светом и тьмой, довольно долго стоял, не решаясь ни отступить, ни выглянуть обратно.

Очнулся от того, что ботинки немного примерзли к полу, оторвался с оглушительным хрустом, и тут же представил, как тени шагнули и стали протягивать ко мне свои давно мертвые руки...

Надо было срочно разрушить наваждение, я понял, что, если не выйду на улицу и не посмотрю...

Короче, надо было срочно выйти.

Спустился по тесной лесенке на второй этаж, выбрался по мусору, прокрался вдоль стены, выглянул из-за угла. Никого. То есть совсем. Улица была пустынна, как днем. Несколько машин, и все, никаких теней.

Я вышел на середину Бутырской. Пустота. Лед хрустит под ногами. Тень. У меня имелась вполне видимая длинная черная тень, я убедился в ней, потоптал ботинком. Настоящая. Решил немного пройтись, проветрить голову, оглядеться. Двинулся на север.

Ну вот. Докатился. Разгуливаю по ночным улицам, как сумасшедший. Никогда себе не мог представить такого.

Метров тридцать, резко обернулся. Никого. Ни теней, ни призраков. Наверное, их видно только с четвертого этажа. Забавное ощущение, бродить, смотреть на луну, и чтобы под ботинками пели морозные бриллианты.

Через полчаса вернулся в комнату с картинами и до утра просидел в углу. Думал. В душе застряла еще одна клякса. А что, если правда все это? Что, если все улицы, и дома, и вообще все заполнено этими тенями, они среди нас, а мы и не знаем...

Думал. Иногда засыпал, нагрев стену спиной, тогда челюсть отвисала, и я открывал глаза, проклятый старик смотрел на меня своим яростным взглядом, хотелось встать и вырезать его глаза из картины. Едва так и не сделал, вовремя спохватился, подумав, что

картины эти тут не случайно, они вполне могут иметь ценность для потомков. Конечно, я не очень понимал, зачем потомкам вешать на стену этого вредного старца, но потомкам видней.

И оставил глаза старому.

Проснулись в восемь, по дурацкому будильнику Егора, прислоненному к батарее. Егор запел про завтрак, но я сказал, что с утра лучше сделать пару километров. И аппетит разыграется. Поэтому мы наглоotalись кипятку и отправились в путь.

Скоро, метров через пятьсот, я почувствовал, что идти стало легче, улица явно уходила вниз. Егор достал стальной шарик, бросил на асфальт. Шарик покатился.

– Все правильно, – сказал Егор. – Пришли уже, начинается яма.

– Что?

– Яма. Огромная, километра два почти. Тут город просел, отец говорил, что это из-за воды. Вода внизу все размыва, и все ухнуло в прорву.

– В прорву?

– Ага. Это такая яма, совсем уже глубокая, глубже не бывает. Она на самом, на самом дне, и туда вся вода стекается.

– Стекается?

– Ага, – кивнул Егор. – Почти вся вода, которая на поверхности и под, она вся туда стекается. И все размывает, и размывает. Все больше и больше размывает. Прорва становится все больше и глубже...

Егор рассказывал зловеще и как-то не по-своему. Наверное, долгими зимними вечерами в промерзлом слоне отец травил ему страшные истории, ведь мы все очень любим страшные истории, нам повезло родиться внутри страшной сказки.

– А когда она совсем углубится, то все туда и рухнет. Весь город.

– Понятно.

Город проваливается в прорву. Ничего удивительного. И провалится рано или поздно. Даже скорее рано. Земля уже не держит, конец близок. Удивительно, как он до сих пор не провалился...

– Папка сначала направо ходил – не получилось. Затем налево, тоже не получилось – когда все проваливаться стало, много домов порушилось, там целые горы из домов, там не пройти. Папка собирался прямо попробовать, да только у него... мозгов хватило, – сказал негромко Егор.

– У нас мозгов мало, – возразил я. – Особенно у меня. В деле выживания мозг вреден, гораздо важнее уверенность. Сейчас я уверен.

Я махнул рукой.

Я совсем не был уверен, но Егору не следовало этого знать.

Мы двинулись прямо. Окрестности менялись, мир наклонялся, некоторые дома обрушились и налезли друг на друга, это действительно походило на горы, хотя я никогда вживую гор не видел.

Улица сломалась. Поперек нее поднялась гряда, состоявшая из бетонных блоков, битого кирпича и сплюснутых автомобилей. Машин было много, они скатились сюда сверху и теперь громоздились ржавой баррикадой, расплывались по сторонам, заполняя металлом окрестные переулки. Мы пересекли железную дорогу, изуродованную провалами, и вступили в заросли. Скорее всего, раньше здесь цвел парк. Город сдерживал его в границах, но город рухнул, и парк расплескался в разные стороны. Деревья выродились, утратили рост и сделались размером по пояс, низкорослый кустарник, раскинувшийся на холмах.

– Совсем рядом оказалось... – с удивлением прошептал Егор и указал пальцем: – Совсем...

Действительно, рядом. Я не ожидал. Отец Егора не мог пройти три раза, я настраивался на трудное путешествие, а получилось, что мы уже почти пришли. Неинтересно...

Придурок. Я придурок. Никогда нельзя так даже думать, подобные мысли подталкивают в неправильном направлении. Город опускался в чудовищную яму. На одном

ее краю стояли мы, удивленные и ничтожные. На другом Башня. Вышка. Самое высокое место во всей Москве или во всем мире, кто знает, остались ли где-нибудь эти башни.

– Телецентр там рядом, – махнул рукой Егор. – С Вышкой рядом, двести метров, большой квадратный дом...

– Тут все квадратное, – сказал я. – Более-менее...

– Его ни с чем не спутаешь, отец говорил, как увидишь, так сразу и поймешь, он гораздо квадратнее остального, нам туда.

– Посмотрим кто кого квадратнее...

Вышка. Рядом с ней телецентр повышенной квадратности, там архив.

– Высокая... – почтительно пробормотал Егор. – Очень высокая... Туман! Прямо из земли!

Вышка исчезла. Из воронки выдохом поднялся теплый и влажный воздух, собрался в косматую желтую тучу, которая зависла над землей и стала медленно распухать в стороны. Прежде чем туча окончательно закрыла север, я успел заметить, что воронка неодинакова, пологий спуск с нашей стороны и достаточно крутой подъем с другой.

– Дурацкая пелена какая, – сказал Егор. – Не нравится она мне...

Не везет с погодой – летом хмарь, сейчас туча. А что поделывать, человек погодой уже давно не управляет, теперь наоборот все, погода управляет человеком.

– Папка рассказывал... Про пелену. Он прорвал по пути противогаз и решил не соваться в эту тучу... Слушай, Дэв, ты это... Не сердись. Я давно тебе хотел сказать, думал... Ты рассердишься, вот что я думал. Я это... Вот как эту тучу увидел, так сразу и вспомнил. Я противогаз забыл.

Он забыл противогаз. Молодец. Мы почти добрались, а он забыл противогаз. Егор. Решил пободаться со мной. Дурак.

– Я ведь точно помню, что убрал его в сумку, а сейчас...

Егор открыл сумку.

– Оказывается, я взял только маску, а фильтры оставил... В сумке вместо фильтров гранаты, две штуки. Давай назад вернемся, а? Мы быстро успеем, дорога провешена, за сутки обернемся, туда обратно...

В слона. Егор очень хочет в слона, у него слоновья болезнь.

– Надо прямо сейчас, чтобы обернуться до заморозков. Дурак! Дурак!

Егор звонко шлепнул себя по лбу.

– Сколько раз папка меня учил...

– У меня есть запасные фильтры, – сказал я и достал из рюкзака коробку. Я предполагал, что Егор выкинет что-нибудь подобное, я подготовился.

– Лови.

Кинул ему фильтр.

Сейчас скажет, что гофра прорвалась. Медведки проели, подкравшиеся тайной ночью. Или что рожа от тягот похода у него похудела и маска будет болтаться. Или еще что остроумное, трусы и лодыри всегда люди крайне остроумные. Но Егор только покривился, защелкнул фильтр на клапане.

– Может, ты еще что-нибудь мне сказать хочешь? – спросил я. – Лучше сейчас скажи, пока с неба кашки не посыпались. Как посыплется, поздно будет.

Егор помотал головой. Ничего сказать не хочет. Врет. Врунов вижу издалека, у них всегда голос дрожит и глаза виляют.

– Все в порядке. – Егор закинул сумку с противогазом за спину.

– Тогда вперед.

Хорошее слово, одно из моих любимых.

Сохранившиеся дома стояли внаклонку к линии горизонта, отчего нереальность усугублялась, мир вокруг выглядел откровенно не по-настоящему, наверное, так на Марсе природа выглядит. Если она там есть. Продвигались трудно. Кустарник был густ и не спешил пропускать нас сквозь себя. Да и поверхность отличалась крайней неровностью, дома,

стоявшие здесь, строили из кирпича, на этом ломаном кирпиче проросли кряжистые вперемешку с железом деревца. Железо краснело ржавчиной, на деревцах висели красные яблочки, мелкие, размером с ноготь. А может, не яблочки, может, рябина, все равно попробовать нельзя, пусть яблочки. Я двигался первым, толстые деревца подрубая топориком, мелкие отгибая. Иногда мы втыкались в изобилие гнутой, острой и опасной стали, и приходилось поворачивать и искать другой путь. Кроме того, я опасался пустот, которых в этом каменном крошеве наверняка полно.

– Поэтому туда так долго идти, – пояснил Егор. – Местность непростая. И везде такая, в какую сторону ни сунься, железяки острые. Непроходимость. Неходь, совсем как ты говорил.

Егор вздохнул. Очень не хотелось ему вперед, хотелось назад, в слона. Но я не очень собирался его слушать, я собирался вперед. Вперед, вперед, вперед, подумаешь, неходь.

– Опасно очень, – повторил Егор. – Алиса может вполне за железку зацепиться, на ней одна куртка, ни комбинезона, ни бронепластин...

– Ты за нее не беспокойся, ты за себя беспокойся. Алиса не пропадет.

– Да я за себя и беспокоюсь... Я вот что думаю. А если мы это... Ранены будем тяжело? Или даже легко. Назад через эти завалы вернуться непросто будет, тут здоровому-то не пробраться.

– А зачем нам назад возвращаться? – спросил я.

– Как зачем? Домой.

– У нас нет дома, – ответил я. – Слон – это не дом, это временное прибежище. Лучше ни к чему не привязываться, поверь мне, Егор. Дом – это где мы сейчас. Вот вечером мы заберемся в пустующую квартиру с гадким стариком, нарисованным на стене, и это станет нашим домом. Или шалаш из веток сложим – тоже дом. А потом в люке будем отсиживаться. Или закопаемся в мусор. В любой момент ты должен быть готов покинуть нагретое местечко.

Разговорился я что-то, раньше за мной такого не наблюдалось.

– Легко тебе говорить – ты сколько лет уже бродишь. Я привык к месту, привык в койке спать...

– Мы идем спасать мир, а ты про койку. Узко мыслишь, слоновьи. Когда мы мир спасем, у тебя этих коек сто тысяч будет. И всяких разновидностей, хочешь с музыкой, хочешь с вентилятором. А ты немного потерпеть не можешь.

Но Егор меня не слушал, предавался безудержному слонизму:

– Зимой в слоне здорово. Стенки толстые, ни одна погань не подсунется. Мы с папкой начали уже днище валенками утеплять, а потом думали даже паровое отопление наладить. Вообще хорошо стало бы. А если...

– Здесь везде плохо, – перебил я. – Везде. Это все – не наше. А надо, чтоб сделалось наше. Мы должны вернуть себе землю. За этим и идем. А когда это произойдет, то наш дом будет везде, сколько раз говорить можно...

– Да, будет... А вот на Варшавской...

Зря я ему рассказал. Распалил юный мозг грезами о лучшей доле.

– Там много людей, наверное... – сказал Егор с сожалением. Одиноко ему. Что понятно. Отец погиб, я ему не нравлюсь, Алисы он боится. А вырос он в спокойных условиях, в слоне... Тьфу ты, что же так слонем-то меня придавило, как Егор стал, в самом деле.

– На Варшавской не так хорошо, как тебе представляется, – сказал я. – Там люди сидят в бункерах, как крысы. У них не хватает сил освободить землю вокруг себя, что уж говорить... И они вымирают. С каждым годом их становится все меньше и меньше. Ты знаешь, что такое вымирание?

– Там тепло, вот что я знаю. И нет сумраков.

Егор поежился.

– Пока тепло, – поправил я. – Пока нет. Но скоро все изменится. Тьма, если ее не

поджимать светом, всегда расползается. Победить на одном отдельно взятом участке нельзя, только везде. И только сразу, одним ударом.

– Везде...

– Да, везде. Вообще-то я не держу тебя, Егор, – сказал я.

Егор поглядел на меня непонимающе.

– Конечно, не держу. Если хочешь, ты можешь вернуться в слона, пережить эту зиму, и другую. Если получится, конечно. Но лучше тебе со мной пойти.

– Почему лучше?

Я перепрыгнул трещину в камнях. С трудом. Ноги стали как деревянные. Но идти все равно надо, с ногами потом разберемся. Егор тоже перепрыгнул.

– Много причин...

Я огляделся. Алису не видно. Но она здесь. Здесь, я чувствую. Она отыскала где-то красную кожаную куртку и теперь носит ее, в этой куртке Алису заметно издалека. Красное пятно.

– Во-первых, с нами Алиса, – сказал я. – Ты сам видел. Это, согласишься, очень удобно – когда быстро выздоравливаешь.

– Я ее боюсь. У нее с головой не в порядке. Если она на самом деле такая, как о них говорят... Мне кажется, она может нас в любую минуту убить.

– Не бойся, – успокоил я. – Если бы ей хотелось, она бы тебя уже давно слопала, я ее знаю. Если на кого глаз положит – все, лучше тому повеситься. И ей совсем безразлично, где ты станешь прятаться, – отыщет. Лучше, чтобы она нашла тебя, когда я буду рядом. Согласен?

Егор промолчал.

– Во-вторых... Во-вторых, в одиночку всегда хуже. Человеку тяжело одному, в одиночку все с ума сходят. И опасно. Вот если бы меня не было, ты бы уже трупом давно валялся.

– Как это?

– Про затяг забыл? Про сумраков? Егорка, если бы не я, ты бы уже удобрением дымился. Так что можешь, конечно, возвращаться, не держу. Влипнешь, некому руку помощи подать будет.

Егор промолчал.

– А в-третьих, ты просто не можешь повернуть.

– Почему? – спросил Егор с опаской.

– Тут все понятно. Твой дед хотел пробраться к телецентру, твой прадед хотел этого, твой отец почти добрался, но вдруг умер. Ты обязан дойти ради их памяти.

– Ради чего?..

– Ради памяти. Если ты сейчас не дойдешь до телецентра, то получится, что они жили зря. А другого шанса не выпадет.

– Почему? Мы ведь можем туда летом сходить, зачем обязательно в мороз тащиться? Зачем сейчас? Летом теплее. Папка всегда летом ходил...

Они все хотели пробраться в телецентр. И деды, и прадеды, и все семейство Егора, отец всегда летом ходил. Но так и не дошел. Почему? Возможно, они тоже страдали слоновьей болезнью, чрезмерной привязанностью к месту обитания... Тут я вспомнил, что отец Егора спас мне жизнь и при этом погиб сам, оставив Егора сиротой. Получалось, что теперь на мне лежала забота о нем. Долг. Не пристало даже думать некрасиво о том, кто спас тебе жизнь, я размахнулся и с размаху влупил себе пощечину и тут же вторую и третью, непочтительность надо вышибать из глупых голов.

Мозг встряхнулся.

– Ты что?! – с испугом спросил Егор. – Зачем себя бьешь?!

– Так нужно.

– А... Двигаем дальше?

– Есть еще и в-четвертых, – сказал я.

– В-четвертых?

Я кивнул.

– В-четвертых.

Приблизился к нему, схватил за шкурку, оторвал от земли и сказал почти лоб в лоб, отчетливо и громко проговаривая слова:

– В-четвертых, значит, так. Ты...

Егор попытался отвернуться, и я встряхнул его сильнее.

– Так! – почти крикнул я. – Слушай, болван! Слушай! Твой отец спас мне жизнь! И сам погиб! А перед смертью он завещал мне, чтобы я о тебе позаботился! И я о тебе позабочусь! Мне плевать, что ты хочешь в своего вонючего слона! Плевать! Ты будешь делать то, что я тебе говорю! Идти, когда я говорю, жрать, когда я говорю, и не срать, когда я не говорю. И если я не скажу, ты не сдохнешь! Даже если тебе оторвут башку! Ясно?

– Ясно...

– Вот и хорошо. Кстати, давно хотел тебя спросить – что означает слово слоняться?

Глава 6

Сухая гроза

Перед нами блестела изломанная полоса, гладкая и узкая, наверное, меньше метра.

– Ручей, – сказал Егор. – Смотри, настоящий...

Вода дымилась, я осторожно подошел, присел и опустил палец. Теплая. Или мне так показалось от мороза.

– Флягу бы наполнить. – Егор постучал пальцем по посуде.

Нельзя. Кто его знает, что за ручей, откуда он протекает. Ну, вскипятим, но если там свинец какой растворен или еще что хуже. Папы нет, он бы определил.

– У меня воды всего три бутылки осталось, – сказал Егор. – Снега нет, пить хочется.

Он достал бутылку. Сто лет ей или сто пятьдесят, все это время вода сидела в пластиковой таре и осталась свежей, пьешь без опаски, как-то ее там обрабатывали. У меня две бутылки, но я пью меньше, организм у меня не растущий уже, к воде не столь восприимчив.

С водой у нас плохо. Реки ушли, ручьи втянулись в камни, почти все, при желании найти воду трудно. Или в магазинах, но неразграбленных мало осталось, или дождь собирать, если лето, или лед топить, если зима.

На Варшавской имелись мощные фильтры, центрифуги и излучатели, очищавшие воду от микробов, мелких вредных частиц, от водорослей. Хотя на Варшавской воду можно было и не очищать, она из скважин. В походных условиях дистиллятором можно пользоваться, но они тяжелые, конечно, редко их берем. Поэтому при первой возможности запасы воды надо пополнять.

– Наберем? – Егор отхлебнул из бутылки.

Я сунул палец в воду, понюхал. Не пахнет, но теплая. Где-то она там разогревается под землей, неизвестно чем разогревается.

– Обойдемся. – Я перешагнул через ручей.

Вообще мне ноги очень хотелось погреть. Посидеть на кочке, поболтать в теплой водичке. Как-нибудь посидим. Обязательно. Сейчас надо заняться делом.

На другом берегу ручья кустарник стал еще ниже и поменял вид. Яблоки исчезли, ветки сделались тоньше, и листья пожелтели, но не опали, кругленькие и коричневые.

– Это вереск, – сказал Егор.

– С чего ты взял?

– Верещит.

Растение на самом деле издавало звуки, но скорее не верещало, а скрипело при слишком сильных порывах ветра. Ну, пусть вереск. Оказалось, что через этот самый вереск пробираться сложнее, чем через мелкояблони, яблони ломались, а вереск путался, плелся

вокруг ног, весь день мы боролись с ним и почти не продвинулись. Я отменил обед, поворачивать мне не хотелось, я собирался продавливаться до упора, и мы продавливались, останавливаясь только на водопой.

Топором разбираться с кустарником не получалось, я использовал секиру. Сначала правой рукой. А потом, когда стало покалывать в плече, левой. Вереск поддавался плохо даже секире, два раза мы останавливались для того, чтобы наточить и поправить лезвие.

К вечеру я почувствовал некоторую усталость.

Усталость. Натер и сорвал мозоли, растянул плечевые мышцы, у меня заболела поясница – вереск редко доходил ростом до пояса, и, чтобы проложить путь, приходилось рубить его внаклонку, так что к вечеру я не мог разогнуться. К тому же из-за длительного скрюченного положения кровь сосредоточилась в голове, и когда я все же выпрямлялся, в глазах темнело, и мир немного покачивался.

Да, еще Егор два раза упал и расцарапал щеку, все. Больше ничего. Ни ловушек, ни нападений, ничего не происходило. То есть мы шагали вперед, зигзагами и кривоходами, но шагали. Перед нами висело желтоватое марево, иногда оно распускалось, и мы вдруг ненадолго оказывались в тумане, Егор хватался за противогаз, но я видел, что туча безопасна. Туман оседал на нашей одежде крупными каплями, исчезал и вновь появлялся, эта туча напоминала животное, пугливую толстую бабочку. И за целый день никто не попытался нас убить, что само по себе настораживало. В вереске просто обязаны обитать какие-нибудь чудища. Плоские змеи с зубастыми спинами, рассредоточенные медузы с километровыми щупальцами, смертоносные прыгуны или, на худой конец, полуразумные псы с ядовитыми зубами. Нет ведь. Тишина. И покой.

Мне не очень нравился этот покой, я не умел жить в покое.

Остановились уже в сумерках. Темнело по-осеннему быстро, надо было устраиваться на ночлег. Закопаться не получилось, под тонким слоем дерна обнаружился все тот же молотый кирпич, я решил строить шалаш. Егор помогал. Нарубили вереска, покрыли его дерном – создать подушку. После этого я велел Егору на эту подушку улечься. Завалил его рубленным вереском, а потом снова дерном. Забрался внутрь. Егор уже завернулся в термоодеяло и стучал теперь зубами, пришлось подарить ему капю.

Костер разжигать не стали, не хотелось привлекать погань ни огнем, ни дымом. Выпили водички, пожевали галет и ирисок. Лежа есть было не очень удобно, Егор принялся икать и пузыриться соплями, сунул ему кубик лимонной кислоты, от соплей помогает.

– Вы там так и жили? – спросил Егор. – В Рыбинске? В землянках?

– Примерно.

– Ясно.

Я тоже завернулся в одеяло. Егор хотел меня еще о чем-то спросить, наверное, о Рыбинске, почему-то всех здешних очень интересует Рыбинск, если так занимает Рыбинск, взяли бы да сходили, посмотрели...

Егор выразительно вздохнул. Понятно, почему отец Егора и все его предыдущее семейство не преуспели в походе на север. Слишком часто вздыхали и оглядывались. Возможно, это из-за воображения. Слишком сильное. Те, у кого с воображением перебор, всегда отстают. Но ничего, я его научу, отступить ведь некуда.

Я тоже сжевал кислоты. Для предотвращения. Полезная штука, но часто нельзя – последние зубы отвалятся, без зубов жить туго.

Егор засопел, и я тоже уже почти уснул, но тут приволоклись мыши и стали деловито устраиваться у меня под боком. Хотел их шугануть, но с мышами я чувствовал себя спокойнее, ведь пожаловали самые обычные человеческие мыши, нормальные, наглые и суетливые, они делили что-то. Впрочем, унялись они быстро, забрались под броню, успокоились, я чувствовал их маленький жар.

Мне снились соответствующие сны, мыши, теплые избы, горячие печи и горшки, запах хлеба, запах соломы...

Нас разбудил дикий звон егоровского будильника, мыши кинулись врассыпную, к

моменту, когда я очухался, от них остались лишь угасающие точки тепла, так что я стал сомневаться, были ли они на самом деле или это все-таки сон, нереальный и грустный.

Проснулся злой. Пахло кислятиной – изнеженный Егор не любил спать в обуви и поэтому снял ботинки, распространив в нашем убежище ароматы несвежести. Утром должно пахнуть принесенными с мороза дровами, а не пальцами Егора, но такова жизнь. Впрочем, лентяй был наказан за свою избалованность – ночные мыши соблазнились аппетитными запахами и объели все носки Егора, сделав их непригодными для носки.

Егор принялся клясть мышей грязными словами, а я развел костер. Погода стояла морозная, огонь разгорался плохо, кустарник подхватывался неохотно. Нагрели воды. Есть с мороза совсем не хотелось, организм пребывал в оцепенении, пришлось себя заставлять. Бульон, бобовые консервы, давно потерявшие свой вкус, черный чай. Едва поели, как тут же потянуло в сон, Егор засопел и зевал так громко, что я слышал, как скрипит его челюсть, чтобы взбодриться, я приложился лбом к гладкому промерзшему камню.

Двинулись в путь. Сегодня пробираться было еще сложнее, чем вчера, – тело болело, все, целиком, от ногтей на руках до мозолей на пятке. Проходимость упала. Но все равно мы продвигались. Со скоростью сонной весенней улитки.

Остановились метров через пятьсот. Слишком разогрелись, надо остыть изнутри и согреться снаружи.

Это была поляна. Что-то вроде. Пустое пространство, вереск на котором по каким-то причинам не вырос, а вырос мох. С длинными красными цветочками, никогда не думал, что во мху могут расти цветочки, особенно перед зимой. Поляна настолько красивая, что я даже засомневался, на всякий случай швырнул камень в центр и несколько по краям. Ничего. Мох как мох, спокойное место, тумба какая-то посередине квадратная. Егор не утерпел, взобрался на нее и стал стихи рассказывать.

Странно это как-то, стоит на тумбе человек и стихи рассказывает. Я спросил – это что? А он ответил, что человеческая традиция. Поэты влезали на такие вот тумбы и с них стихи шпарили, а народ вокруг радовался, ему папка рассказывал. У них в их семействе тоже традиция такая была, в каждую зиму, в самый разгар стужи они устраивали семейный праздник, Егор читал стихи, стоя на старом тазу, потом они пели песни, а потом хорошенько и вкусно ужинали и укладывались спать, чтобы не спугнуть того, кто приносит подарки. Трубного Деда.

Хороший обычай. Возможно, со временем мы так и будем делать. Вставать на постаменты и читать стихи...

Я вдруг подумал, что Егор тоже похож на памятник, только недорослый, наверное, памятники раньше ставили поэтам разным. Только вряд ли у поэтов так клацали от холода зубы. Вообще, нас тут так мало осталось, что памятник любому можно сделать. За доблести выживания.

Я нарубил вереска, раскидал его по кучам. Огонь горел плохо и дымно, кустарник мокрый и замороженный, поэтому разложил сразу три костра. Мы уселись в центре, грелись теплом и дымом, прижавшись спиной к спине, Егор, само собой, смотрел на юг, в сторону слоновьего дома, я на север. Противоположный склон воронки не просматривался, над нами снова собралась туча, сегодня она была гораздо больше вчерашней, беспросветнее как-то, тяжелее. Ворочалась, переваливаясь с бока на бок, потом в ней зашевелились молнии, и я почему-то подумал, что сейчас пойдет снег. Но не простой, а желтый, туча-то такого как раз цвета.

– Снега нам не хватало, – буркнул Егор. – А если метель? Где прятаться будем? Одежда не греет уже почти...

Это точно, не греют. Но пару ночей еще перетерпеть, а там выйдем к домам, погреемся. Сожжем пару комодов, отоспимся в книгах, напьемся какао... Хотя какао я с некоторых пор не очень, остерегаюсь.

– Отец говорил, на Башне тоже люди живут, – сказал Егор. – Целая колония вертикальная. А вдруг они не захотят, чтобы мы через их территорию проходили?

– Поглядим.

– Высоко тут...

Склон воронки задирался вверх. Подъем. Точно такой же завал, только вертикальный. Меня это не пугало, станем потихонечку подниматься, куда спешить, влезем. Влезем. Я подкидывал ветки в огонь. Но то ли огонь был не горячий, то ли место холодное, тепла получалось немного. А одеяла на самом деле не очень помогали.

Закипела вода, я настрогал чая с плитки, кинул в котелок, всыпал две горсти сахара. Через десять минут чай был готов. Черный, крепкий, мы стали пить. Я из кружки, Егор через пластиковую трубочку, чтобы не так горячо. Алисы, как всегда, не видно, но я знал, что она где-то рядом. Почему-то знал. Егор расспрашивал про жизнь на Варшавской, я отвечал. Про горячую воду, про подземную ферму, про общие собрания и про оружейника Петра, Егор охал, вздыхал, восхищался.

А потом он вдруг замолчал. Я как раз рассказывал про пинг-понг, как хорошо он развивает реакцию и как я обыгрывал всех тамошних, потому что они не годились мне в подметки, я ведь вырос в Рыбинске, а это великий город, там живут люди, сильные духом...

– Что-то не то... – Егор выпустил чайную трубку. – Что-то не то...

Я поморщился. Что-то не то. Ну вот, наконец. Это нормально. Слишком долго мы пробирались без приключений. Слишком. Должно приключиться, должно. И вот.

Егор поднялся и стал слушать.

С небом, что-то не в порядке с небом. С тучей. Молнии. Раньше их не было, теперь вот прорезались. Опять что-то в небесной механике нарушилось, молнии без грома.

– Поздновато для грозы... – Егор с недоверием глядел в небо. – В это время года их совсем не бывает, никогда не видел... И молнии какие-то...

Мне гроза тоже не нравилась. Гроза без дождя и без звука – это ненормально, у меня нюх на ненормальность.

– Карабин, – сказал я.

Егор дотянулся до карабина. А я до винтовки.

Сухая гроза продолжалась. Молнии простреливали атмосферу, но совсем не так, как при настоящей грозе, казалось, что в туче перекатываются длинные блестящие змеи, грозные и молчаливые.

– Звук... – прошептал Егор. – Ты слышишь?

– Нет.

Я на самом деле ничего не слышал, в последнее время я был несколько глух, наверное, что-то с барабанными перепонками...

– Сверчит... Что-то ведь сверчит...

И вдруг я тоже услышал это сверчание. На самом деле очень похоже на сверчка. Даже на нескольких, наловили, погрузили в жестяную банку, а банку в пустую комнату. И теперь они стараются вовсю, так что даже уши чешутся.

Из разных мест. Я насчитал несколько источников звука, причем один из них явно перемещался.

– Что это? – прошептал Егор.

– Не знаю...

Вряд ли что-то хорошее. Вряд ли с неба посыплются ириски. Лягушки в лучшем случае. Или гвозди. Еще какая-нибудь настоящая гадость, змеи, завязанные в узел.

Я взял винтовку.

– Никогда такого не слышал... – Егор смотрел в небеса.

Стрекотание стало приближаться. Оно опускалось сверху и чуть сбоку, двигалось по широкой дуге, обходило нас со стороны.

– Мне это не нравится... – Егор попятился к вереску. – Не нравится...

– Только не беги. Не беги...

– Оно на меня глядит...

– Никто на тебя не глядит.

Егор пятился. Он поднял карабин, целился в воздух прямо перед собой, руки дрожали, оружие прыгало.

– Успокойся! – приказал я. – Успокойся...

Егор сделал несколько шагов назад, запнулся. Упал. Карабин рывкнул. Пуля толстым смертельным шмелем пробурала воздух рядом с моей головой.

Куда-то попал. Дурачкам везет, ангел придерживает дурачка за воротник и не позволяет расквасить нос совершенно.

Егор попал в воздух. Казалось бы.

Потому что это был не совсем воздух. Пуля ударила во что-то плотное и чрезвычайно твердое, вжикнула, как по железу. Из пустоты, из ничего посыпались искры, Егор вскочил и уже побежал, бросив карабин, закрыв голову.

И тут же Егора кольнула молния. Но не из тучи, а опять же из воздуха. И молния опять же необычная, даже не молния, а скорее луч, белый и блестящий. Егор взмахнул руками, подпрыгнул, завалился лицом в мох и не поднялся.

Я вскинул винтовку и стал стрелять. Ненормальными короткими очередями, в воздух.

И я тоже попал, искры посыпались гуще, там, в этом воздухе что-то висело, я зацепил это что-то, нащупал и уже не отпускал, бил и бил.

Еще молния. Из пустоты. И мне в плечо. Через броню, в мясо.

Мне показалось, что это штырь. Хорошенько замороженный штырь, пробил меня насквозь, навывлет.

Я попробовал наклонить голову, чтобы увидеть... Но голова не наклонялась. От штыря распространялся холод, и этот холод... Винтовка вывалилась. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, покачнулся и стал падать. Как Егор, лицом вниз. И лишь диким усилием воли сумел толкнуться левой ногой, чтобы упасть на спину, чтобы видеть.

Я увидел.

Как метрах в пяти над землей полыхнуло электрическим огнем. Как из этого огня вывалилась непонятная фигура, отдаленно напоминающая человека, только очень, очень горбатого. Человек этот загорелся и рухнул вниз, вокруг него зашипело и вскинулся белый дым. И тут же нарисовались еще две точно такие же фигуры. Они висели над землей, за спиной у них бешено вертелись оранжевые круги, именно эти круги издавали стрекотанье, именно они поддерживали горбатых в воздухе. Свет еще. Из-за спин летающих людей бил яркий белый свет, двумя плотными, расходящимися в небо лучами из-за плеч каждого.

Люди.

Едва я успел подумать, что это все же люди, как один из них снова выпустил в меня молнию. Мир остекленел окончательно. Исчез слух. И запах. Осталось зрение, но какое-то ненормальное, все происходило с какой-то задержкой, точно за толстой ледяной коркой. Мир затормаживался ею и искажался до кривизны, как в мутном выпуклом зеркале из полированной стали.

Люди приземлились. Один направился к Егору, другой ко мне. Облачный полк. Неожиданно в голову мне пришло именно это. Наверное, так и должен он выглядеть. В сиянье. Сверху. Дождались...

Только почему они в нас стреляют?... Они должны взять нас под руки, поднять, смыть с наших лиц страданье и злобу и препроводить в небесные чертоги с музыкой и рукоплесканиями...

Никто нас никуда препровождать не собирался. Летающий человек приблизился, я смог разглядеть его. Немного, глаза останавливались, все мышцы коченели, а в глазах ведь тоже мышцы, человек – сложная машина...

Летун был невысок, ростом, наверное, чуть выше Егора.

Круги оказались не кругами, а прозрачными крыльями, по форме напоминающими крылья стрекозы. Эти крылья торчали из рюкзака, который я издали принял за горб. На голове летуна сидел шлем, скрывавший лицо за черным блестящим светофильтром. Грудь закрывала броня, вспыхивающая стеклянными пупырышками. Оружие. В руках. Незнакомой

конструкции. Труба, ракетомет напоминает. Кроме того, человек был увешан всевозможными приборами, квадратными, продолговатыми, цилиндрическими и прочих сложных форм.

Он приблизился ко мне почти вплотную, наклонился.

Он должен был протянуть мне руку... снять шлем, улыбнуться, сказать: «Здравствуй, друг, я давно ждал этой встречи...»

Рассматривал меня. Придирчиво, точно я совсем не человек. Потом он перевернул меня на живот. Я не чувствовал ничего, перед лицом были красные цветочки, выросшие на мягком зеленом мху.

В спине зачесалось. Острое, невыносимое щекотанье выше поясницы.

Меня перевернули. Похлопали по щеке.

Я видел Егора, он тоже лежал лицом в мох. И над ним стоял другой летун. В руках у него блестел большой шприц с длинной и толстой иглой. Летун наклонился над Егором и воткнул в спину иглу. Егор дернулся. Летун прижал его ногой. Это продолжалось долго, наверное, с минуту, потом летун вынул шприц и стал его разглядывать, ногу с Егора не убрал.

Затем летун спрятал шприц в костюм и помахал рукой тому, что стоял рядом со мной, схватил Егора за ногу, поволок.

В спине защекало сильнее. Я попробовал пошевелиться. Не шевелилось, повсеместное остолебенение, какое-то даже окочуривание. Летун тащил Егора по мху. Бросил, выхватил сеть, запутал в ней Егора. Я дернулся...

Наверное, я немного перенапрягся. Лед перед глазами треснул, я отключился. Организм не восстановился. Ослаб. Я слишком перетянул внутренние струны.

Очнулся я, наверное, через минуту, чуть больше, может. Летуны стояли над Егором, видимо, как-то переговаривались, я не слышал, поглядывали в мою сторону и жестикулировали, кажется, спорили, затем один двинулся ко мне. Он преодолел половину расстояния, и вдруг появилась Алиса. Красное пятно, она возникла на границе зрения и тут же кинулась на летуна.

Я думаю, она бы с ними справилась. Если бы не молнии. Летун успел обернуться и уколол Алису белым лучом. Алиса замерла. Попыталась прыгнуть.

Тогда летун выстрелил еще, уже почти в упор.

Но даже этого оказалось мало. Алиса сумела сделать еще несколько шагов.

Третья молния ее завалила, но на третьей летун не остановился и выстрелил еще два раза, для верности.

Летуны приблизились к Алисе. Разглядывали ее с удивлением. На них были маски, я не видел лиц, но знал, что они удивлены. То, что случилось потом...

Они снова достали шприц. Перевернули Алису. А я снова попытался вскочить...

Когда я очнулся в очередной раз, летунов уже не было. Ни летунов, ни Алисы, ни Егора. Туча над головой продолжала наливаться желтизной и опустилась еще ниже. Холод.

Я чувствовал его. Хлад пробивался через толстую кожу ботинок, кусал за пальцы. Чувствительность медленно возвращалась. Я пошевелил челюстью. Туго. Однажды у меня случилось зубовное воспаление, флюс, или как там оно называется, челюсть разнесло, и она не ворочалась, чуть с ума не сошел. Старая Шура натолкла ивовой коры с медом и велела жевать, я жевал, только выздоровления не выжевал, боль только усугубилась. Хорошо, что Гомер был человеком решительным, достал ножик и вырезал из моей челюсти всю заразу, грязные черные сгустки. Но я и потом почти месяц не мог разговаривать нормально, только мычал, как древний лось.

Сейчас я не мычал.

Глава 7 Китаец

Темнело. Уже по-зимнему быстро. А я еще не оттаял. Ноги почти не слушались, я мог пошевелить только ступнями, да и то немного. Руки же почти не двигались, окоченение рассасывалось снизу вверх, да и то медленно.

Голова поворачивалась. Еле-еле.

Оружие. Винтовка. Я попробовал дотянуться до ремня. Если бы руки двигались хотя бы по локоть.

Шевелились только пальцы. До винтовки не достать.

Я попытался напрячься, чтобы хоть как-то расшевелить мускулатуру, ничего не получилось. Мышцы не распускались, продолжали оставаться в напряжении, сейчас бы под душ. Горячий.

Но ничего горячего не было, наоборот, я продолжал упрямо остывать. Туча над головой не рассосалась, небо сквозь нее не просвечивало, и тьма обнимала жирно и ласково. Стал светиться мох. Приглушенным зеленоватым светом, на фоне которого красные цветочки сделались черными. Холод. Теперь я чувствовал его уже всем телом. И это был какой-то другой холод, проникающий. Наверное, это получалось из-за того, что я не мог дрожать, дрожь, как известно, предназначена для утепления тела.

Но не дрожалось.

Пробовал стучать зубами, но даже это не очень получалось. Оставалось ждать. Рюкзак с термоодеялами валялся метрах в десяти, доползти до него я не мог.

Стемнело совсем. Я валялся посреди белой заплаты, вокруг мрачнел вереск, потом из вереска начали подниматься жидкие столбы зеленоватого газа, земля подпирала тучу колышущимися подпорками испарений. Красиво, я даже через вялое отупение замерзания отметил, что это красиво. Даже в этом мире красота не растворилась окончательно. Она изменилась, приобрела другие, необычные формы, но вовсе не исчезла. А может, тут и раньше так было, кто его знает...

Начали подрагивать колени и чуть сгибаться локти. А еще я почувствовал, как стало теплее. То ли из-за газов, то ли из-за влажности, а может, я замерз уже до такой степени, что и холод перестал ощущать.

Главное, не уснуть. Не уснуть, постараться не уснуть, конечно, смерть от замерзания – одна из самых ласковых смертей, замерзнешь посильнее, и станет тебе тепло, явятся сладкие сны, и ты забудешься в них и заблудишься, а перед тем, как смерть поцелует тебя в лоб, ты увидишь всех, кто был тебе дорог. Они улыбнутся, похлопают тебя по плечам, и вы вместе двинетесь по дороге вдоль моря.

Пожалуй, я так и сделал бы. Принял карамельные объятия. Ведь я снова остался один, и продолжать барахтанье у меня не было никакого настроения, я устал. Я бы сдох. Если бы не любопытство. Нормальное человеческое качество, одно из самых полезных. Именно благодаря любопытству человечество вырвалось из бескрайних гнилых болот и распространилось во все стороны, и даже вверх, в воздушную сферу, и даже за нее.

Впрочем, мир оказался ввергнут в бездну тоже любопытства ради. Слишком уж хотелось людям заглянуть за изнанку, в те бездны, для которых человеческое око не предназначено. И заглянули. И очи их выгорели, став прахом.

Я замерзал и готов был замерзнуть, но тут мне захотелось узнать, как все будет потом. Ведь придет же кто-то, сметет погань стальным ураганом, а я, получается, пропущу самое интересное, буду наблюдать издали, на облаке сидя. Расстроился я и решил, что умирать пока подожду. Негероическая это смерть, несерьезная. Праведник должен встречать свой последний час с оружием в руке, в борьбе и в крови. А замерзнуть – все равно что быть расплюснутым горящим роелем.

Поэтому я попробовал подняться. На кривых ногах. Упал. И попробовал снова. Старался не думать, в некоторых случаях лучше вообще не думать. Ноги не слушались, минут через двадцать я понял, что стараться выпрямиться бесполезно, лучше ползти, добраться до одеял.

Но и так не получалось, я укапывался в мох...

Мох!

Неплохая идея. Я стал собирать мох. Сгребал его под себя, укладывал вокруг туловища, а потом и на грудь. Мох плотный и тяжелый, отрывался толстыми кусками. Через час усердной работы я оказался в берлоге, и уже там, внутри, меня скрутила боль. Поясницу прострелило, в позвоночнике возникла горячая точка, боль из нее расплескалась по телу пылающей волной, холод исчез, и я неожиданно уснул.

Увидел Папу. Сначала я не понял, что это сон, подумал, что Папа каким-то образом вдруг ожил и снова прибил к мне, и только потом понял – что не было у настоящего Папы четырех лап. И хвоста. А у этого кота присутствовало все. Я стал оглядываться во сне, чтобы отыскать камень, запустить его в этого кота, шугануть его подальше, но местность во сне оказалась равномерной... Кот мяукнул, и мне подумалось, что, возможно, это действительно Папа. Только не тот Папа, что жил при мне, а другой. Воображаемый, какой он был бы в лучшем мире, толстый и довольный.

Папа стал мяукать громче, назойливо и противно, а потом подполз ко мне и стал грызть пальцы на левой ноге.

Я не выдержал, шугнул его, проснулся, что-то много стало мне сниться в последнее время, сон влечет меня, отбирая время у этой моей здешней жизни, гадкой, мерзкой и вонючей.

Спина болела. Я попытался сесть, не получилось, голова не поднималась, что-то держало волосы. Тогда я попытался ощупать шею и обнаружил, что примерз волосами. Видимо, во время сна я здорово вспотел, пот остыл, потом превратился в лед. Надо постричься. Раньше я регулярно брил голову, для борьбы со вшивостью и паршой, к тому же на бритую голову сыть хуже садится. А за время жизни на Варшавской распустился из-за повышенной чистоты, и от этой же чистоты у меня отросли волосы. Не очень длинные, не такие, как у Серафимы, к примеру, но все равно примерзнуть смогли.

Я достал нож, подковырнул лед, оторвался.

Встал на ноги, почувствовал боль.

Ночью прошел заморозок, прихватил мне пальцы на ногах. Я стащил ботинки, размотал портянки. Пальцы совсем белые. Чуть телеснее снега. И болели. Очень сильно, точно их зажали в тиски, разжали и хорошенько отварили. Наступать почти невозможно. Но я знал, что это только начало. Что завтра пальцы покраснеют, а еще через несколько дней почернеют. И если их не отрезать... Почернеют ступни. А когда чернота доберется до колен...

Алиса...

Егора не видно. Алисы тоже. Полянка пуста. Рюкзаки. Мой и Егора, все. Нет, не все, не увидел за постаментом – в дальнем конце полянки лежал летун. Вернее, сидел. Видимо, тоже примерз за ночь. Дохлый. Оставили его здесь, зачем тащить за собой труп?

Вообще пальцы отрезать лучше прямо сейчас. Можно топором или секирой, так получится гораздо быстрее, ножом лучше не пытаться. Я достал бутылку со спиртом, стал растирать ноги. Вряд ли поможет, но сечь пальцы сейчас совершенно не хотелось. Вечером. Или послезавтра. Найду время, сяду, выпью спирта, затем секирой, раз...

Больно. Даже растирание доставило неприятности, я оставил пальцы в покое. Достал из рюкзака сухие портянки, в мире нет ничего лучше сухих портянок, горячего сладкого чая и десяти часов сна. На руках пальцы тоже не очень хорошо действовали, заворачивание портянок растянулось, но я справился.

Спина ныла. Я подсунул руку под щиток. В спине была дырка. Небольшая совсем, от того шприца. Наверное, загнали слишком глубоко. Зачем в спину шприц? Ладно, жив, и нормально. Как говорила Старая Шура, живому все хорошо.

Подышал на пальцы, занялся карабином. Обычно я делаю все наоборот – сначала карабин, затем портянки. Теперь вот наоборот.

Вогнал в ствол обычную свинцовую пулю.

Винтовка. Поменял магазин. Карабин повесил на одно плечо, винтовку на другое.

Стоило осмотреть полянку получше.

Алису и Егора забрали. Меня почему-то нет. Я оказался им не нужен. Интересно, что в Алисе и Егоре было такое, чего не нашлось во мне?

Разберемся...

Направился к летуну. Было много гораздо более важных дел, например, срочно пожрать, вбросить в желудок энергии и тепла, но я поддался любопытству, оно спасло мне жизнь. И теперь я собирался прислушиваться к этому славному чувству.

Мне хотелось узнать, кто этот летун.

Он сидел. Совсем как живой, даже голова не болталась, видимо, его костюм был снабжен шейными пружинами. Егор попал ему в нагрудник. Егор не очень разбирался в оружии, но почему-то он очень любил пули с урановыми сердечниками. И заряжал их часто. А еще двойной порох. Для усиления. Так вот, пуля не смогла пробить грудную пластину летуна. Она врубилась в нее и застряла, расплескав по сторонам пластик, как густой кисель. Или как жидкое железо, даже на ощупь я не смог определить, что это за материал. Но он смог остановить пулю. Таковую, какую не смогло бы остановить ничто.

Впрочем, пуля свое дело тоже сделала – от удара под нагрудной пластиной лопнул комбинезон, разошелся от подмышки почти до пояса, из прорехи вывалились трубки и провода, так что мне подумалось, что человек – он не совсем человек. Решил убедиться.

Летающего рюкзака я не заметил, с собой уволокли. Правильно, я бы так поступил. Оружия у летуна тоже не наблюдалось, свои забрали. Но все равно я приблизился осторожно, мелкими шагами. Летун не шевелился, я заметил изморозь на шлеме. Ткнул карабином.

Летун не пошевелился. Я наклонился и попробовал снять шлем. Не получилось. Шлем сидел плотно. Тогда я заметил систему защелок и два рычага, справа и слева, чтобы снять, надо потянуть за оба.

Два чувства. Яркое ощущение опасности. И не менее яркое любопытство.

Оно и победило. Я потянул за рычажки. Снял.

Китаец.

Именно это всплыло в моей голове. Я примерно представлял, как выглядят китайцы, вот так как раз. Правда, я не знал, что они еще остались, думал, вымерли. Китайское бешенство здорово их подмело, но, видимо, не всех. Остались еще. Слишком много их было на земле, все не умерли.

Китаец.

Зачем они явились сюда? Прилетели... На крылатых рюкзаках. Алису и Егора забрали, я не пригодился. И невидимые... Рюкзак обеспечивал не только летаемость, но еще и маскировку. Откуда прилетели? Никто из наших никогда не видел живого китайца, никто никогда про китайцев не слышал даже. Вряд ли они живут в пределах города. Или под землей. Скорее всего, они явились извне.

Огни. В последнее время Егор видел огни...

С какой тогда целью? Что им здесь надо? Почему...

И вдруг я понял, что думаю неправильно. Не о том, о чем следует. Это ведь известие огромной важности! Жизнь за МКАДом существует! Нет, я и так знал, что там есть жизнь, сам оттуда, из грязей, но сейчас я подумал про другую жизнь, про настоящую. Чтобы много людей, медицина, цветы в вазах и вечерние пироги, игра в пинг-понг, субботнее чтение, бабушка носки вяжет, да просто есть она, эта бабушка, одним словом, не наше убогое рыбинское существование. Ведь возможно, что даже цивилизация сохранилась. Кое-где. Тот крестик в небе, самолет, теперь вот эти, крылатые китайцы. Живут где-нибудь в китайских горах, там, где близко небо.

И все-таки что они тут делают?

Что-то ищут. Что можно искать?..

Я попытался представить, что могут искать китайцы. Не представил. Кто исповедует китайские тропы? Ладно, об этом будем потом думать, сейчас надо решить насущные

проблемы. Срезать с китайца комбинезон. Для утепления. И эта броня... Китаец как раз с меня ростом, подойдет, у нас такой брони тут не найдешь...

Китаец открыл глаза. Я даже отпрыгнул. Живой!

Вскинул карабин, прицелился в лоб. Китаец выкрикнул что-то, заслонился ладонью.

Что ж они его живого-то бросили... Загадочная китайская душа.

Китаец съежился и начал что-то бормотать, продолжая закрываться рукой. Всем умирать страшно, даже китайцам.

Я не выстрелил. Товарищи его оставили. Вот если бы меня товарищи оставили, я к ним не очень добрые чувства испытывал бы, не люблю всякое предательство и вероломство. А если он теперь не очень любит своих китайских друзей, то... То, возможно, он согласится мне помочь. Я должен узнать, куда утащили Егора и Алису.

Я не выстрелил. Опустил карабин.

– Эй!

Китаец съежился еще сильнее, как у него получалось, не знаю, наверное, китайская премудрость.

– Не бойся. – Я закинул оружие за плечо. – Не бойся, все в порядке, не стреляем...

Показал ему ладони, Гомер учил. Китаец дернулся. Пугливый, шарахается от меня, как от чудища.

– Ты ранен? – спросил я.

Уставился на меня черными глазами. Дурак, по-нашему не понимает. Трясется. Боится меня, видимо, хотя я вполне человечен, и внутри и снаружи.

Ладно, пусть сидит. Надо нам пожрать, после жратвы у всех настроение улучшается, даже у китайцев. Я собрал вереск, поджег спиртом, подвесил над ним котелок. В рюкзаке у Егора остался чай, сахар, обезвоженная кукуруза. Масло. Ссыпал все в котел, пойдет, надо чтобы много, горячо и питательно, вкусовые достоинства не важны. Съел полгорсти сахара.

Вытряхнул рюкзак Егора на мох.

Носки. По размеру мне не очень, ладно, чуть подрежем. Надел.

Шарф. Зеленый, потертый, видимо, семейный. Пойдет. Обмотался шарфом.

Рисунок. В пластиковой упаковке. Старший в молодости. Карандашом тонким нарисовано, похоже очень, наверное, какой-нибудь художник старался. Память. Спрятал себе. Вдруг удастся Егора выручить как-то...

Патроны, порох, другая полезная мелочь.

Нужно еще два костра, нужно просушиться...

Отправился рубить вереск. Полезный куст, горит медленно. Разложил костры, устроился в центре. Тепло.

Китаец наблюдал за мной со стороны. Поднялся на ноги, смотрел. Ну, пусть смотрит, мне надо подумать. Что дальше делать.

Алису и Егора забрали китайские летуны. С какими-то неясными китайскими целями. Не убили сразу, втыкали в спину шприцы... Анализы. Видимо, это были какие-то анализы. Егор подошел, и Алиса подошла, а я нет, не сгодился.

Вопрос в том, для чего сгодились они.

Я вдруг подумал, что из них будут делать китайцев. А что? Возможно, китайцы сами уже не могут по каким-то причинам воспроизводиться, и вот они теперь переделывают в китайцев всех, кого смогут поймать.

А меня почему тогда не взяли? Получается, что я даже в китайцы не гожусь?

Алисе не понравится в китайцах, это точно. Надо попробовать выручить.

В каком направлении идти... Этот должен знать. Вряд ли летуны прибыли издалека, на большие расстояния на таких аппаратах не очень-то летаешь. Значит, база у них неподалеку. Туда они и поволокли. С научными целями.

У меня есть преимущество.

Я лучше... Я вдруг понял, что все мое преимущество – это ускоритель. Можно попытаться ускориться и перебить китайцев. В обычном состоянии с ними справиться будет

непросто. С другой стороны, к ускорителю я не очень готов здоровьем, можно вообще рассыпаться, как отец Егора...

Ничего, посмотрим. Конечно, они летают, конечно, у них почти непробиваемая броня, и они могут становиться невидимыми...

На моей стороне Правда. Если бы китайцы были сильны в Правде, они вряд ли стали бы в такие доспехи обряжаться. Если они используют столько техники, значит, они уязвимы. Правда же...

Варево в котле забурило, я подумал, не насыпать ли туда для крепости еще чая?

Достал ложку, попробовал. Съедобно.

– Эй! – позвал я китайца. – Иди сюда!

Китаец не услышал.

– Иди сюда! – повторил я. – Еда! Ням-ням! Иди сюда, придурок, сдохнешь ведь...

Я даже помахал специально рукой, призывно, чтобы до этого дурака дошло. Китаец заковылял, понимает, что в одиночку тут не выживет. Без всех своих приспособлений, свои-то у него даже оружие забрали.

Китаец приблизился. Он продолжал поглядывать на меня настороженно и испуганно, ну, в общем, правильно и делал, я человек опасный, много набил тварей разных.

Кукуруза распарилась, разбухла, пропиталась сахаром и стала выпирать из горшка. Я навалил в миску с горкой, сунул китайцу.

Китаец выдал что-то. По-своему, горлом. Такие звуки, много «о» и много «р».

– Да ладно, жри, – ответил я. – Привыкай, дружок, привыкай, так всегда теперь будет.

Китаец понюхал кашу.

– Нормально, – сказал я. – Бывает и хуже, я тебе потом покажу как.

Китаец вернул миску мне.

– Не бойся, не отравлено...

Но китаец подержал себя за горло.

– Что? – не понял я.

Он помотал головой, подержал себя за горло, показал пальцами размер. Затем вытряхнул на ладонь оранжевую таблетку, проглотил, запивать не стал. Вот так в Китае и питаются, таблетками.

Я не стал настаивать на каше, не хочет – не надо. Стал есть сам. Китаец сидел напротив, протягивал к огню коричневатые руки. Меня вроде бояться перестал, хотя кто его знает.

Слопал две миски. Остальное сгрузил в контейнер, разогрею вечером. Заварил чай, тоже с сахаром. От чая китаец не отказался, но пил его совсем не так, как я, не обжигаясь, видимо, привычен был.

После чая мы посидели немного, помолчали. Костры прогорали, тепло уходило, пора выяснить, что к чему. Китаец вроде бы оттаял.

Я достал ириску, кинул в рот, прилепил к зубу, скоро растает.

– Давай-ка поговорим, – я улыбнулся китайцу, подмигнул.

Он тоже улыбнулся, зубы острые.

– Ты кто? – спросил я. – Я – Дэв.

Я ткнул пальцем в себя и повторил:

– Дэв. А ты?

И указал пальцем на него.

Китаец оказался догадливым. Он потрогал себя за нос и произнес что-то длинное и рыкающее, из чего я понял только последнее – Ахира. Или Акира.

– Акира?

Китаец кивнул.

– Откуда?

Китаец сделал вопросительное лицо, не понял.

Понятно, подобным образом ничего разузнать не получится. Я достал блокнот и

карандаш – в рюкзаке у Егора оказался неожиданный запас писчих принадлежностей, все из запасов подземного магазина. Нарисовал схему города. Кольца, улицы, продольные-поперечные. Нарисовал, где мы примерно сейчас находимся, – нарисовал двух человечков. Один – я, другой – я кивнул на Акиру. К себе я пристроил стрелочку, указав, таким образом, откуда прибыл я. К другому человечку пририсовал знак вопроса.

Передал блокнот китайцу, тот немедленно стал чиркать. Недалеко от нас Акира изобразил длинную мачту на низеньком треножнике, я не сразу понял, что это Вышка. К верхнему концу Вышки веревкой крепился предмет, похожий на пузатый огурец. В огурце были прорезаны круглые оконца, в которых виднелись круглоголовые люди, Акира указал на себя.

Китайцы, понятно.

Акира почистил ногтем карандаш и снабдил дирижабль стрелочкой, уходившей за границы города. В сторону востока и куда-то вниз.

Пока понятно. Прилетели на огурце... Наверное, на дирижабле, он должен выглядеть, кажется, так. С Востока. С самого восточного Востока. Китай как раз там, все понятно.

– Зачем? – спросил я.

Китаец не понимал.

Тогда я нарисовал еще один знак вопроса, уже жирный, в три ряда.

Китаец кивнул, принялся объяснять.

Словами. Говорил, делал знаки, лицом что-то демонстрировал. До меня не доходило. Вот что может этот оскал означать?

– Не понимаю, – громко сказал я. – Не по-ни-ма-ю!

Китаец стал рисовать, на чистом листе. Сначала шприц – и движение сделал соответствующее, точно нажал на поршень. Затем нарисовал волкера. Под шприцем. И голема. Тоже под шприцем. И еще несколько тварей, и все под. С каждым новым чудищем, он пририсовывал к большому шприцу еще одно деление, шприц как бы наполнялся.

Понятно. Как я и думал, анализы. Зачем тогда они забрали Алису и Егора?

Я отобрал у китайца блокнот. Нарисовал маленького человечка. Егор. И человечка чуть побольше, с длинными волосами. Алису. Затем забрал Алису и Егора в клетку. И вопрос.

Китаец сказал что-то.

И протянул линии от клеток к дирижаблю. Подумал и добавил на дирижабль крест. Толстый, с квадратными сторонами.

Я узнал этот крест. Такой крепили над аптеками и редкими лечебными учреждениями. Их что, в дирижабле лечить, что ли, будут? Интересно, что они скажут, когда узнают, кто Алиса?

– А что же они тогда тебя бросили? – спросил я.

Акира не понял. Неудивительно, что у нас их всех перебили, ничего не понимают. Бестолковые ребята.

– Твои, – я помахал ладошками, как крыльями, указал пальцем в небо. – Твои – улетели. Тебя, – я ткнул Акиру в плечо, – тебя оставили здесь. Почему?

Нарисовал знак вопроса в воздухе.

Акира пожал плечами. Я повторил. Еще раз. Акира кивнул, вроде понял. Он потрогал пальцем карабин, затем потрогал пулю, вплавленную в пластиковую броню. Указал на прореху в резиновом комбинезоне, схватил себя за горло, немножко подушил, выпучил глаза, закрыл глаза.

Понятно.

Егор выстрелил, пуля пробила защиту, в костюм ворвался воздух, Акира его вдохнул. После чего товарищи не захотели его взять с собой. Он стал опасен. Я нарисовал в воздухе еще один знак вопроса.

Акира принялся брать из воздуха пальцами невидимые горошины, одну, две, три, собрал целую невидимую горсть, втянул носом, затрясся, задрожал, закрыл глаза. Умер. Значит, что-то в воздухе. Отравленные горошины. Корпускулы дьявола.

Значит, правда.

Весело.

Но какая-то несостыковка есть. Зараженных Алису и Егора они взяли, а зараженного китайца нет... И меня нет.

Непонятно.

Не нравится мне это. Лечебный дирижабль... А от чего их, собственно, лечить? Ладно, разберемся. Тут уже недалеко.

– Я, иду, туда.

Указал на себя и на этот летающий огурец.

– А ты?

Акира помотал головой.

– Как знаешь.

Я поднялся. А что? Я китайцев спасти не записывался. Если он не хочет спастись – его дело.

– Вечером, – я указал в небо. – Вечером куда-нибудь закопайся.

Показал рукой, как именно надо закапываться. Глубоко. В мох.

Стал собирать вещи. Акира сидел у догорающего костра. Воду найдет, с голода не помрет – таблеток, наверное, много запасено. Если не дурак, сумеет закопаться. Или в люк, китайцы наверняка спецы по люкам.

– Прыгай в люк, короче, – посоветовал я.

И двинул в сторону севера. Недалеко осталось, недалеко.

Глава 8 Вертикаль

Вблизи она выглядела совсем по-другому. Тучи цеплялись за антенну, верхняя часть башни терялась в серой пелене, я вспомнил сказку. Про волшебный желудь, Гомер рассказывал. Как один человек нашел золотой желудь, посадил его, и вырос дуб, такой высокий, что по нему можно было прямо на небо забираться. А на небе лучше оказалось, чем на земле, человек ползил туда-сюда, ползил, да и бросил, на небе остался, чего уж, только вниз на земляных людей поглядывал да радовался, что ему так повезло.

Про Вышку много чего молили. Что на ней живут какие-то отдельные люди, то ли вышкарки, то ли лешие, то ли еще они как-то назывались, что эти люди чрезвычайно гордые от своей возвышенности над остальными. Плевали на всех сверху, на плечи всем, на лысины, а если кто разгневанный собирался разобраться, то обстреливали его из арбалетов и луков.

Рассказывали, что вышкарки знали толк в медицине. Могли излечить разные опасные болезни, причем не только хирургически, но еще и воздухом – наверху воздух гораздо лучше, стоит им подышать немного, как становится гораздо лучше, а иногда и вообще выздоравливаешь.

Говорили, что на Вышке можно прожить от рождения до смерти, никогда не спускаясь вниз. Вода сгущается из облаков, и эта вода гораздо свежее и чище земной. Еда произрастает в висячих садах, кроме того, внутри самой башни поселился лишайник, который можно было перетирать в муку и печь из нее хлеб. А еще вроде там, почти на самом верху, имелись особые, бассейны, в которых разводили рыбу с золотой чешуей. А еще у вышкарей было такое развлечение – они привязывали к ногам длинные веревки и прыгали вниз с самой высокой мачты. Посвящение в мужчины такое. А кто не мог прыгнуть, тому запрещалось жениться. И все эти люди прыгали, прыгали...

Никаких людей не осталось, я сразу понял. Нет, когда-то они тут жили, несомненно, это угадывалось по залежам мусора, окружавшим основание башни. Мусора много, но не свежий, старый и успевший прорасти репьями, засохшими по поводу зимы. Железо еще. Катушки, трубы, блестящие прямоугольные шкафы, скомканные листы металла, много железа вокруг, сверху повыкидывали за ненадобностью. И никого. Людей все меньше, даже

в таких удобных местах. Геноцид.

Я задрал голову.

Вышка была украшена многочисленными лесенками, струящимися вверх, решетчатыми балконами, отстоящими от башни на много метров и оттопыренными грядками, с которых свисали побуревшие бороды плюща. С Вышки вообще много чего свисало. Тросы, как простые, так и завязанные в узлы. Веревки, покачивающиеся на ветру. Тряпье. Не знаю, зачем тут нужно столько ветхого тряпья, много. Цепи. Цепей больше всего. Как ржавых, так и вполне себе блестящих, произведенных из нержавеющей стали. Я искал скелетов или других следов цивилизации, люди обожают вешать разных живых существ на подходящих предметах, но их почему-то не висело.

Метров с тридцати начинались хижины. Башня обрастала ими, как старая и уже гниющая береза желтыми грибами, хижины лепились одна к одной и изрядно выступали в стороны.

На пятидесяти метрах раскидывались длинные мачты, назначение которых сначала было непонятно, но потом я сложил их с обилием висящего тряпья и вдруг понял, что это паруса. Когда-то на Вышке были паруса. Зачем паруса в центре города? Может, для красоты, а может, энергию вырабатывали.

Вообще Вышка выглядела не очень опрятно. Я видел ее на картинках. Ночь, в небо уходит сияющий разноцветными огнями шпиль, снизу бьют лучи света, и мир прекрасен, точно прекрасен. А сейчас Вышка похожа на старуху, дряхлая, бесполезная, готовая качнуться в сторону, но еще не качнувшаяся. Похожая на весь наш мир, еще стоит, но вот-вот завалится.

Скрип. Я обернулся. Акира. Сказал что-то, пальцем вверх указал.

– Тучи, – сказал я. – Они там?

Акира кивнул. Снял шлем.

Почернел. Голова приобрела синюшный цвет, с красными подкожными волдырями. Болезнь. Видимо, на самом деле у нас тут болезнь. Отрава, яд, разлитый в воздухе. Мы в ней рождаемся, в ней живем, в ней и умираем, мы привыкли, она на нас не действует, во всяком случае, при жизни. А вот Акира... Прорвал комбинезон – и все, готово. И быстро-то как...

– Плохо? – спросил я.

Акира кивнул. Уже понимает. Со мной не сможет наверх, и так еле тащится. Остаться не захотел. Оно и понятно, в одиночку и китайцу не дышится, одиночество хуже волкера, выест кишки, выгрызет печень.

– Я скоро вернусь, – я указал наверх. – Лекарство. Лекарство принесу. Туда – обратно.

Я нарисовал пальцем аптечный крестик. Акира помотал головой, сделал решительный рубящий жест, затем постучал себя по горлу. Все, конец.

Помирать собрался.

– Пойдем со мной, – я ткнул большим пальцем в небо.

Акира сел на камень, пожал плечами, покачал головой. На шее у него надулись крупные красные бубоны, болезненные даже на вид. Никогда такого не видел. Китайское бешенство, что ли, начинается.

– Пойдем.

Акира помотал головой.

Понятно. Все равно помрет, не хочет мучиться. Хотя я, например бы, помучился. Чем сидеть замерзать.

– Как знаешь, – сказал я.

А что, мне тащить на себе его, что ли? Сам еле хромаю. Достал из рюкзака ириски, сунул Акире. Пусть пожует. Последняя радость.

Акира взял. Ухмыльнулся. И зубы у него тоже почернели, окончательно. Совсем недавно были нормальные, ну, немного желтые, а вот уже и почернели. Мощная болезнь, быстро развивается. На сыть похожа, только та с ушей расползается. Или с носа. Я сплюнул. Ну, чтобы не привязывалось.

Небо опустилось еще ниже, теперь большая часть Вышки была скрыта мглой. В погоде что-то сдвинулось, и сверху потекла вода. Она собиралась на тросах и цепях и лилась на землю тонкими струйками. Акира поднялся, подставил под воду лицо.

Умылся.

Затем издал долгий горловой звук, сказал что-то, наверное, важное. Нарисовал на ладони несколько закорючек. Понятно, блокнот ему нужен, дал ему блокнот.

Акира пустился чиркать. Круги. Одни круги, другие круги, и еще круги...

Наверху что-то железно лязгнуло. Я схватил Акиру за шиворот и оттащил в сторону, под защиту треугольной бетонной юбки. Но сверху ничего не упало.

Акира скомкал альбомный лист и теперь рисовал на новом, но руки у него дрожали, даже уже дергались, круги получались кривые, карандаш рвал бумагу, он старался совладать с руками, не получалось.

Китаец не выдержал, взбесился, отшвырнул блокнот в сторону.

– Ладно, – сказал я. – Ты тут отдохни, пока.

Он отвернулся. Втянул голову в плечи, закрыл глаза.

– Сиди здесь. Никуда не уходи.

Акира не ответил. Протянул мне что-то. Я взял. Прозрачное, плоское, но не стекло. Китайское стекло, наверное.

– Что такое?

Китаец дотянулся до блокнота. Долго собирался с силами, сжимал запястье одной руки, потом запястье другой, бормотал что-то по-китайски. Все-таки собрался, стал рисовать.

Закорючка. Палочка с кольцом. Сначала я долго не мог понять, что это, тогда Акира нарисовал рядом замок. Ключ, значит, понятно.

– Ключ, – сказал я.

Китаец кивнул и стал рисовать еще что-то. Я заглянул через плечо. Дирижабль, но не снаружи, а как бы изнутри, разрезанный пополам. Акира нарисовал вход – обозначил его замком. Затем прерывистой линией обозначил дорожку и крестик в конце. Видимо, путь.

– Спасибо, – сказал я. – А остальные как? Твои товарищи? Друзья? Китайцы?

Я ткнул пальцем в него, ткнул пальцем в небо.

Акира закрыл глаза, открыл лоб, уронил голову на грудь, засопел. Тоже угадать несложно – ночь, спят. Ну и хорошо.

– Я пошел. До встречи.

Закинул рюкзак, вышел наружу, задрал голову. Высота определялась плохо, слишком много разных деталей, торчащих в стороны. Метров двести, не меньше. Жить, наверное, удобно.

Вход. Я не очень надеялся, что парадный вход окажется доступен, вряд ли на Вышке жили дураки. Первый уровень вокруг входа был заложен бетонными блоками, продраťся сквозь них невозможно, не зря же их тут положили. Надо лезть.

Я не очень люблю высоту, человек не предназначен для высоты, особенно для такой. Обошел вокруг Вышки. Десять лепестков. Круглые дыры, видимо, окна. В дыры лезть не стоит, слишком просто, а все, что слишком просто, все бесполезно. Лучше всего до первого балкона.

Метров двадцать. Балкон располагался посередине юбки и огибал башню вокруг. Он был приделан явно позднее, состоял из кривых железных штырей и прогнивших досок, на эти штыри уложенных. Я долго раскручивал кошку и лишь с шестого раза забросил ее на проржавевшую арматуру, полез. Не спеша, шаг за шагом, шаг за шагом.

Первый балкон.

Двадцать метров – приличная высота, этажей шесть, не меньше. Хотя по сравнению с оставшейся просто несерьезная. Мне предстояло взобраться метров на триста, именно там китайцы пришвартовали свой летательный аппарат. Я думал подняться до конца юбки, затем пробраться внутрь и найти лестницу. Вряд ли все эти вышкари перемещались по наружной стороне башни, это неудобно.

Я уселся на доски. Здесь было ощутимо холоднее, высота, да еще север. Огляделся. Передо мной лежала дорога. Улица, забитая ржавым железом, походившая на реку. И еще одна дорога, подвешенная на столбах над первой, но не эстакада для машин, а скорее железная, для вагонов. И поезд имелся, синий, с остроносой мордой, с огнестрельными дырками по бокам, с подпалинами и узорами, выполненными черным и золотым. За дорогой размещалось здание, ради которого мы отправились в путь. Большой куб. Ни одного сохранившегося стекла, из разбитых окон торчат толстые кабели, внутри темнота.

Телецентр.

Близко. Меньше километра. Да какой там километр, метров триста. Я смог бы пройти его за пять минут, неторопливым шагом. И пройду. Но немного позже.

Подышал в руки. Я остывал, решил, что задерживаться снаружи не стоит, зашвырнул кошку на следующий балкон, полез. Интересно, зачем эти балконы использовались? Видимо, вышкари на землю все-таки спускались, балконы служили перевалочными площадками.

До второго балкона подниматься оказалось сложнее, сам подъем круче, а руки у меня работали не очень хорошо. Кое-как. Да и ноги тоже. Но я старался.

Второй балкон был уже, и от него вверх поднималась узенькая лесенка. Она упиралась в уже широкую площадку, висевшую на широких фермах, к которой крепились две небольшие будки из жести. По лесенке я поднялся легко. Сразу же заглянул в будки. В первой хранились истлевшие веревки, наверное, километра три, попробовал, ни одна не годилась, распадались почти в прах. Во второй избушке хранились багры. В хорошем состоянии, выкрашенные красным. Зачем им тут багры? Хотя, может, тут вода поднималась, они рыбу багрили, сети растягивали... Или лез кто. Снизу лезли, а вышкари их баграми.

Замков еще много. Тоже непонятно, зачем тут замки, все перила увешаны этими замками, а ключей нет. Очень похоже. Я подумал, что эта башня очень похожа на наше существование. Замки без ключей.

Метрах в трех над площадкой в сером теле башни чернела дыра, проплавленная каким-то незнакомым инструментом, в рост, и неширокая, на одного. Я поднялся до этой дыры, зажег карбидку, осторожно продвинулся внутрь.

Ожидал увидеть огромную полую трубу, заполненную техническим оборудованием, пустую, уходящую вверх, с винтовой лестницей по внутренней стороне...

Внутри оказалась комната. Большая, я не ожидал такой, настоящий зал. Диваны, кресла, треноги для котлов, подъемные приспособления, лебедки. Вход на лестницу. Забран решетками, не пройти. Двинул в обход. Лампа выхватывала из мрака разные технические приспособления, инструменты, бочки и ящики, море ненужного хлама, почему-то много бутылок, и не пластиковых, а вполне себе стеклянных. Бутылки были расставлены так, что не задеть их было трудно, везде, на подлокотниках кресел, на стульях, на железных ящиках. Хитро и ловко – очень легко задеть, брякнет громко, и кому надо, тот да услышит, приходилось шагать цаплей.

Обошел вокруг этого круглого зала, вернулся к центру, пролез в узкую дыру, ведущую на лестницу. Стал подниматься. Тут сохранилось все не очень хорошо, ступени кривые, по стенам сочилась вода, а во внутренней стене имелись пробоины, широкие, со рваными краями. Я посветил в них и увидел туго натянутые тросы. Почти все они выглядели плохо, покрытые ржавчиной, расплетенные, с явными надрывами, натянутые до предела. Видимо, тросы эти удерживали Вышку в прямом состоянии, умно придумано.

Поднялся на один уровень. Здесь располагался совершенно такой же зал, как этажом ниже. Только вместо хозяйственных железок кровати в основном трехъярусные, рядами, почти вплотную. Наверное, тут помещалось основное жилище вышкарей. Бутылки здесь тоже имелись, наверное, даже больше, чем внизу. Я заметил, что горлышки некоторых были связаны тонкой леской, настоящая охранная система. Значит, кто-то здесь все-таки остался. И хотя я не звякнул, этот кто-то меня уже услышал и почуял и теперь само собой намеревался произвести хозяйские действия. Я не собирался с ним связываться, мне бы наверх добраться...

Из глубины Вышки слышался звук, похожий на удар далекого грома. Через секунду пол под ногами качнулся, и сразу звон со всех сторон, бутылки, расставленные вокруг, стали валиться, пол дрогнул, я тоже упал.

Землетряс? Или... Или трос лопнул? Вышка покачнулась снова, бутылки посыпались и покатались, тряхнуло еще пару раз, успокоилось.

Я лежал на холодном полу, светил в потолок лампой, на бетонной плите были нарисованы сплетающиеся в узоры крестики. Или трещины? Город рушится, дома рассыпаются, самые длинные и высокие тоже, а значит, и Вышка рано или поздно тоже разрушится. Смешно получится, если она завалится вместе со мной. Отсюда никуда не денешься...

Шевелиться не хотелось. Представлялось – вот я шевельнусь, и лопнет еще трос, а за ним другой, и башня станет падать, трудно выворачивая из земли ослабевшие корни, как сгнившее вековое дерево...

Звякнуло. И покатилося. Кто-то запнулся за бутылку.

Я сел, положил на колени карабин. Вряд ли это случайность. Между трясом и падением бутылки прошло минут пять. Точно не случайность. Все бутылки, что могли упасть, упали. Значит...

Кто-то нарочно запнулся. Зачем?

Думать не хочется, почему я должен все время думать... Напугать меня? Так не страшно. Мне совершенно не страшно, нет ничего отвратительнее этого. Нормальный человек должен бояться. Темноты, мышей, дьяволов, обитающих в старых подвалах, чердачных крыс, а я не боюсь. Страх выжжен из моего сердца, и это плохо. Жить скучно. Хочется иногда испугаться, а не получается. После сумраков не страшно ничего.

Я на всякий случай еще раз проверил карабин и вдруг вспомнил, что стрелять нельзя. Если выстрелю, то наверху услышат. И будут готовы к моему визиту. А то и вообще отчалят. Хитро придумали – прилетели, привязались к антенне, опускаются на землю на своих крылолетах, а их достать, наоборот, никто не может.

Надо, значит, без оружия, карабин придется оставить. И винтовку тоже. Она, конечно, стреляет совсем не так громко, но все равно. А тут может быть хорошее эхо. Как-нибудь справлюсь. Может, тут вообще стрелять нельзя? Ты стрельнешь, а башня пустится в развал. Маловероятно, конечно. Если китайские летуны привязывают свой дирижабль к Вышке, то, значит, она достаточно крепка.

Буду спускаться – заберу. Рюкзак не снял, рюкзак пригодится. Из оружия оставил пистолет, топоры, секиру, ножи. Контейнер с ускорителем, на всякий случай тоже прихватил.

Больше не звякало. Хозяин любит поиграть.

Я положил карабин на койку, сбросил рюкзак, снял пистолет с предохранителя. Вперед. То есть вверх.

Поднялся еще на этаж и шагнул в воду. По колено. Правда, видимо – целый уровень был залит водой. Холодной, ноги мгновенно стали коченеть. Что-то коснулось колена, я посветил вниз. Вокруг меня собрались рыбы с толстыми спинами. Ясно. Вода конденсируется наверху, стекает сюда, заполняет этот бассейн. В бассейне караси. Или еще какая холодноводная рыба. А на стенах устрицы. Неплохо придумано. Чем кормятся эти рыбешки, вот бы узнать. И почему она не замерзает?

Ни одной бутылки, что тут звякнуло-то...

Я немного побродил по этой ванне, рыбы плавали за мной, выставляли из воды дружелюбные рыла. Тут нам делать нечего, тут, наверное, у него запасы хранятся. Или у них. Последних вышкарей.

Промочил ноги, ничего хорошего. Выбрался на лестницу. Наверное, так оно и есть – Вышка – отдельный мир, которому совсем не нужно существование остального. Рыба, вода, кажется, Алиса говорила что-то о лишайниках, их можно перемалывать в хлеб. И никогда вниз не спускаться...

Продолжим.

Очередной этаж оказался больше, чем я предполагал, настоящая площадь. В стороны, как лепестки раскидывались толстые рельсы, на которых ютились будки из гофрированной жести. Вышка не только тянулась вверх, но и распространялась в стороны. Если построить три таких башни рядом и перекинуть между ними мосты, то получился бы настоящий подвесной воздушный город. Хотя город и так получился, ну, если не город, то вертикальное поселение уж точно. Я отметил, что со стороны это расширение не очень просматривалось, в сопоставлении с огромными размерами самой Вышки пристроенные к ней снаружи жилища казались ничтожными наростами, осиными ульями, прилепившимися к величественной сосне. Мы как жалкие насекомые живем паразитами на теле ушедшего времени.

За спиной разбилась бутылка. А вот и он, хозяин высоты.

Осторожно, чтобы не спугнуть, повернулся.

Похоже на паука. И на человека. Что-то между, только мохнатое. Человек, скорее всего, только сложенный пополам, горбач. То есть горбун. Утративший Облик. Вышкарь. На высоте всегда холодно, вот он и оброс мехом. Или ободрал с кого, сгорбился от этого, от высоты еще, чем выше люди, тем горбатее.

– Привет, – сказал я миролюбиво. – Привет. Я тут прохожу. Туда.

Указал пальцем в потолок.

Вышкарь не стал разговаривать со мной, тряхнул плечами, и в руках у него оказались железные трубы. Что ж, понятно. Сумасшедший. Живет тут сам по себе, вот и свихнулся от одиночества. Людоед. Хотя, может, и не людоед, рыбоед, карасями питается.

– Не надо, – попросил я, не хотелось уж очень.

Но вышкарь меня не слушал. У нас никто никого не слушает, это наша общечеловеческая болезнь – глухота. Одни глухие, другие слонисты, третьих уже просто нет.

– Пожалуйста, – попросил я.

Над головой просвистела труба. Короткая, с полметра, но очень тяжелая. И тут же еще одна, запущенная мне прямо в живот. Успел чуть сдвинуться, прошло по касательной, чиркнуло по щитку.

Выхватил пистолет. Нельзя, могут услышать, убрал в кобуру.

Вышкарь выпрямился и тут же пустил еще один снаряд. Сила, однако, у этого карлика была изрядная, трубы тяжелые, а он швырялся ими, как палками. Точно, псих. Все психи такие, сильные и беспощадные. Я едва успевал уклоняться. Он, наверное, эти трубы здесь специально раскидал – чтобы забрасывать ими гостей при случае. Зашибет гостя, в лапшу его покрошит, высушит хорошенько на солнце...

Рыб им откармливает.

Попал. Труба плотно ударила мне в плечо, я потерял равновесие, упал. Горбун с победительским воплем кинулся ко мне, я успел выхватить топор, швырнул. Хотел попасть в ногу, не попал, откатился в сторону, вскочил.

Горбун проскочил мимо, врезался в кучу металла, заревел, развернулся и тут же стал раскручивать над головой железные шары на веревке. Я отпрыгнул в сторону, но карлик уже запустил шары в меня. Они разошлись в воздухе в замысловатую фигуру, я попробовал завалиться на пол, веревка обмоталась вокруг туловища, шары щелкнули почти у меня перед носом. Но растопыриться я успел. Ноги-руки в разные стороны.

Этот снова заверещал, бросился, я рассек веревку ножом, шары упали, и карлик тут же мощно толкнул меня в грудь. Я влетел спиной в картонку, замещающую стекло, она прорвалась, и я вывалился на внешний балкон. Уцепился рукой, повис на арматуре.

Всем организмом почувствовал выдающуюся пустоту под ногами, небо, оно тоже случается под ногами, рука поехала по мокрому штырю, перехватился второй. Горбун появился над, воткнул в меня глазки с широкими черными зрачками, после чего с удовольствием наступил мне на пальцы. Почти наступил, я не стал дожидаться, пока он раздавит кости, отпустился. С целыми пальцами оставался шанс за что-нибудь уцепиться, с

расплюснутыми нет, поэтому и не стал держаться.

Высота проглотила меня. Не успел выдохнуть, меньше чем через секунду врезался в жестяную крышу лачуги, пробил ее и застрял в горе мокрых деревянных коробок. Горбун смотрел на меня сверху, свесившись с балкона. Я помахал ему. Горбун исчез.

А я пошевелился. Чтобы проверить, как руки-ноги. Ничего, работали. И шея. Все в порядке. Пролетел немного, метров десять. Крыша лачуги смягчила удар, так и должно было случиться, я не мог просто так разбиться, у меня куча невыполненных дел.

Сел. Это внесло некоторое разнообразие. Падение. Давненько я не падал. Года четыре уже, последний раз с сосны в лесу, чуть руку не сломал. Сейчас я не сломал ничего. Повезло. Огляделся. Хижина. Стены железные, изнутри бумага. Газетами оклеено. Двухъярусная кровать. На стене молоток. Деревянный.

Секира. Она осталась где-то наверху. Один топор я потерял, другой сорвало при падении. Остался нож. Маловато. Поэтому я снял со стены молоток.

Дверь хижины выходила на узкий мостик, подвешенный на почти стометровой высоте. Я вступил на него, мир тошнотворно качнулся. Мостик болтался на тросах, крепящихся к выступающей из башни антенне. Тут вообще много антенн, Шнырь рассказывал, что раньше башня предназначалась для передачи эфирных сигналов, даже электричество передавалось с помощью этой башни, отсюда и антенны, и по этим антеннам сейчас карабкался горбун. И не карабкался даже, вниз ведь нельзя карабкаться, прыгал. Он прыгал с антенны на антенну, повисал на руках, раскачивался ногами, прыгал еще, цеплялся за тросы, за цепи, а потом он добрался до твердого тела башни. Я думал, что он поедет вниз, но он задержался. Пополз, как ящерица, одновременно перебирая руками и ногами. Наверное, он тут вырос. И знал каждую выбоину в бетоне, каждую трещину, каждый штырь.

Я поспешил, оставаться на вихляющемся мостике не хотелось, голова кружилась все больше и больше, горбун меня опередил. Он упал на мостик и двинул ко мне. Уверенными движениями опытного вышкаря. В руке цепь, на конце которой утыканное шипами ядро. Что привязался-то... Такая штука на цепи, да еще в умелых руках...

А руки умелые – карлик размахивал кистенем, резко и ловко, опытный. Противостоять ему на мостике было бесполезно, я развернулся и стал отступать. Внизу, метрах в четырех подо мной тянулась длинная мачта с обрывками грязного тряпья. Я быстро опустился на колени, перевесился с мостика, повис на руках. Неприятно. Мачта подо мной оказалась довольно узкой, к тому же покачивалась, а под ней добрая сотня. И надо прыгнуть.

Я прыгнул.

Шнырь рассказывал, что раньше люди любили прыгать с высоты, для этого имелись специальные такие штуки – парашюты. Их надевали за спину, как рюкзак, поднимались на самолете повыше, на километр, а то и больше, а потом сгали. И можно было несколько секунд падать, словно висеть в воздухе, полная свобода. Затем парашют раскрывался широким крылом, и все заканчивалось благополучно. У нас на Варшавке даже валялся один парашют, только прыгать с ним было неоткуда, Шнырь говорил, что прыгать нужно не менее чем со ста метров.

Подо мной сотня, и парашюта не нашлось. Я пребольно ударился о мачту, ухватился за прутья, вжался, чуть ли зубами не вцепился. Принялся раскачивать. В этом в общем-то и заключался план. Мачта болталась, и я собирался разболтать ее так, чтобы горбун не смог удержаться. Или чтобы передумал прыгать, вернулся внутрь башни, я бы тоже вернулся, и мы бы встретились на тверди.

А так...

Горбун упал на мачту недалеко от меня. Его повело в сторону, но он несколькими движениями рук быстро восстановил равновесие.

Положение ухудшилось. Мачта меньше метра в ширину. Покачивается. Высота. Много высоты. Отступать некуда. Из оружия молоток. Попробовать метнуть, что ли? Приберегу...

Горбун приближался. Он хотел меня убить, я не сомневался. Он всех убивал. Кто сюда совался. Кто нарушал покой.

Усталость, и боль в ступне, и пропасть под ногами. Мачта становилась все уже и уже, еще несколько шагов, и все. Горбун перекидывал из руки в руку багор, вертел его над головой со свистом, делал опасные выпады. Горбун мохнатый, а умный, багром это правильно – можно подколоть, пропороть брюхо, чиркануть по шее, подцепить за пятку, и противопоставить этому почти ничего.

Вышкарь работал со скоростью молнии. Мне приходилось подпрыгивать, пригибаться, уклоняться вправо и влево, приседать, и все это на сумасшедшей скорости, и конечно же, я пропустил. Горбун ткнул в голень, в щиток. Нога у меня поехала, вышкарь крутанул багром и чуть не разрубил мне нос, я отпрянул, оказавшись в неудобной позе – нога вперед, корпус назад.

Через секунду мне в наплечный щиток врубилось треугольное длинное лезвие, я потерял равновесие и подвис над пустотой и, чтобы не рухнуть совсем, ухватился за багор.

Мы стояли, вцепившись в багор. Горбун толкал багор, двигал его из стороны в сторону, стараясь меня стряхнуть. Я держался. И думал уже прибегнуть к помощи пистолета, к последнему средству, стрельну, авось, китайцы не услышат, вгоню в башку этого мохнатого три тяжелые пули...

Вышкарь опередил, взмахнул левой рукой, стремительно, хлоп, вокруг шеи сошлась петля, и тут же враг отпустил багор.

Я сорвался. Пролетел недолго, петля на шее затянулась, и я повис.

Отпустил багор, и через несколько секунд он брякнул о землю.

Шея у меня что надо, крепкая, Гомер в свое время заставил изрядно ее укрепить особыми упражнениями, так что провисеть я могу долго, минут пять, если очень напрячься, то и восемь. Потом, конечно, мышцы сдадут...

Пять минут провисеть не удалось, горбун стал втягивать к себе. Но совсем не втянул, остановился в метре от мачты, дождался, пока я задохнусь и почти потеряю сознание.

Руки ослабели, и ноги ослабели, в глазах качалась муть.

Горбун волок меня по железу. Карлик. Ножки кривые, ручки кривые, но неприятно мускулистые, страж высоты. С такой низкорослостью лучше в подземельях, а не здесь. Хотя... Скачет по мачтам он очень и очень.

Интересно все-таки, что ему надо?

Горбун поднял меня на руки, хряпнул о пол. Отобрал пистолет, вышвырнул наружу. Занялся своими делами, что-то он там, кажется, точил. Нож, или косу, или копье, не знаю. Надо было собраться, причем срочно, пока карлик не смотрит, думает, что я не в полном сознании.

Расслабил сухожилия, стал дышать, глубоко, через нос, напрягать и распускать мышцы, через три минуты почувствовал себя более-менее. Вышкарь тем временем перестал чиркать по железу и направился ко мне. В руках он держал приспособление вполне угрожающего вида. Не оружие, нет, какое-то умертвительное орудие, основной деталью которого являлся шипастый буравчик. Вокруг этого буравчика организовывались смертоносные лезвия, штыри, крючья и спицы. Ясно, что с помощью этого прибора убивали не просто так, быстро и неотвратно, а медленно, мучительно и болезненно. Скучно ему тут, забавы ищет. Или от природы такой, мучительской направленности, недаром ведь горбун, карлик и мохнач, отличительные уродства на человека ведь неспроста накладываются.

Собирается испытать на мне плод своих садистских раздумий, раздиратель, наверняка он так его называет. Кишкворот. Наваха-расчленитель. Потому и не убил, хочет посмотреть, как этот его раздиратель освободит мои кости от кожи.

Приблизившись почти вплотную, он воздел или вознес свой инструмент и уже почти обрушил его на меня, видимо, уверенный в том, что этот агрегат легко пройдет через броню. Я пнул горбуна под коленную чашечку и тут же перекатился вбок. В то место, где только что лежал я, врубился кишкворот. С искрами.

Карлик-расчленитель не очень растерялся, тут же поднял свое орудие снова, но я уже выхватил нож и вогнал лезвие в ступню горбуна. Удар получился неплохой, пробил кости,

мясо и сухожилия, клинок воткнулся в бетон. Вышкарь заревел, я метнулся в сторону. Он за мной, нож не отпустил, вышкарь упал, выронил свой расчленитель. Я попытался его поднять, однако кишковорот оказался слишком тяжел, я едва смог оторвать инструмент от пола и отбросить чуть подальше от себя. Горбун скрежетнул зубами, выдернул нож из ноги и, совсем не хромя, устремился ко мне.

Все. Теперь только смерть. Не моя, конечно же, этого уродца. Если будет моя, я ведь этого уже не узнаю.

Мы сшиблись. Горбун швырнул меня через себя, я успел ухватиться за короткую и толстую шею, покатались. У него была очень несподручная система боя – локтями. Бил справа, бил слева, я не успевал защищаться, хорошо, что горбун в шлем попадал. Силы в этом карлике много было, наверное, в горбе сосредотачивалась, я слышал, в горбах какая-то добавочная мускулатура обитает. Поэтому я выхватил нож и по рукоятку вогнал его в горб, провернул.

Карлик выпрямился, и я пырнул его еще несколько раз, в плечо, в руку, и каждый раз брызгала кровь, противник был просто наполнен кровью. Вышкарь не стал защищаться от ножа, а поступил неожиданно – коротко ударил меня лбом в подбородок. Башка у него оказалась крепкая, тяжелая, на нижней челюсти у меня треснули два зуба. Вышкарь схватил за ногу, потянул к краю балкона, как куклу, чудовищная все-таки мощь. На краю площадки сграбастал меня за шкирку, поднял над головой, швырнул вниз. За секунду перед этим я отщелкнул с пояса кошку и загнал ее в шею горбуна.

Пролетел три метра, тросик проскользнул под мышкой, натянулся, тряхнуло. Сверху послышался вой. Я подтянулся на тросике, достал до выступающей круглой антенны, зацепился, уперся ногами, дернул.

Почувствовал, как кошка вошла в мясо. Горбун заревел громче. И я тут же добавил, почти повис на тросу, подпрыгивал на широкой тарелке, дергал, дергал, дергал, ощущая, как заточенные титановые крючья вонзаются в горб карлика все глубже и глубже.

Горбун заорал и попытался втащить меня обратно, я уперся ногами.

Минуты через три он замер. Трос больше не рвался вверх. Я осторожно отцепил от пояса карабин, перепрыгнул с антенны на подвесной мостик, пробрался внутрь через дверь. По лестнице, перескакивая через ступени, наверх.

Горбун сидел на краю балкона. Он каким-то усилием умудрился вырвать из загривка кошку, она валялась рядом, погнутая и окровавленная. Крови вообще было много, она растекалась вокруг карлика дымящейся черной лужей, видимо, крюк кошки задел артерию.

Карлик умирал.

– Эй, – позвал я.

Он обернулся. Посмотрел на меня мутнеющими глазками. Поднялся.

Я не знал, что делать. Победа. Очередная и бесповоротная. И пустота. Никакого удовольствия, этот проклятый мир выгрыз из меня не только страх, он выгрыз и радость тоже.

Все выгрыз. Вот сейчас мне очень хотелось пожалеть этого горбатого дурака. Я не испытывал к нему ненависти или какой-нибудь там неприязни, совершенно не испытывал, не виноват он... А ничего. Равнодушие.

Я приблизился. Как к нему обратиться-то?..

– Сам виноват, – сказал я. – Я просто пройти хотел, а ты кинулся.

Карлик смотрел. Исподлобья. Его качнуло в сторону, он шагнул к обрыву, потерял равновесие, закашлялся, оступился.

Все.

Я подошел к краю, выглянул. Горбун лежал далеко внизу, в мусоре, растопырив коротенькие ручки. Все.

Глава 9 Дирижабль

Никогда не был в облаках. Я думал, они мягкие, белые, пушистые, как одуванчики, а все оказалось не так. Вещи обманывают постоянно, оказываются совсем не такими, как представлялись. Я вышел на балкон. Не знаю почему, но тут, кажется, сохранилось все как раньше. Чисто. Стены выкрашены белой краской. Мебель. Кровати, шкафы, столы. Стекла все целы, даже те, которые в полу. Забавно – окна – в полу, зачем кому-то смотреть вниз, в землю? Хотя сейчас земли никакой совсем не видно – только мутная пелена, насыщенная влагой. Тихо. Точно со всех сторон ватой обложен. Хорошо, спать сразу хочется. Я сначала подумал, что тут вожак жил. Атаман вышкарский – самое чистое место ведь. А потом увидел игрушки. На полках. Много. И рисунки еще, прямо по белой стене. Дети рисовали, так только они могут. Человечки сидят на Вышке. Над головой небо. А внизу, вокруг все горит, из огня высовываются морды зубастые. Или то же самое, только вместо огня вода. Другие рисунки, все по большей части добрые и спокойные, то цветочек цветет, то зайчик прыгает, птички разноцветные летают. Книжки. Тоже детские, тоже с зайчиками. Детский сад, я вдруг понял – детский сад это. Тут вышкари мелочь свою содержали, учили ее, как жить. Значит, тут действительно настоящая община была. Конечно, то, что они не спускались вниз – это сказки, спускались, еще как, вокруг полно интересного...

Порядок. Я вдруг понял, что в детском саду все чересчур устроено, все по полочкам, все аккуратно. Кроватки стоят вдоль стенок, к столам приставлены стульчики, отсюда явно не бежали, отсюда ушли.

Куда?

А может, их вывезли? Явились вот эти, китайцы, погрузили в дирижабль и увезли в Китай? Или куда там они людей увозят... А этого горбуна-урода оставили, потому что он им не подходил. Как я. Я что, тоже урод? Кто этих китайцев разберет?.. А вообще этот прыгальщик горбатый мог бы рассказать. Если бы летать умел. Летать он так и не выучился. Стал похож на ящерицу, не стал похож на птицу. Ящерица – земное существо, птица – небесное, высокое, человек же легче стремится к низости, редко у кого крылья прорезаются.

Устал. Я почувствовал усталость просто сверхчеловеческую. Из-за высоты, наверное. Много сил выпивает высота, почти как подземный мир. Наверное, воздух тут разрежен, или мало его. Отдохнуть, срочно... Я выбрал кровать с яблочком, забрался под одеяло. Оно оказалось побито молью, мне пришлось выдернуть еще несколько одеял, я завернулся в них и почти сразу уснул, выключился, сполз во тьму.

Проснулся от боли, но неожиданно отдохнувшим и в хорошем настроении. А болели пальцы. Ног и рук, ног сильнее. Скорее всего, уже синие. Или чернеть уже начали. Не хочу смотреть, подожду еще чуть, завтра отрежу. А может, и отрезать не придется, я выручу от китайцев Алису, Алиса сядет рядом, и мои отмороженные пальцы сами по себе начнут выздоравливать.

На руках пальцы пока просто покраснели. Может, повезло, еще отойдут. Отмороженные пальцы хорошо в крови волкера вымачивать, только он свежеебитым должен быть, чтобы еще дымился. Там у него внутри какая-то антиморозная желчь, она лечит обморожение, только где здесь волкера взять?

Было светло. За окнами продолжал ворочаться туман, но он изменил окраску, цвет свинца поменялся на цвет первого снега, уютный и жизнерадостный.

Я выбрался из кровати, потянулся. День, вторая половина. Надо двигаться в сторону неба. Скоро солнце сядет, в темноте опасно. Надо успеть до заката. Из оружия топор, нашел его недалеко от рюкзака. Не так уж плохо. Там, в вересках мы с ними настоящим оружием не могли справиться, а теперь у меня только топор. Ладно, как-нибудь. Не тащить же туда карабин, в самом деле? А если уроню? Нет, топором обойдусь.

Вверх. Осталось еще несколько ирисок, я жевал их по пути для пополнения сил. Ничего, скоро отведаю чего-нибудь китайского. Китайцы, они ведь меня не ждут. Сидят себе в своем огурце, думают про... про что-то свое, китайское. А тут я.

На балконы почти не заглядывал, так, один раз. Зал был разделен жестяными

перегородками на отдельные каморки, в которых, наверное, проживали особенно ценные вышкарки. В каморках царил удивительный порядок, такой же, как в детском саду. Или они на самом деле покидали Вышку организованно, или горбатый карлик все прибрал уже потом. Никаких полезных вещей, никакого оружия, полная бесчеловечность.

Люди растворились, от погани горбун Вышку оборонил, теперь никакой защиты не осталось, теперь она заселит и высоту. Сам виноват, первый начал. Я ему голову оторвать не пытался. Вообще я решил, что думать в этом направлении больше не следует, думать надо меньше, по лестнице шагать больше.

Постепенно холодало. Я поднимался над землей, наверное, я был уже на высоте птичьего полета, если бы птицы тут, конечно, летали. Лестница покрылась крупчатым инеем, а затем и льдом. Я то и дело оскальзывался, пару раз даже съезжал. Отдыхал дважды, дышал в ладони, растирал щеки. Теперь и щеки отмерзнут, щеки не отрежешь. Просто будут белые. И волосы будут белые, если их отморозить несколько раз, они тоже белеют и умирают. Это старость.

Старость – это когда человек утрачивает свойство сопротивляться миру. Она может наступить в сорок, а может и в пятнадцать. Ты подворачиваешь ногу и уже не так быстро бегаешь, и этого хватает для смерти.

Я постарел. Здорово. Сегодня меня чуть не укатал карлик. Год назад я разделался бы с ним за пару минут. Старость. Надо запастись валенками, надо готовить берлогу, собираться в слона. Собственно, в слоне не так уж и плохо... Хотя нет, не хочу я никакого слона, не хочу я никакого дома. Я бродяга. Жаль, если щеки придется отрезать, на них ведь как раз борода растет.

Вот и сейчас. Поднялся-то всего ничего, какие-то жалкие триста метров, и уже голова отваливается, и плечи оттягиваются вниз, только сердце работает, оно у меня хорошее.

Я чувствовал, как подрагивает Вышка, и даже не просто подрагивает, но и покачивается, описывает в воздухе круги или даже восьмерки, или кажется.

Триста восемьдесят восемь.

Площадка. Я осторожно выглянул наружу.

Облака. Я ожидал, что они окажутся под ногами и я увижу вечернее солнце, я по нему соскучился в последнее время. Но солнце пряталось еще выше, вода, развернутая в тучи, занимала все, небо плотно село на иглу и не собиралось слезать. Я медленно двинулся в обход, пробираясь в облаке почти на ощупь. Шаг за шагом. С топориком в руке. Стараясь не поскользнуться на жирном, гладком льду, даже не на льду, а... Кто знает, что может замерзнуть на таких высотах. Гомер рассказывал, что бывает вот так – слезы испаряются, поднимаются вверх, в самый-самый эфир, где холодно настолько, что даже воздух обращается в лед. И вот там слезы обращаются в твердь. Это совершенно особое вещество, оно не тает очень долго, даже в самую свирепую жару, и с помощью него можно излечиться от множества недугов – от бессонницы до гнойных мозолей.

Не думал, что он такой большой. Дирижабль выдвинулся из тумана неожиданной громадой яркого солнечного цвета, он светился всем корпусом и напоминал мне корабль, который я видел в порту. Только сплюснутый, точно прибитый сковородкой, наверное, в сплюснутой форме гораздо удобнее висеть в воздухе.

Дирижабль крепился к башне канатом. Самым обычным толстым канатом, на одном конце оранжевый летающий огурец, на другом якорь, просто. Площадка была утыкана антеннами разных форм и размеров, я спрятался за устройством, похожим на стриженного ежа, и стал думать.

Это стоило делать поскорей, поскольку холод здесь был знатный. Плюс влажность. Смертельное сочетание. Где-то располагается посадочная площадка – куда-то должны эти крылатые китайцы опускаться. Палуба. Шлюз. Если они так боятся нашего воздуха, то они должны пробираться внутрь через шлюз...

Раздумываться нечего, я чувствовал, что суставы перестают сгибаться от холода, еще чуть, и я остановлюсь совсем. Поэтому я прицепил топор к поясу, проверил крепление

шлема, надел мягкие кожаные перчатки и полез по канату. Стараясь не думать о высоте под. Канат толстый, промерзший и скользкий, если бы дирижабль не опустился чуть ниже... вряд ли влез бы. А так я просто съехал вниз.

Дирижабль оказался теплым. Вероятно, это работала система против обледенения, а может, в Китае просто температура повышенная. На ощупь дирижабль был как кит. Я никогда не шупал китов, не видел китов, только читал. Киты теплые и шершавые, этот дирижабль как раз такой. Я полз по поверхности и грелся. Приятно. Наверное, самое приятное ощущение за последнее время, интересно, это на самом деле кожа?

Достал нож. Покрытие оказалось плотным, но не очень прочным, под ним оказались камеры, заполненные чем-то наподобие пенопласта, крупнозернистого и почему-то горячего. Еще одна странная идея посетила меня. Выковырять себе в этом пенопласте гнездышко, закрыться плотной шкурой, залечь. И в Китай. Никто не заметит. Если они способны строить такие машины, значит, у них с цивилизацией все в порядке. Конечно, я на китайца не похож, но что мне помешает сойти где-нибудь по дороге? В тихом местечке, подальше от всего этого...

Прекрасная мысль. Я наслаждался ею минут пять. Затем пополз дальше. Алиса. Егор. Они, наверное, меня ждут. Точно ждут, кого им еще ждать? Если их там уже не... вылечили до окончательного выздоровления.

Дирижабль все не заканчивался, я неверно оценил его размеры, он был гораздо длинней, чем мне представлялось. Не меньше ста метров. Длиннее даже.

Посадочная палуба нашлась на корме, как я и думал. Поручни полукругом, и небольшая надстройка, похожая на толстый рыбий плавник. Я снял с шеи ключ, который мне выдал Акира. Вход.

Схема, которую нарисовал китаец, всплыла в голове. Камеры в конце. После шлюза коридор. Быстро пробежать его, затем направо и вниз, к пульту управления.

Ключ походил на плоскую стеклянную карточку, украшенную заковыристыми китайскими письменами. Я вставил его в узкую щель. Вокруг зашипело, потек вонючий дезинфицирующий газ, стена скользнула вбок, и я вступил в тесный тамбур. Над головой у меня замигали красные лампы, громко запикало, я почему-то догадался, что надо закрыть глаза и задержать дыхание. Так и сделал. Звук перешел в резкий писк, даже через закрытые веки я почувствовал, как над головой вспыхнул ярчайший свет, меня окатило горячей волной, затем жгучей ледяной, затем вокруг исчез воздух, и комбинезон прилип к телу. Стена передо мной разошлась с резиновым вздохом, и тут же к моему лбу приставили сразу три черных тяжелых ствола. Приятно.

Не люблю предателей. Акира не предатель, хороший товарищ. Хоть и китаец, а все равно своих не сдал. Жаль, что мертвый. Сейчас уже наверняка. Окоचурился, отправился в китайские золотые поля.

– Привет, – сказал я.

Семьсот восемнадцать.

Усыпляющий выстрел, он не очень входил в мои планы. К тому же в упор гораздо больнее, от холода зашатались зубы, меня подхватили под руки и поволокли. Замерзшими глазами я глядел перед собой, но видел только пол, очень, кстати, чистый. Потом меня беспощадно уронили, нацепили на голову черный мешок.

Девятьсот сорок два.

Захотелось спать, спать полезно, особенно если спишь со спокойным сердцем, Гомер говорил, что человек проводит во сне большую часть жизни, десять лет. А некоторые и вообще не просыпаются, на Варшавской был один такой, уснул пять годков назад, а наоборот позабыл. Ничего, хорошо ему, мир идет прахом, народ выедается, а он спит себе. Питается во сне, в туалет во сне ходит, хорошо, и пожрать, и сны видеть. Пол был теплый, по ощущениям точно такой же, как обшивка дирижабля, пол убаюкивал, но спать было нельзя...

Стал думать. О необязательном. Гомер говорил, что это очень по-человечески, думать о

вещах, которые в жизни никогда не сбудутся. Я стал думать о яхтах. Которые на море. С белыми парусами. Меня интересовал вопрос – почему они не переворачиваются? Парус высокий, ветер дует сбоку, сама яхта маленькая, а не переворачивается. Явно какие-то ухищрения. Вот я и обдумывал – как так получается? Склонялся к противовесу. Что там, под водой, такой же парус...

Три тысячи восемьсот.

Руки стали отходить, начал разминать их, сжимая кулаки. Потом надоело, потому что разминалось плохо. Стал думать про дирижабли. Курок рассказывал про них. Что летают дирижабчики над миром, летают, никогда не приземляясь. А что, это запросто. Вполне может быть, так оно и есть. В каждом городе есть вышки, они летают и к каждой вышке швартуются. Собирают полезное. Дирижабчики – это и есть китайцы.

Ноги ожили. Я сел, стянул с головы мешок.

Я находился в узком – руки в стороны – пространстве. И невысоком к тому же, до потолка достанешь не подпрыгивая. Стены белые. Одна прозрачная, не стена, стекло, кажется. Клетка, для временного содержания.

За ним прямо напротив меня сидел Егор. Он привалился к стеклу щекой и спал, по стеклу стекала слюна.

Справа располагалась Алиса. Она полувисела в гибкой прозрачной паутине, ноги болтались по полу. Алиса тоже спала. К ее шее тянулись прозрачные трубки. К рукам, к ногам, эти трубки пристраивались даже к ее спине, и по ним без перерыва текла кровь. Красная, красней, чем есть. Сначала я решил, что кровь у Алисы забирают, но через пару минут наблюдения понял, что это не так. Если бы кровь откачивали с такой скоростью, она давным-давно уже кончилась бы. Значит, другое что-то делают, кто их, китайцев, разберет. Над Алисиной головой медленно поворачивалась штука, похожая на квадратное решето.

Крысы рядом с Алисой не проглядывались, кажется, китайцы ценят крыс в пищевом плане, а Алискина крыса была откормленной, круглой, сожрали уже, наверное, китайцы походили на крысолюбов.

Слева в клетке располагался сумрак. Не совсем еще обратившийся, одна рука оставалась человеческой, я даже заметил татуировку сатанинской разновидности – череп со скрещенными под ним топорами, обмотанными колючей проволокой.

А еще в клетках сидели животные. Разные. Черное, похожее на собаку. Только более рослое, с тяжелой лобастой головой, с желтыми умными глазами, с оборванными почти до головы ушами. Наверное, ему отъели их, потерял уши в бою. Большая собака, длинные лапы, тяжелый пушистый хвост. Собака смотрела на меня внимательно и как-то понимающе, почти дружелюбно, как человек.

Я вдруг понял, что это волк. Не волкер, поганая тварь, заполнившая наши леса, а обычный волк. Я никогда его не видел, совсем никогда, думал, что уже совсем все, нету, а они, оказывается, живы.

Волк разглядывал меня неморгающим взглядом, так что мне даже показалось, что он все-таки ненастоящий, чучело, но волк шевельнулся, сел и как-то по-лисьи обогнул себя хвостом, лис я видел, их осталось еще.

В соседней от волка клетке лежала рысь, с ними я познакомился еще в детстве, сожрать пытались. Раньше рыси другие водились, не кидались, сейчас они как все, испортились, озверели очень, стали сбиваться в стаи и нападать даже на людей, мне на загривок упала огромная рысь, гораздо крупнее меня самого, придавила и душить стала зубами. Шея у меня тогда тонюсенькая была, не разрослась еще, не окрепла до нужности, наверное, это и спасло – зубы кожу даже не пробили, а обняли. И лапами еще давай пинаться, чтоб пузо мне, значит, растерзать. А на пузе у меня бронежилетка была, если бы не она, все. Уже тогда мне везло. Пока она меня пинала и грызла, я нож доставал. А когда уж достал...

Я из той рыси сделал рукавицы. Очень теплые, на ночь надеваешь – и хорошо, утром руки горячие. А потом эти рукавицы лемминги сожрали.

Рысь спала. Притворялась то есть, глаза вроде как закрыты, а уши с кисточками

вздрагивают. Крупная.

Там еще кабан имелся, совсем справа. Очень нервный, не сидел, ходил кругами, туда-сюда, прижимался к стеклу черным рылом, возмущался своей участью.

Зоопарк. Как в подвале на Варшавской. Только не с решетками, а с толстым непробиваемым стеклом. И сумраков у нас там не водилось. И других животных не было, только погань.

Сумрак стоял возле стены. Просто стоял, как всегда они стояли. Поглаживал руку свою, человеческую нечеловеческими пальцами, разглядывал ее с видимым удивлением, как чужеродную часть тела. Продолжалось это долго, потом он оставил руку, поглядел в сторону волка. Задумчиво. Шерсть на загривке волка поднялась, оскалились зубы, зверь увеличился в размерах, затем завыл. Видимо, он выл очень громко, потому что я услышал. Вой проник сквозь стеклянные преграды, и у меня шевельнулись волосы. Что-то такое древнее, дремучее, наверное, давнишние люди, у которых вместо оружия имелись только тяжелые дубины и надежда на свои руки-ноги и огонь, выручавший людей всегда-всегда, наверное, эти люди чувствовали то же самое, когда в ночи, за кругом света начинали петь волки.

Но почти сразу я почувствовал к этому волку и симпатию тоже. Потому что этот волк был животным. Живым, настоящим, он появился на свет в лесу, в норе, от нормальных волков, рос, бегал между деревьями, охотился на зайцев или на мышей, на разную мелкую живность, дышал, выл на луну, жил. Волк был волком, обычным волком, ни убавить, ни прибавить, обычный человеческий волк, прекрасно.

Он завыл, и другие животные забеспокоились, и Алиса очнулась. Она сделала шаг вперед, повисла, перевернулась на спину и поднялась на ноги. Прозрачные трубки натянулись, Алиса дернула их и порвала, забрызгав все вокруг красным. Некоторое время она размазывала красный сок ладонями по стенам, затем поглядела на меня. Приблизилась к стеклу. Приложила лбом. Стояла, смотрела, с пальцев капала мятая малина. Вернулась в дальний угол, затем резко бросилась на стекло.

Она врезалась в прозрачную преграду, удар распространился по корпусу дирижабля, его почувствовал даже я. Егор вздрогнул и сполз по стеклу, проснулся. Увидел меня, стал размахивать руками.

Я приложил палец к губам, Егор кивнул и сел.

Алиса еще раз ударила в стекло.

И еще.

В этом есть смысл. Стекло, конечно, непробиваемое, возможно, даже пуленепробиваемое. Но это одной пулей. Если в стекло стрелять достаточно долго, то оно не выдержит. Лопнет, разлетится в мелкие осколки. Так что у Алисы имелся шанс. Если кто и может проломить эту стеклянную стену, то только она.

Алиса продолжала. Раз, два, три. Вдруг она остановилась, поглядела в потолок, понюхала воздух, нос дернулся.

Газ. Опять газ запустили. Усыпляющий газ, полезная вещь. Такого бы газа, да несколько канистр...

Алиса упала.

Понятно. Лучше не дергаться. Пока. Наблюдают. Егор вопросительно поглядел на меня. Я кивнул. Лег на спину.

Сразу меня не выкинули, заинтересовались. Или отложили просто. До завтрашнего дня, я слышал, раньше любили вопросы жизни-смерти решать по утрам. Или исследовать решили. Любопытство, оно ведь и у китайцев любопытство.

Четыре девяносто.

Вообще-то я рассчитывал на решетку. У меня был прекрасный план для решетки, а совсем не для стеклянной стены. Но ничего, справимся и так, главное – выбраться.

Рюкзак не отобрали. Правда, гранаты вытряхнули и контейнеры с ускорителем, только безопасное добро.

Я продолжил думать про яхты. Про море, солнце, песок, что там еще есть в этом море.

От солнца всегда хочется спать, особенно если перед этим хорошенько поест. Жареной картошки к примеру.

Много жареной картошки и на солнышко...

Дыхание. Солнце. Покой.

Море. В Китае наверняка есть море.

Пять двести. Пора.

Поднялся. Три шага. Наклонил голову. Рассчитать удар – это искусство. А главное, тренироваться много нельзя, мозг выпрыгнет раньше времени, мозг мне еще пригодится... Но здесь приходилось рисковать. Хотя запас был, время для подстраховки.

Прыгнул, выставив голову вперед, башкой в стекло бряк.

Не очень и стекло, похоже на пластик. Удар. Голова поплыла, перед глазами запрыгали звездочки, я завалился на бок, задергал конечностями. Выпустил изо рта пену и слюну, все как полагается. Закусил губу, язык и щеку изнутри, выпустил кровь. Изобразил мертвого. Никогда специально этому не обучался, само получилось. Зачем им дохлец? Им живец нужен. Или не живец...

Во всяком случае, труп они должны выкинуть.

Скоро показался китаец. На этот раз он был не в камуфлированном комбинезоне, а в оранжевом прорезиненном костюме и в прямоугольном шлеме с зеркальным покрытием, он остановился напротив камеры, принялся меня разглядывать, я чувствовал его китайский взгляд.

Наверное, я выглядел достаточно дохлым. Потому что китаец решил меня осмотреть подробнее. Но для начала он выпустил этот газ. На всякий случай. Усыпляющее средство.

Гомер учил задерживать дыхание. Это легко. Легко, главное думать о яхтах. О море. О жареной картошке.

Я лежал, выкатив глаза, не дышал. Легкие у меня хорошие. Почти такие же, как сердце. Объемные, как у всех праведников. И прибирать дыхание я могу с пяти лет. Когда над головой зашипело, я задержал выдох.

Китаец оказался предусмотрительным, как тот горбун, все-таки все похожи, и люди и китайцы. Почти пять минут. Китаец сдвинул стену и выволок меня в коридор.

Продолжал изображать мертвеца. Он ткнул меня несколько раз в шею. Затем схватил за шиворот и потащил по полу.

Я начал дышать. Медленно. Через нос. Стараясь не шевелить грудью.

Пять пятьсот. Китаец направлялся в лабораторию. Она располагалась в конце коридора, как я и ожидал.

Много белого, наверное, лаборатории и должны так выглядеть. У Доктора было все по-другому, грязновато. А тут полированная сталь. Инструменты. Несколько столов, операционных. А вдоль стен приборы. Банки с кровью в прозрачных шкафах. Микроскопы. Пилы. Топоры. Необычные китайские формы, мне кажется, такие держать не очень удобно. Вообще есть чем разжиться, технология высокая. Лекарств наверняка много...

Китаец зашвырнул меня в угол и стал что-то сосредоточенно подвинчивать в микроскопе, тут оно и случилось. Пятьсот восемьдесят четыре.

Глава 10

Падение

Я вспорол обшивку дирижабля, расковырял слой пеноутеплителя и поместил под него будильник. Не тот, который показывал, как неловко устроен мир. И не тот, что смеялся дурным голосом, и не тот, в котором жила кукушка-динозавр.

С бомбой.

Выставил на пять часов, завел пружину. Будильник пустился тикать. Я засунул его поглубже, к теплему металлическому боку воздушного кита. Стал считать, я хорошо считаю, могу даже во сне считать, мозг не шевелится, а часы в голове тикают. Гомер научил, считать

– это очень удобно, особенно если жнец за тобой увязался.

Немного ошибся. Рассчитывал ровно на пять, получилось дольше, неровный будильник. А еще рассчитывал на китайское любопытство, китайцы тоже ведь люди, интересуются тем, как я сюда попал, как нашел их и зачем, не сразу выкинут. Так оно и получилось, не выкинули. Правда, сунули за стекло, а не за решетку, решетка – это замки, а с замками я неплохо разбираюсь, даже без открывашки. Ну, или Алиса помогла бы. Стекло создало трудности, пришлось биться головой, из-за стекла надо выбраться, и лучше до пяти тысяч.

Пять восемьдесят четыре.

Взрыв оказался несколько сильнее, чем я ожидал. Граната, немного взрывчатки в довесок, должно было разворошить обшивку, немного встряхнуть, отвлечь внимание, чтобы китайцы попадали с ног, засуетились...

Возможно, под обшивкой располагались баки с горючим, или энергетические накопители, или арсенал. Рвануло хорошо. Пол провалился, дирижабль крутануло, все, что стояло, упало, все, что висело на стенах, посыпалось, свет погас, брызнули искры.

И тут же рвануло еще. Гораздо сильнее. Меня подбросило, ударило о потолок, после чего я обрушился в стеклянное и железное. Порезался, правое предплечье распорол. Заверещал китаец. Зажегся свет. Только не белый, а красный, тревожный.

Я нащупал топор. Медицинский, с одной стороны острое лезвие, с другой – зубчатая пила, топор неловко, мимо пальцев лег в руку, ладно, пригодится. Китаец ворочался на полу, кажется, его приложило микроскопом. Я подошел к нему, сначала хотел топором, но подумал, что не нужно лишней жестокости, и так ее много. Поэтому приложил китайцу тем самым микроскопом. Китаец замер. К свету прибавился звук, кричающий и ритмичный.

Дирижабль повело вниз. Я думал стащить с китайца этот его оранжевый костюм и квадратную маску, но не пришлось. Палуба накренилась, мы с китайцем полетели в стену, дирижабль задрожал, как живой, и начал уже совсем падать.

Из-под потолка выскочили и мгновенно надулись белые резиновые пузыри, они заполнили все внутреннее пространство в лаборатории, я увяз в них, оказался спеленат. Видимо, это была система безопасности, сработавшая сразу по всему кораблю, если бы не эти пузыри, то меня в этой лаборатории бы перемололо изрядно. Дирижабль переворачивался вокруг собственной оси, кувыркался через нос, а потом последовал удар.

И снова выручили пузыри. Перед самым ударом они надулись еще раз, я влип в тягучую резиновую массу, едва не задохнулся. Грохнуло. Я почувствовал, как у дирижабля сломался хребет. В лабораторию ворвался буйный холодный воздух, как-никак зима на носу.

Пузыри медленно сдувались. Я нащупал пол, встал. Поднял топор. Поглядел на микроскоп, взял и его. Микроскоп мне понравился больше, чем топор. Никогда не думал, что научное оборудование может так хорошо подходить для убийства. Впрочем, может, это был и не микроскоп, а прибор большего утончения, душескоп или еще что, кто их, китайцев, разберет.

Аварийный свет погас, включился обычный.

Китаец лежал ногами на стену, голова набок, совсем мертвый – с такой свернутой шеей трудно сохранять в себе жизнь. Я приблизился к нему и снял маску. Акира, так я подумал сначала. Потому что был очень похож, одно лицо. Шнырь говорил, что китайцы все на одно лицо, то есть почти морду.

Я проверил костюм. Прорван в нескольких местах. На поясе энергетический блок, никакого оружия, даже усыпляющего. Плохо, придется обходиться топором.

Я быстро стащил с китайца оранжевый комбинезон, забрался в него. Как раз, почти в размер, даже теплый еще. И маска. Тяжелая, пристегивается к клапану на вороте. Пристегнул. Специального рюкзака у китайцев не нашлось, только неудобные сумки, которые надо было вешать на шею. Пришлось свой пристраивать, неудобно получилось, ладно. И сумку еще спереди пристроил.

Вот и все. Двинулся по коридору. Клетки оставались закрыты, Алиса, Егор и сумрак

вяло барахтались в назойливых пузырях. Пусть пока помучаются, после за ними вернусь, надо с остальными разобраться...

Коридор. Коридор. Оружейка.

Тесное помещение, с железными стенами. Экипировка, оружие, неплохой выбор. Конечно, не как у Петра, но для оружейки в дирижабле пойдет. Шкафчики для одежды с закругленными краями, железные ящики для гранат и боеприпасов, тоже закругленные и необычные, с прозрачными крышками. А гранаты вполне наши, стандарт, даже старые, судя по потертой краске. Холодное оружие в замках на стенах, в основном сабли с кривым лезвием и шипами у гард. Китайцы любят сабли, это самое присущее им вооружение, Шнырь мне рассказывал. А еще короткие сабли с дырчатыми клинками, с ажурными приспособлениями, с непонятными кругляками. Топоры. Топоры самые разные. Чеканы, маленькие алебарды, топоры с двумя лезвиями, все по виду очень старинные. И неизвестные топоры тоже имелись.

Огнеметы, я их сразу узнал – по баллонам для сгущенной смеси, несколько причудливой неровной формы баллоны, китайские особенности.

Что-то похожее на подводные автоматы, с широкими и плоскими магазинами, такие стреляют длинными иглами, а иглы эти в воздухе вертятся, летят недалеко, но при попадании голову сшибают, позвоночник ломают. Я такие автоматы только на картинках видел, а теперь вот тут. Хорошо живут в Китае.

Три китайца в серых костюмах и в повязках поперек лица. Собирались. Надевали броню то есть. Воздух ворвался внутрь дирижабля, все китайцы его вдохнули, вряд ли они здесь в масках ходили. Значит, заражены. Значит, все сдохнут, как Акира. Не повезло. Но они, кажется, не расстроились. Во всяком случае, броню они надевали вполне решительно.

Еще оружие. Замораживатели, подключенные к отроосткам в стене, справа. И другие пушки, тяжелые, с дискообразными магазинами слева. Пулеметы. Сейчас китайцы наденут броню, выйдут на улицу, круговую оборону занимать. Чтобы вражеские силы не проникли.

Один китаец, старший, видимо, повернулся ко мне и что-то сказал на своем малопонятном языке. Я кивнул. Он указал на броню. Я кивнул еще раз.

Поглядел направо, поглядел налево, а потом вспомнил, что я вроде как праведник. От слова «право». Поэтому взял замораживатель. Тяжелый, почти как карабин. Быстро отыскал, где предохранитель, где спуск, не крючок даже, впуклая кнопка, круглая.

Я направил оружие на того, кто был уже почти обряжен в ту самую сверхброню, оставалось замкнуть застежки. Белый луч ударил ему в спину. Точно в позвоночник, китаец грохнул на пол со всей броней. Остальные уставились на меня, я не видел выражений их лиц, я думаю, они удивились.

Навел замораживатель на соседа. Нажал. Ничего. Сбоку вдоль ствола побежал зеленый огонек. Я еще раз надавил на кнопку, замораживатель не выстрелил. Долго перезаряжается, наверное, накапливает энергию.

Китаец заорал что-то грозное, кинулся к пулеметам. Я швырнул в него замораживатель. Попал в голову. Китаец врезался в пулеметы, упал, оружие осыпалось на него.

Третий успел подхватить пулемет, я прыгнул на него, схватил за ствол, отвернул в сторону. Китаец выпустил длинную очередь. Пулемет оказался скорострельным, вырубил в борту длинную борозду и зацепил баллон с огнесмесью. Тот лопнул, смесь выплеснулась на китайца. Нацепить броню он не успел, комбинезон проплавился, китаец заорал. Забился на полу, кожа поползла.

Из коридора слышался топот, я схватил подводный автомат. Они стали стрелять. Кажется, из пистолетов, щелкало так, пистолетно. Пришлось и мне. Оружия у меня было много, и я теперь не экономил. Не целился, лупил от души, гильзы звенели.

Стрельба затихла. Все. Я стянул со стены броню. Давно хотел заполучить эту штуку, с Акиры снимать было неудобно. А здесь пять комплектов на выбор. Бронекостюм, шлем. Конечно, тяжеловато, особо не побегаешь, и внутри неудобные складки. Но я и так теперь особо не бегаю, не очень бегучий, так что теперь мне эта броня в самый раз.

Шлем еще. Чуть великоват, но пойдет. Намотаю на башку тряпку, пойдет.

Я подхватил китайский пулемет и выглянул из оружейки. В коридоре валялись китайцы. Мертвые, само собой. Дымилось что-то, может, они и дымились, мерзким удушливым угаром, такой бывает от паленой шкуры. Сами виноваты, дураки китайские, зачем они все лезут... Мне ведь от них и не надо ничего, совсем ничего, только чтобы поперек не вставали. А они все поперек и поперек...

Пулемет, два запасных магазина, огнемет на бок и вперед. Надо вернуться за Алисой и Егором, но это потом, сейчас хочу побродить, никогда ведь в дирижаблях не летал, интересно.

Внутри он казался больше, чем снаружи. Много коридоров, помещений разных. Я шагал наугад, просто так, мне хотелось поглядеть. На машины, которые это двигают, на то, как тут люди живут, на... На все. Потому что это была часть настоящей жизни. Пусть не нашей, но все равно настоящей, и даже человеческой.

Только вот китайцы...

Они попадались. Некоторые стреляли, и тогда я стрелял в ответ или жег из огнемета. А некоторые не стреляли, и я тогда тоже не стрелял.

Каюты. С узкими овальными дверями, я заглядывал в каждую, внутри было все одинаково. Скамейка, столик, непонятные предметы, стены разрисованы странно.

Мастерские. Склады, заполненные продуктами в одинаковых квадратных пакетах. Жратва, сразу видно, хотя и выглядит совсем не по-нашему, в металлизированной упаковке. Но я еду в чем угодно опознаю. Для проверки я вскрыл упаковку, дернул за веревочку. Внутри оказались длинные гофрированные черви розоватого цвета и разочаровывающего запаха. Пробовать не хотелось, я накидал в рюкзак без счету, в нашем положении нельзя пренебрегать даже съедобными червями, борьба за жизнь, ничего не поделаешь.

Отправился дальше.

Снова склад. Но не пищевой, а... Не знаю. В прозрачных пластиковых пакетах там висели сумраки. Но не целые, а части. Лапы, ноги, головы, все поврозь. В синей жидкости, заполненной пузырьками. Конечности. Я вспомнил. Тех, под стеной, недалеко от слона, лежали по частям. На складе еще какие-то части были, не от сумраков, лапы в основном, почему-то китайцы любили именно лапы, медвежьи, других существ, неузнаваемых. От огнемета пузыри лопнули, и все лапы вывалились на пол, а синяя жидкость оказалась маслянистой и в общем-то не синей.

Дальше.

Технические посты, пульта, мигавшие лампочками, экраны.

Я вдруг почувствовал, что потеплело. Не я разогрелся, а воздух потеплел. И дымом крепче запахло. Пожар. Хотел поглядеть на машины... Обойдусь.

Опять зарывкала сирена, а потом почти сразу заговорили по-китайски. Женщина. Она повторяла одну и ту же фразу, холодно, равнодушно и страшно.

Дымом потянуло сильнее, я чихнул. Жаль, что китайцы по-нашему не говорят. Захватил бы одного, побеседовал бы. А то так и не узнаю, зачем и откуда. Где-то должен размещаться центр управления, туда.

Короткий коридорчик, очень узкий, еле поместился, пришлось выдыхать до ногтей. Кажется, то, что нужно. Понятно, почему коридор такой узкий, – чтобы нельзя было пройти в броне и с оружием, продумано как все.

В конце коридора обнаружилась винтовая лестница, еще более узкая, чем коридор, тут я уже не протискивался, а продирался, цепляясь за перила и стучась шлемом. Лестница заканчивалась небольшим тамбуром, наверное, тоже шлюзовой камерой, впрочем, двери оказались открыты, я вышел на верхнюю палубу.

Места тут было совсем мало. Зато ручек, вентиля и кранов оказалось настоящее изобилие, рядом с каждым рычагом размещалась железная бирка с китайскими загогулинами. Кресла, железные и решетчатые, инструменты в прозрачных ящиках, все, что полагается для ремонта, а впереди, на возвышении, как бы на мостике, перед прозрачной

выпуклой стеной командирское кресло. Пустое.

В самом центре кабины располагался компьютер. Я знал, как они выглядят, на Варшавской их было много, только нерабочих. Петр рассказывал, что проблема не только в том, что электрическая начинка компьютеров прогорела, но и в том, что самые важные части распались в мелкий скучный песок.

А этот работал. Он отличался от наших китайскими отличиями, мониторы круглые, разноразмерные и торчали со всех сторон, как бы вокруг головы. По экранам бежали цифры, и знаки китайской письменности, и еще много непонятного, кружки, и стрелы, и быстро перемещающиеся квадратики, не знаю, как китайцы в этом разбирались. А потом возникла карта.

Москва, окрестности и выше, я как будто поднялся над миром, над лесами и реками, только сам мир при этом остался четким и резким, казалось, что можно различить каждое отдельное дерево и каждый камень.

Над компьютером висело устройство, похожее на большую стеклянную бутылку. Собственно, это и была почти бутылка, только без горлышка, банка с округлым дном, которую удерживали широкие резиновые лапы. В емкости болталась густая желтоватая жидкость, возможно, этот прибор представлял собой гироскоп. Или жироскоп, от него к компьютеру тянулись стеклянные трубки.

Компьютер пискнул, затем механический женский голос сообщил непонятное, но явно с тревожными интонациями. После чего все это экранное мельтешение прекратилось, и показалась схема, напоминавшая схему Верхнего метро, только линий больше. На схеме быстро мигала жирная черная точка, я сощурился, стараясь ее разглядеть...

Китаец. Он завершал, выскочил откуда-то сбоку, я не заметил. Этот китаец был не в защитном костюме, а в синем комбинезоне с треугольными нашивками, никакого оружия, только сабля. Он посмотрел на меня, и я понял, что сейчас китаец кинется и попытается зарубить насмерть.

Но китаец поступил по-другому. Он заорал что-то резкое, бешеное и, предельно искривив лицо, рубанул по колбе. И еще, и еще, и еще. Она треснула, как задохнувшаяся лампочка, и тут же лопнула, и сверху обрушилась жидкость.

Китаец завершал страшно и безнадежно и оплыл от этой жидкости, выступил череп, и брызнула кровь и тут же сгорела, потому что жидкость оказалась кислотой. И компьютер тут же вспыхнул, потек, пластик, из которого он был сделан, размок и превратился в кашу. Я едва успел отпрыгнуть. Через несколько секунд на месте компьютера и китайца булькала клокочущая смесь мяса и пластмассы, а еще через несколько секунд пол был проеден и все это ухнуло вниз.

Никогда не видел такой крепкой кислоты.

И китаец, самоотверженное лицо, пожертвовал собой, чтобы не выдать мне расположение своей базы. Из дыры в полу тут же потек едучий желтый дым, кислота сожгла там что-то, вслед за дымом выплюнулся огонь. Я отступил.

Назад, в зверинец, пришлось бежать, дым валил за мной, едкий и тяжелый. Китайцев не попадалось, они куда-то все растворились. Отступили, кажется, эвакуировались. Возможно, аппарат был поврежден сильно, возможно, существовала угроза взрыва. Или они сами. Поняли, что вернуться не смогут, и решили уничтожить следы. Чтобы никто не мог найти этот их самый Китай.

Закрыв глаза. Секунд пять, определил направление.

Почти бегом. Через коридоры, через лесенки, опять коридор, знакомый. Я думал, что ошибся. Взгляд замылился усталостью, даже проморгался специально, поильней. Сумрак.

Он стоял, привалившись к стене, с усталостью сытого богомола, и рядом с ним лежал на полу дохлый китаец, а лапы сумрака были уже перепачканы в крови, кровь у китайских людей совсем как у остальных. Сумрак обедал, ну, или вот-вот собирался пообедать, разглядывал свои руки. Лапы.

Я не стал дожидаться, когда он проснется до полной скорости.

Он тоже не стал дожидаться, шагнул, исчез. Узкий коридор, нет места для маневра, да и пулемет слишком уж шибкий. Сумрак напоролся на очередь, возник в двух метрах от меня и тут же обвалился на пол рваными обломками. И без всякого ускорителя.

Я перешагнул через останки сумрака и подошел к китайцу, наклонился. На поясе у него обнаружился небольшой кармашек, в нем стеклянный ключ, я взял его и повесил на шею, вдруг пригодится?

Остальных не было видно, при крушении дирижабля аварийная система открыла все двери и люки, а может, это обычный электрический удар, не знаю, так или иначе, содержимое зверинца теперь бродило по кораблю. Сумрак и другие остальные монстры.

Алиса...

Надеюсь, Егора они еще не сожрали.

Клетки открыты, только запах сохранился. К запаху гари примешивается настоящая вонь, какую может издавать лишь погань.

В клетке справа под потолком болталась какая-то штукovina, что-то похожее на... Не знаю, на что похожее. На густые сопли. В центре очень густые, по краям не очень, свисающие желтоватыми сосульками. Видимо, эта штука не собиралась отправляться на охоту, просто висела и поджидала, пока мимо нее кто-нибудь пойдет. Возможно, это был слизень. Или поползень. Или коростель, он плюет, и вместо кожи нарастает короста, через которую не отводится тепло, и ты начинаешь вариться в собственном соку, наверняка есть и такая дрянь, их у нас много водится. Или еще что-то тошнотворное, зло ведь катастрофически многолико. Я направил на сопли огнемёт и спалил их в два плевка.

В остальных клетках не обнаружил ничего. Ни Алисы, ни Егора. За Алису я не очень волновался, она вполне могла за себя постоять, Егору лучше бы, конечно, сидеть на месте, дожидаться, пока я его спасу.

Я прошагал вдоль всего зверохозьяства, и ничего, пусто. Только в клетке Алисы на стекле была кровь.

Тупик. Зверинец располагался в корме, я повернул назад. Хотел вверх, на главную палубу, но проход оказался завален железными ящиками, и я полез вниз, скатился по лестнице. Тут снова были каюты, но немного и более богатые. С кожаными койками и с большими оранжевыми цветами, это меня удивило, никогда не видел цветы в вазах. Затем машинный зал. В нем развивался пожар, горела пролитая на пол красная жидкость, стены горели, не спеша, со вкусом.

Моторы, большие и круглые, они должны были вращаться, но совсем не вращались, сыпали электричеством и потели маслом, из них вырывался пар и дым, я даже пожалел, что такая машина, как дирижабль, нарушилась, вот бы попробовать ее захватить. И подальше улететь. На одном из моторов лежал труп, в голом почти виде, сильно обгоревший, китаец.

В следующем зале меня встретили другие китайцы, китайца три. Они возились с заплечными летательными аппаратами, прилаживали друг на друга рюкзаки, собирались в Китай или куда-нибудь еще, в посторонний мир. Увидели меня и тут же стали стрелять. Из замораживателей. Как-то опознали, хотя я и пребывал вроде бы в китайском обличье. Сотрясение у них тут все-таки хорошее произошло, никак они в меня попасть не могли, или лучи расфокусировались, не знаю уж.

А я по ним огнеметом, хороший огнемёт у китайцев, даже у Петра такого не было. Бил далеко и с разливом. Пыхнул, укрылся за углом, пыхнул еще. Раза четыре всего.

Один китаец лопнул сразу, летательный аппарат оказался взрывоопасным, только ошметки брызнули, и огонь еще дополнительный получился.

Второй просто загорелся и стал биться о стены, а третий взлетел. Крылья зажужжали, подкинули китайца под потолок, и он стал там перемещаться с криками, и по пластику за ним тянулась черная оплавленная борозда, а сам он походил на муху, большую и с чего-то возгоревшуюся. Я пристрелил его, и он упал, обрушился, но не расшибся, а продолжил дальше ездить по полу, точно еще живой.

Я аккуратно его обошел, и сунулся в дальнюю дверь, и снова попал на склад,

запасливый китайцы народ. Банки, коробки, бутылки, запасные части для дирижабля, и надписи на китайском.

В самом конце склада, между двумя пластмассовыми бочками сидел Егор. Он был бледен, совсем меня не узнал. Я хлопнул его по щеке, часто я его что-то бью, и все как-то не по делу...

Егор улыбнулся.

– В спину кололи, – сообщил он. – Спина болит, ходить не могу... А еще руку хотели отрезать. Сволочи в масках, даже в глаза не плюнуть... Они где?

– Там... – неопределенно ответил я. – Где-то. Я их убил. Большую часть. Сами виноваты.

– Это точно...

Глава 11 Выставочный центр

Дирижабль лежал на земле, как большаядохлая рыба. Полукруглые ребра прорвали обшивку и торчали наружу, подкожный пенопласт рассыпался бесполезным пухом. Обшивка была прорвана еще в нескольких местах, из-под нее высывались трубопроводы и кабели, хвостовой киль, перебитый пополам фонарным столбом, дымился. В боку машины чернела прореха, через которую и выбрались мы с Егором, в спине тоже виднелась дыра, там, где я поместил смертельный будильник. Китайцы выходили через верхний шлюз, двое сорвались и разбились, упав с высоты дирижабля, валялись на земле распростертые. Остальных я не видел, сбежали. Все равно далеко не уйдут, надышались нашего воздуха, невидимая отрава проникла в кровь, два дня – и как Акира.

А может, и приживутся. На той же Вышке. Все случается. Надо бы вернуться туда, кстати. Забрать карабин. Но не сейчас. После. Нас отнесло от Вышки довольно далеко, дирижабль в падении пролетел километра два, не меньше. Приземлился на широкую пустую площадь, окруженную не похожими на дома зданиями. Место это было мне почему-то знакомо. Я здесь никогда не был, но... и вроде как был. На картинке видел, наверное. Или из прошлой жизни воспоминания.

Далеко напротив возвышался высокий кривой дом, большой этажности и какой-то мрачный при этом, мрачнее, чем обычные, черный почти. Сначала я подумал, что дом трясом скривило, но потом понял, что это изначально задумано, возможно, этот дом отражал световые лучи или еще что, на это указывали сохранившиеся кое-где серебристые стекла.

Совсем перед нами стоял обшарпанный дом с острым шпилем и поломанными колоннами, дом как-то проседал сам в себя, точно снизу его здорово подкопали. Стены обгоревшие, как уж могли каменные стены обгореть, не знаю. Хотя у нас все горит, главное, хорошенько поджечь.

За спиной располагался пруд с высокими бортиками и со странными фигурами, поросшими седым лишайником. Слева виднелось расплющенное здание, совершенно утраченных форм, справа тоже, вообще поломанные дома располагались вокруг этого пруда, наверное, когда-то здесь проживали заслуженные люди. Великие воины или те, кто в пинг-понг хорошо играл.

– Смотри, – прошептал Егор.

Он подобрал палку, сунул ее в пруд и вытащил голову. То есть череп.

– Там их много...

Я заглянул в этот круглый пруд и обнаружил, что он действительно заполнен черепами. Много, почти до бортиков, кто их сюда забрасывал?..

– Я знаю про такие места, – прошептал Егор. – Папка рассказывал. Вроде как река небольшая, а вместо воды головы сплошные...

– Случается, – пожал я плечами. – Сколько хочешь. Про поезда мертвецов слышал?

– Нет...

– А я не слыхал, я видал. Поезд, а в нем одни мертвецы. Или корабль. Вроде корабль как корабль, ржавый только. А внутри одни скелеты.

– Почему так?

– Некуда народ девать было, – объяснил я. – Со всех сторон сюда люди бежали. А тут китайское бешенство, болезни разные. На кладбищах в три слоя уже нахоронили, сжигать нельзя – дрова кончились, да и воздух от этого здорово ухудшался. Топить в реках тоже никак – вода испортится. Вот и придумали разные емкости ими наполнять. Поезда, корабли, подземные хранилища разные. Есть районы, где мертвецами целые дома заполнены, сам видел. А тут всего-то бассейн.

– Тут головы...

Я отобрал у него палку, бросил обратно вместе с черепом.

– Плохое место... – прошептал Егор. – Плохое...

– У нас везде плохое. И вообще, поговорка старинная есть – не место красит человека, а человек место. Ты, ну или я, мы, короче. Мы можем украсить собой самую поганую местность, везде, где есть человек, попирается тьма. Хоть подвал, хоть яма, хоть самый последний чердак, стоит там задержаться настоящему человеку, как место сразу светлеет. Хотя тут все от человека зависит...

Обедать рядом с обрубленными головами не очень-то хотелось, я решил пройти подальше.

Поплелись. Непохожие на остальные дома, видно было, что их сразу строили непохожими, и совсем не для жизни, для чего-то непонятного. Егор шагал первым, я хромал за ним и все время смотрел под ноги, следил за тем, чтобы не запнуться, пальцы сильно болели, а Алиса куда-то запропастилась, красная куртка больше не мелькала среди руин...

– Смотри... – Егор остановился. – Это же...

Слева стоял самолет. А за ним в небо устремлялось что-то весьма похожее на стрелу, только толстую. Я видел ракету на картинках, это была явно она. Возможно, как раз отсюда улетали в космос и вообще на Луну, наверное, это космодром, не знаю. И именно сюда как раз и обвалился подбитый мной дирижабль.

– Это же звездолет... – прошептал Егор.

– Вот и отлично, – сказал я. – Надо разобраться с добычей.

– Пушки странные. И патроны тоже, капсулей нет...

– Бескапсюльные, редкая штука, но я такие видел.

Никогда я таких не видел, и вообще, патроны необычные, под стать ружью. Не знаю, как оно называлось. Китайское, явно. Отдаленно схоже с моим карабином, но только с двумя стволами, и не вертикальными, а смещенными один относительно другого. Сначала я думал, что это сделано для того, чтобы разными калибрами стрелять, или верхний нарезной, а нижний гладкоствольный, но потом разобрался. Оба ствола были гладкоствольными и однокалиберными, различались по виду боеприпаса. Из нижнего можно разрывным, а из верхнего зажигательным, и никакой перезарядки, знай лупи себе, автоматически все происходит, я проверил.

Магазин круглый, но не дисковый, а похожий на пороховую банку. Два отделения для разных патронов. Прицел электрический, удобный. И оптический есть, запасной. Штык прицеплен – для ближнего боя. Ничего оружие, две штуки как раз, один мне, другой Егору. Тяжелый ствол, пусть привыкает, когда мне карабин подарили, он вообще был выше меня.

Патроны разные, по цветам различаются, все место свободное в сумке заняли, набрал побольше, Егора заставил тоже тащить, патроны нам пригодятся. В дирижабле вообще было что пограбить, больше часа внутри ползали, наружу выбрались с трофеями, теперь стоило их разобрать.

– Они нас, кажется, ненавидят, – сказал Егор.

– Кто?

– Китайцы. Когда бешенство приключилось, мы их... Много убили. Но не всех, самые лютые, кажется, остались. Теперь они нам мстят. Опыты проводят разные, кровь

откачивают... Они у меня всю кровь почти откачали, я уже говорил...

– Всю кровь... Слушай, а ты не понял?

– Что?

– Не понял, что им надо? Зачем тебя забрали?

– Затем и забрали. Кровь откачивать.

– А почему меня не взяли?

Егор пожал плечами.

– Может, ты заразный.

– Ага, – кивнул я. – Я заразный, а Алиса не заразная...

– Ну не знаю, – Егор пожал плечами. – Наоборот, может. Может, ты один незаразный, а мы заразные. Кто знает, какие им надобны?

Егор поежился.

– А эта защита у тебя... Она...

– Сдохлого китайца, – закончил я. – А что?

– Ничего. Просто...

Они все в магазине подземном брали, новое. А я очень хорошо свою первую походную куртку помню. Был у нас такой, Йохан, а мы его Ваней звали, как раз моего возраста человек. Не знаю, как ему куртка досталась, а мне перешла после того, как этот самый Йохан вляпался... Во что, никто так и не понял, но осталось от него совсем мало. Вот куртка. Когда он понял, что выбраться не получится, так он стал с себя все полезное снимать и подальше отбрасывать, чтобы люди потом подобрали. Так что за моей курткой мертвецов, может, в три раза больше, по рукам и ногам не сосчитать.

– Сдохлых китайцев – самая одежда, – сказал я. – Китайцы, они ведь лечебные очень. Вот Гомер всегда на китайцах лекарства настаивал...

– Как это?

– Просто. Находишь мертвого китайца, заливаешь спиртом и в тепло на две недели. Потом лечишься.

– Настояем на китайцах?

– Ага. От всего помогает. Хошь пей, хошь растирайся. Сорок лет проживешь, надоест даже.

Егор вздохнул тяжело, посмотрел в сторону дирижабля.

– Свежие не подойдут, – сказал я. – Нужно, чтобы они засушились как следует.

– Ясно. А куда они пошли?

– Не знаю. Далеко не уйдут, это тебе не Китай. Давай патроны испытывать.

– Может, пообедаем?

– Сначала патроны.

Я поглядел на ракету.

– Не надо, может? – попросил Егор. – Все-таки...

Он прав, наверное. Все-таки. Звездолет – это все-таки звездолет. Я повернулся в сторону аэроплана. Во-первых, они у нас еще остались – сам видел, во-вторых, выглядел самолет все равно растрепанно, вряд ли полетит. И я стал испытывать захваченные боеприпасы, начал с желтых.

Как я и предполагал, желтые оказались зажигательными. Пуля прочертила огненную трассу, ударила в обшивку. Через секунду кожа загорелась. Жарко и бешено, в течение нескольких минут было выжжено больше метра, в обшивке образовалась дыра, в которую можно было всунуть трех Егоров. Хорошо. И отдачи почти нет, китайская механика работала отлично.

Красный. С красным я не разобрался. Пуля пробила в самолете дыру, и все. Пришлось пожертвовать еще одним, расковырял. Внутри патрона обнаружился тупой цилиндр из черного металла, тяжелая железная бобышка с ровными краями. Для ближнего боя – чтобы отбрасывать врага прочь, размазывать его по стенке.

Синий. Синий произвел тот же эффект, что и красный, просто пробил дырку, так что

пришлось опять расковыривать. В патроне обнаружилось непонятное желе, а за ним пуля, снабженная сердечником и пластиковым оперением, скорее всего, бронебойная. Пригодятся. Вдруг придется самолет сбивать?

В зеленых патронах оказалась крупная дробь, почти картечь, она хлестко съездила по борту, кучно довольно, вырвала мясо, выпустила из самолета пластиковую начинку.

В зеленых с оранжевыми полосками хранились разрывные пули, действовали они соответственно, разрывали.

А больше всего понравились черные. Не патроны даже, а гранаты – взрывались при попадании.

Неплохой боезапас.

Я снарядил свое ружье гранатами для нижнего ствола и разрывными для верхнего, Егора зарядил по-другому. Картечью и на всякий случай вставил две зажигательные. Сунул ружье Егору.

Он тяжело вздохнул и спросил:

– А теперь пообедаем?

– Пойдем туда.

Я кивнул на ракету. Очень хотелось на нее посмотреть.

Вблизи ракета казалась не такой блестящей, как издали. Корпус оказался побит ржавчиной, в некоторых местах дыры были большие, вряд ли с такими прорезами можно лететь в космос. Разрушение добралось и досюда, ржавчина съела космический аппарат, неотвратимо.

Теперь она съест и китайский дирижабль, и так будет всегда, повсеместно.

– Слышь, Дэв, а китайцы откуда? Откуда у них дирижабль?

– Не знаю. Оттуда. Из Китая, что ли...

– Значит, там... – Егор махнул на юг. – Там, значит, все по-другому?

– Может.

– Так нам надо было с ними!

Егор остановился.

– С китайцами уходить надо было...

Егор потер лоб.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Чтобы они у нас всю кровь высосали, так? Нет, спасибо. И потом, твой отец говорил, что выхода отсюда нет. Забыл?

– Да, – Егор уже хлопнул себя по лбу. – Точно, нельзя ведь... Кровь закручивается в голове. Нижнее метро, оно ведь все закручивает, воду, воздух даже... И если ты выбираешься из зоны закручивания, то сразу в голове у тебя все сосуды лопаются. Ну и все.

– А как же тогда китайцы? – спросил я. – У них что, не закручивается?

Егор пожал плечами.

– Может, у них раскручиватель есть. Или они нечувствительны совсем, их здесь закручивают, а они не закручиваются.

Похоже. Ладно. Почему у китайцев все-таки не закручивается. Может, они...

– А если они местные? – спросил Егор полусшепотом.

– Что?

– Местные? Если они ниоткуда не прилетают, а тут где-то водятся?

Да уж. Это вполне могло быть так. С чего я решил, что они на самом деле из Китая? Запад не разработан, китайская колония может базироваться там.

Вот на Варшавской сидит Япет со своими бездельниками, а где-нибудь на Западе сидят китайцы. Обосновались себе в бункере поглубже, обложились непохожей техникой и оружием, строят летательные аппараты...

Акира по-другому объяснял. Круги, круги и стрелка вовне, за МКАДом. Но Акира мог вполне и обманывать, обманщикам китайским верить нечего. Если они здесь, у нас, водятся, почему они тогда на контакт не выходят? Потому, что не хотят. Потому, что есть у них какие-то свои, непонятные планы.

С другой стороны, я видел самолет. Это был наверняка самолет, крестик, распарывающий небо, только самолет так... А могло и показаться. Зыбко у нас все.

– Потом вернемся, – сказал я. – К дирижаблю. Если он не взорвется, мы его изучим хорошенько. Там должны карты остаться бумажные, другие какие указания...

Я вспомнил китайца, разъеденного кислотой, и подумал, что вряд ли. Китайцы, если они и были, наверняка уничтожили все следы. Чтобы их найти было совершенно невозможно. А оставшиеся в живых разбежались, и скоро сдохнут, и замерзнут, а потом, по весне, и сгниют, и следа от них не останется, прах да пепел.

Мы остановились под ракетой.

Совсем вблизи ракета разочаровывала еще больше. Она, как и Вышка, походила на старуху. И не полетит уже никогда. Да... Когда минут темные времена, придется все снести и выстроить заново. Мы не станем жить в этом старье, в ржавых трубах и грязных фермах, снесем, это точно. Хотя, конечно, придется снести почти все, слишком много разрушено.

С другой стороны, ракета все равно впечатляла. Не верилось, что такая дура умеет летать. Я сбросил рюкзак, нарубил дровишек из окрестных зарослей, развел бездымный костер, налил воды в котелок.

– Алиса где? – спросил Егор. – Она точно выбралась?

– А что ты так беспокоишься?

– Ничего... А вдруг...

– Вдругов не бывает. Алиса выбралась. Наверное, она за ними отправилась. За китайцами вдогонку.

– Зачем?

– Ну, так. Перекусить.

Нос у Егора дернулся.

– Это шутка, – успокоил я. – Алиса вообще ничего не ест. Во всяком случае, я не видел.

– Она ест, – негромко сказал Егор. – Я делал тянучки из муки, сушил их на ветру, а они пропадали потом.

– Может, это птицы.

– У нас нет птиц. А продукты частенько пропадают, особенно сладкие.

Не знал. Ладно. То, что ест хорошо, значит, человеческое просыпается. Глядишь, еще, как разговаривать, вспомнит.

– А вообще папка никогда про такое не рассказывал, – Егор кивнул в сторону невидимого отсюда дирижабля.

– Ты же сам видел огни в небе. Это они и были. Они тут все разведывают... Да плевать на них.

Я был зол на этих китайцев. Шли в телецентр. Все тихо, продвигались по плану, почти без приключений, и вот на тебе, влетели. Пришлось лезть на Вышку, скакать, как макака, я чуть шею не свернул. И толку от этого дирижабля совсем никакого, ничего не узнал, ничего не понял. Китайцы удивительно неразговорчивы. В результате... В результате я потерял время и ничего не узнал. Загадок только прибавилось. Я бы уже был в этом телецентре, в архиве, уже что-то нашел...

Хорошо, что живы все остались.

С другой стороны, место здесь интересное. Явно историческое, картинка из прошлого. Ракета. Красивые здания. Неплохое оружие. Еда...

Я взял несколько пачек китайской, нашел на складе. То, что это еда, я не сомневался, у нас любой может определить еду даже в жестяной банке. А эта была в бумажных пакетах.

Вода в котелке забулькала, я разорвал пакет, высыпал в воду содержимое. Розовых червей, жидких, волокнистых, извивчатых, как волосы мертвеца.

– Странная еда... – с сомнением сказал Егор. – На червей похожа слишком...

– Ты что, червей никогда не ел?

Егор помотал головой. Местный. Московский. Червей не ел.

– Они вкусные, – сказал я. – Главное, правильно приготовить, нормальная еда.

Егор пожал с сомнением плечами.

– Нормальная... Не знаю. Тебе там ничего ненормальным не показалось?

– А что там нормальное вообще? Оружие видел? Все кривое. И стены кривые, и вообще. Китай, ничего не поделаешь. Так что жуй червей, радуйся.

Я высыпал еще два пакета. Запахло сладким. Сладкие черви. Китай, однако. В котле забулькало.

– Зачем они прилетали, а?

– Собирали здесь образцы местных тварей. С какими-то целями... Да какая разница? Радуйся, что жив, могли бы и распилить.

– Радуюсь... Там была такая... такое... Не знаю, на что похожее.

– Это коростель, – объяснил я. – От него коростой покрываешься. А выпь воет. А голем голый. Узнаешь их по именам их, все просто. Ешь давай.

– Да я это... Аппетит что-то...

Я зевнул.

– Мне больше достанется.

Подцепил ножом длинного червя, изучил. Непонятно. Надо пробовать, вряд ли отравя, в конце концов у китайцев две ноги, две руки, хвост... Хвоста не видел. А червей я на самом деле много едал.

На вкус оказалось ничего, кисло-сладкое, хрустящее, на черемшу похожее. Скорее растительное, вряд ли червь.

– Ну как? – поинтересовался Егор.

– Питательно. Вкусно. Лапша, макароны настоящие. Не хочешь если, можешь не есть...

– Дай-ка попробую, папка любил макароньи...

Егор подцепил червя, задрал руку высоко, поймал зубами, втянул, подумал.

– Ничего вроде. Подходяще.

Стали есть. Ложками есть лапшу было неудобно, пришлось руками. А бульон кружками, он тоже ничего получился, бодрящий.

– В ракете, наверное, тоже жить можно, – сказал вдруг Егор. – Интересно...

– Не полезем.

Вкусно. Настоящая еда, хоть и китайская, хорошо бы перца еще. Для крепости. И чтобы в желудке завеселело, а так слишком пресно.

Звук. Знакомый. Страшно знакомый, сразу пятки зачесались.

– В ушах свербит... – Егор почесал голову. – Что за погань...

Жнец. Это называется жнец, давно их не видел.

Я достал из подсумка пузырек. Из него два шарика. Один забросил в рот, другой передал Егору.

– Что это? – спросил он.

– От нервов. И желудочное одновременно. Пей, сплошная польза.

Егор проглотил шарик.

– Теперь примерно минуту, – сказал я.

– Что минуту?

Доктор с Варшавки приготовил. Полезные штуки. Не приходилось еще испытать. Сорок шесть. Желудок сжался и вытолкнул содержимое. Лапшу и бульон, все.

– Ты чего это?.. – прошептал Егор.

Его тоже скрутило.

– Зачем?..

Я сунул ему оружие, сунул рюкзак.

– Что тут?..

– Беги, – прошептал я Егору.

– Что? – не понял он.

– Беги! – уже крикнул я.

– Зачем?..

Но я толкнул его в спину.

Егор побежал. Не очень быстро и не очень уверенно, оглядываясь.

– Беги! Через час здесь же!

Егор поспешил.

Я повернулся к зарослям. Я бежать совсем не мог. Если это на самом деле жнец, то удрать от него мне не удастся. Не получится, физически просто. Я еще прихрамываю, и в левом колене щелкают друг о друга мослы, теперь тягаться с ним совершенно бесполезно, какие пятьдесят семь минут, я не продержусь и десяти.

Но теперь я знал, что жнеца можно уничтожить.

В моем ружье лежали гранаты и разрывные пули, лучше бы бронебойные, но перезарядить уже не получится. Будем работать гранатами.

Я присел на круглый красивый камень, неизвестно каким путем тут оказавшийся, пристроился поплотнее, стал ждать. Ничего не происходило. Нет, звук не исчез, железное шелестение, сопровождаемое острым попискиванием, точно пела нестерпимо натянутая струна, продолжалось и даже усиливалось, но никаких других изменений не происходило, жнец меня почему-то упорно не слышал.

Подождав еще немного, я двинулся через кустарник. Стараясь особо не хрустеть, но и не таиться чрезмерно. Надо было удирать. Спасаться, но мне не хотелось спасаться, мне хотелось посмотреть. Оно, любопытство. И потом у меня был гранатомет.

Кусты разредились, я увидел. Четверо. Действительно, жнецы. Но необычные. Поломанные. Без секир. Они бродили по дну небольшой пологой воронки, шелестели, поскрипывали искривленными суставами. Впервые я смог рассмотреть их в спокойной обстановке, обычно я от них только убегал, когда убегаешь, трудно разбирать преследователя...

А эти целые, но совсем неисправные. Квадратные. В движении этого не видно, сейчас напротив. Угловатый корпус, снизу ноги. То есть лапы. То есть конечности. Четыре, в два сустава, как у птицы. Мне всегда казалось, что у жнеца их две, как у нас примерно, но на самом деле четыре. Больше всего жнец оказался похож на лосенка. Да, именно, такая же нескладность, изломанность даже, только головы нет и тело короче. Ну, и еще не живой.

Меня жнецы не заметили, что опять же было странно, обычно у них чувствительность поразительная. Но эти не слышали моего присутствия, были очень заняты своими делами. Ворочались в воронке, которая, скорее всего, являлась началом большого провала, копошились, бродили в бессмысленности, стукаясь друг о друга, скатываясь к центру ямы и выбираясь снова. Чтобы через минуту скатиться обратно.

А некоторые уже истратили все свои нечеловеческие силы и валялись, похожие на дохлых куриц. И даже запах, кажется, был, я потянул воздух, почувствовал. Непонятная вонь. Когда живое существо умирает, вонь одна, когда погань успокаивается, совсем другая. У этих тоже вонь присутствовала. Особенная, ни с чем не сравнимая, бензиновая. Колченогие, уродские или больные, как я. А может, старые. Все стареет, жнецы тоже, детали изнашиваются, а новыми никто не снабжает. Глохнут. Слепнут. Собираются в кучу, как умирающие животные. Это кладбище. Кладбище жнецов. Как в Порту кладбище кораблей.

Глядя на это, я вдруг представил необычное такое. Вот ракета, она ведь тоже механизм. Также, наверное, изнашивается, становится непригодной. После чего ее, наверное, отвозят на ракетное кладбище и там себе преспокойненько оставляют. Ракетное кладбище. Лежат себе огромные, бесполезные и забытые, не нужные своим хозяевам, ржавеют, переговариваются и тоскуют о космосе.

Интересно, эти о чем тоскуют?

Я стал выщелкивать и прятать в патронташ патроны. Разрывные – они тут все равно бесполезны. Вместо них зарядил неожиданно быстро пригодившиеся бронебойные. Не спеша, немного специально щелкая пружиной, но эти так и не услышали.

Снарядившись, я прицелился в самого здорового. То есть в исправного. Который

хромал меньше, и потрепан был меньше, и полосатая окраска на нем держалась вполне себе еще неплохо.

Начал с бронебойного.

Неплохо. Пуля пробила оранжево-черную пластину, застряла внутри, жнец завалился и тут же поднялся, заковылял прочь. Не ко мне, а от меня. Спасался будто. Останавливался постоянно, точно отдыхал. Я догнал его еще одним бронебойным, совсем остановился.

Остальные продолжали копошиться, на мою стрельбу даже не повернулись, жизнь вокруг их не очень интересовала. Подстреленный жнец вздрагивал, шевелил конечностями, скрипел. Я переключился на нижний ствол. Граната.

Взорвалось неожиданно мощно, жнец исчез во вспышке, по кустарнику шарахнуло металлическими обрывками. Как просто. Такое бы ружьецо мне в Рыбинске, глядишь, и Гомер был бы жив, а так от него одни руки остались...

Я выстрелил в следующего. Сразу гранатой, решил не переводить на него бронебой.

Получилось почти так, как с предыдущим, разрушительно. Со жнеца сорвало верхнюю часть корпуса, наружу выставились рычаги, покрытые белым маслом, трубопроводы, моторы и другие внутренние приспособления. Все эти механические потроха шевелились, напружинивались и старались сдвинуть разрушенного жнеца с места, но он так и остался стоять.

Остались два. По ним стрелять мне перехотелось, потому что это оказалось совершенно неинтересным занятием, никакой опасности, никакого азарта. Я плюнул и вышел из кустарников.

– Эй! – позвал я.

Жнецы замерли и повернулись в мою сторону. Они должны были кинуться, в них обязано было пробудиться кровожадное их нутро, но ничего подобного не случилось. Как стояли, так и продолжили стоять.

– Эй! – уже крикнул я.

Тот, что поближе, скрипнул и направился ко мне. Переваливаясь на гибких-негибких лапах. Секир у него не виделось, да и сам он выглядел механически дряхло и безопасно. Но на всякий случай я все же держал оружие под рукой, если что, влуплю с обоих стволов, только куски в разные стороны полетят.

В нем перекатывались гайки, вжали и подвывали моторы, жнец приближался, лениво и неопасно. Остановился метрах в трех, задумался, как мне показалось. А потом случилось то, чего я ожидал меньше всего. Жнец выпустил пар, затрясся и сказал:

– Уважаемый гость! Мы рады приветствовать вас на территории Федерального выставочного центра! В настоящее время вы находитесь рядом с павильоном «Космос». Предлагаем вам посетить павильон, в котором вы сможете осмотреть экспозицию...

Что я смогу осмотреть в павильоне «Космос», я так и не узнал, потому что в жнеце защелкало, зашипело и он замер.

Робот. Но не боевой, а служебный. Проводник или рассказчик. Механические тигры, Курок рассказывал. Как они в зоопарке жили, распространяли меж посетителей конфеты, рассказывали, какое к чему животное предназначено. А здесь жнец. С конфетами, правда, не спешит.

Жнец прочихался и повторил:

– Уважаемый гость! Мы рады приветствовать вас на территории Федерального выставочного центра! В настоящее время вы находитесь рядом с павильоном «Космос». Предлагаем вам посетить павильон, в котором вы сможете осмотреть...

Зазело. От старости. Нет ничего вечного, ничего. Если дело пойдет так и дальше, то лет через сто от нас вообще ничего не останется, человечество ахнется, и на нашем месте весело заживет прожорливая погань.

А может, жнецы сначала не были жнецами? Может, это потом к ним секиры приделали? С убийственными целями.

Я не знал, что мне делать со жнецом. Стрелять? Какой смысл, если они безопасны?..

Ко мне направлялся второй. Подковылял, замер, закричал, как предыдущий, и выдал:
– ...павильоне «Рыболовство» производится дегустация рыбных деликатесов! Рыба
частиковых пород! Морепродукты... Новинки угольной промышленности...

Я заметил, что остальные жнецы, переминавшиеся на противоположном краю воронки, зашевелились, поднялись, натужно воя, и поползли в мою сторону.

– ...Палладиевые ожерелья помогут вам при бессоннице, воспалении тройничного нерва и псориазе... Автомобильные шины «Дикобраз» – лучший выбор для наших зим...

Жнецы торопились, гребли конечностями, стремились, я слышал, как они стонут, и секунду спустя я оказался в кольце бормочущих, толкающихся, нелепых и жалких механизмов. Они рассказывали мне о необыкновенных и непонятных вещах, видимо, в изобилии существовавших в исчезнувшем мире. О тефтелях из рыб частиковых пород, о билетах на трансатлантические джамперы, об акциях сталелитейных корпораций, о распродажах суперхолодильников и еще о многих и многих, безусловно, полезных штуках, о пилюлях от поноса. Зря я лапшу вытошнил, получается. Можно было сохранить. Ладно.

Они окружили меня, смотрели с надеждой... Глаз у них не было, но они смотрели, я чувствовал.

– Брысь, – сказал я.

Жнецы послушно расступились, и я двинул в обход воронки. Кажется, здесь тоже когда-то раньше стоял дом – из земли торчала арматура и бетонные блоки. Я хотел посмотреть самолет. Поближе. Конечно, там все уже растащили, но все равно, вдруг что. Жнецы тащились за мной, бубнили, лязгали, падали, поднимались, снова бубнили. Не отставали. Вот уж смех-то. Никогда не мог предположить, что так случается. Что у чудовищ выпадают зубы.

Так мы и добрались до самолета. В салон вела лесенка, я растолкал жнецов и поднялся вверх. Я немного побродил внутри, но ничего интересного не нашел. Кресла вырваны, а кроме кресел, там ничего и нет. Прошел в кабину. Рычаги, расковырянные циферблаты, переключатели, ничего интересного. Я ожидал другого. Непонятно, как эта штука вообще летать способна. Ладно...

Жнецы стояли внизу, бубнили, предлагали грибной соус и какие-то особые пуговицы, которые можно купить только в павильоне «Животноводство».

Глава 12

Огляд

– Чапа!

Егор прищелкнул языком, оторвал кусочек лапши.

– Чапа, Чапа!

Чапой Егор стал называть Алискину крысу. Чапа появилась неожиданно, возникла, раз – и сидит на плече у Егора. Живая, толстая. Мы обрадовались крысе совершенно неожиданно, даже я ей улынулся.

Подманить ее у Егора получилось лишь с третьего раза, китайским салом. Егор тоже прихватил несколько банок китайских консервов, открыли. А внутри сало. Похожее что-то, только со щетинистой шкуркой, сиреневое. Ладно лапша, но это...

Есть это было решительно невозможно. Егор же отступать не желал, нарубил сало мелкими кусками и зажарил на огне до легкого обугливания. Воняло паленое сало чрезвычайно, даже в носу щекоталось, и Чапа не устояла. Явилась и продалась и слопала почти полбанки, Егор попытался ее погладить, но Чапа не позволила, растаяла и через секунду объявилась на соседнем камне, сидела, облизывалась и поблескивала глазками.

С тех пор они дружились.

– Чапа! – позвал Егор. – Чапа, китайский червячок! Иди сюда, больше тебе не дам сегодня. До вечера не дам.

До вечера было еще далеко, мы остановились отдохнуть и погреться. Китайские

комбинезоны неплохо защищали от холода, но он ворочался внутри, схватывая желудок и почесывая коготками печень. Разводить огонь не хотелось, и мы варили лапшу на языке – откусывали от червя, запивали кипятком из термоса, ждали, пока разбухнет, а затем жевали. Тошнотворно немного получалось, но это дело привычки.

Егор рассказывал про свои приключения. Пока я разбирался с неожиданно миролюбивыми жнецами, Егор тоже кое-что обнаружил. Еще одну яму.

– Там шахтеры лежали, – сказал он. – Штук двадцать,дохлые все. Они снизу лезли и... Кажется, они обгоревшие были.

– Двадцать?

– Угу. И сгоревшие, точно там...

Егор ткнул пальцем в землю.

– Точно там пожар.

Может, и пожар. Бегут шахтеры, лезут из-под земли, пекло, пекло...

– Воняет там... Волосы аж зачесались.

Егор почесал волосы, поглядел на пальцы.

– Это неудивительно, – сказал я. – Когда человек жив, сиянье его души уравнивает вонь тела, а когда душа тело оставляет, остается одна сплошная вонь.

– Шахтеры разве люди?

– Отчасти. Только души у них нет почти, мало. Вот они и уродуются. Плохо, что на поверхность лезут. Внизу тоже не в порядке...

– Как при пожаре? – спросил Егор.

– Что?

– Как при пожаре. Животные, чувствуя приближение огня, бегут из леса, так?

– Вроде.

Вроде... Похоже, что так оно и есть. Шахтеры спасаются из-под земли. И нам уходить надо. Чем скорее, тем лучше. Дело только закончить. Ведь уже почти шаг остался.

– А ты? – спросил Егор. – По кому стрелял?

– Да так, показалось...

– Показалось? И ты принялся палить?

– Ага. Нервы разболтаны, чуть что, стрелять начинаю. Ногу дергает постоянно, руки чешутся. Алисы не видел?

– Нет... Может, она ушла?

Может, и ушла. Вернется. Крыса вернулась, и Алиса вернется. Что-то мне подсказывает. А нога-то и вправду болит. Сильно. Так и цапает за пальцы, точно жрет их весенняя голодная лиса, а ничего сделать не получается, смотришь грустно, как ног тебя лишают. Вот.

Сидели на дне большого квадратного водоема, телецентр был здесь, совсем рядом, но я туда не очень торопился. Представлялось мне, что не все там в порядке. Слишком большое здание, в таком безопасности ждать не стоит. Хотелось присмотреться.

Размеры строения не внушали хорошего настроения. Очень большое. Искать архив... Наверное, в подвале. Все самые ценные вещи хранят в подвале, я бы их хранил именно там. Ладно, разберемся.

– На! На, вкусненькое!

Чапа схватила лапшину, отбежала на пару метров, остановилась.

– Кушай! – улыбнулся Егор.

Чапа принялась всасывать лапшину. Аккуратно, медленно, смакуя, с присвистом. Время. Раньше мы заводили собак, или кошек, или рыбок в стеклянных банках, или маленьких бегемотов, которых можно прятать в карман и таскать под мышкой. У меня вот был Папа, а сейчас...

Чапа.

Время крысы. Кажется, крысы живут быстро, года два. Как все. Но мне еще Гомер говорил – главное не протяженность, главное – ширина. Он прав.

– А я себе лягушку хочу завести, – сказал вдруг Егор. – Лечебную, мне про них папка рассказывал. Бычью. Их можно прикладывать к больному месту.

– Зачем тебе лягушка, если у нас Алиса есть? Ее, конечно, к любому месту не приложишь...

– А лягушку можно. Хоть к ушибам, хоть к порезам. Вот ты к пальцам бы приложил...

Пальцы. На руках вроде бы зажили, сохранилась небольшая припухлость, покраснение, а так ничего вроде, порядок, а вот на ногах... Ноги не вылечились. То есть не до конца вылечились. Не все. На левой зажило, на правой стало только хуже.

И с этим надо что-то делать. Чем скорей, тем лучше.

– Чапа, на еще.

Егор кинул крысе еще лапши. Чапа подхватила червя, устроилась поодаль. Стала питаться по-другому. Держала в передних лапках, поворачивала, скусывая по кругу. Я вдруг подумал, что Чапа не очень крыса. То есть не совсем крыса, что-то в ней есть от белки. Может, помесь. Крысиная белка, днем скачет по крышам, ночью ползет в норе.

– Чапа! Иди сюда!

Егор принялся причмокивать губами, стараясь подманить животное, хотя я на месте животного на эти причмокивания ни в жизнь не поддался бы – чмокал он так, будто слопать хотел.

Егор достал из пакета еще лапшину, самую длинную. Облизался и продолжил:

– Иди сюда, Чапа...

Зачем ему эта крыса? Хотя в его возрасте все любят животных, даже полные скоты, а Егор вообще человек хороший.

– Что это там?..

Егор встал.

Чапа исчезла. Раз – и нету. Она, как я успел заметить, умела быстро двигаться, в хозяйку.

– Чапа!

Крыса не показалась.

– Туман какой-то... Дэв, туман.

Туман. Туманов в нашей жизни слишком много. Погода скачет, туманы получаются. И на земле, и в воздухе, туман днем, тени в сторону солнца, только что дождь в небо не падает. А может, и падает, кто его знает?

Этот туман выглядел необычно.

Пелена сползала на нас широким плоским языком. Огибая разрушенный дом, перекатываясь через сплюснутые машины, вывороченные камни и поваленные столбы. Рано еще, не вечер, откуда туман? И странный, не стелется, а точно вытекает, как густое молоко, как пена.

– Ползун... – выдохнул Егор.

– Что?

– Ползун. Ползет... Это не туман, это... я не знаю что... Папка от него спасался...

– Спасался? От чего?!

– А кто его знает... Оно наползает. Мне кажется, что лучше не проверять.

Я был согласен. Лучше не проверять, что этому ползуну надо, держаться подальше. От всего незнакомого лучше держаться подальше.

– Надо залезть куда-то, – сказал Егор.

– Согласен. Туда.

Я кивнул в сторону телецентра.

Мы подхватились, собрали вещи, и стали обходить справа пересохший пруд, и почти успели, но откуда-то – не успел разглядеть, кажется, из открытого люка, выдавился еще туман, отрезал нам дорогу. Неширокая лента, метра три.

– Перепрыгнем? – предложил Егор.

– Нет.

Перепрыгнем... Я шагаю с трудом, куда мне прыгать. К тому же пена выглядела уж слишком живой, скакать через нее хорошей идеей не показалось.

– Окружает ведь... – шепнул Егор.

Окружает, это точно. Или просто течет себе, тут уже и не поймешь. Лучше не проверять.

– К дороге, – указал я.

Побежали туда. То есть бежал Егор, я хромал вприпрыжку.

Воздушная дорога висела на опорах, метрах в пяти над землей. Прямо над нами поезд, разваленный пополам, из распотрошенного вагона свисали вереницей желтые сиденья, не доставали до земли чуть больше моего роста.

До посадочной станции недалеко, но пена уже оползла ее вокруг. Хитрая. Наверное, здесь, под землей, канализация еще не забита. И эта пена по канализации перебирается, устраивает западни, живет. Вверх она ползает явно не умеет, мы умеем.

Подбежали к свисающим седушкам. Пена накатывалась со всех сторон. Наверное, это не пена вовсе. Микробы. Просто очень текучие. Чуют мясо и текут в нужную сторону. Из-за этих микробов здесь и нет никого, никакой подвижной жизни, только бестолковые беззубые жнецы туда-сюда шастают. А шахтеров они жрать не стали, слишком в них подземного духа много. Или стали?

– Высоко!

Егор попытался подпрыгнуть, не достал, конечно. Хиляга. Я подпрыгнул, уцепился за спинку, сиденье скрипнуло и подалось, понял, что еще секунда и оборвется. Разжал пальцы. Свалился. Правую ногу скрутило болью, свалился на спину.

– Давай первым, – велел Егору.

– Я не достаю, слишком высоко...

Егор шмыгнул носом. Унылая старая песня. Они не достают. Они не могут. Они мажут. А я их спасаю. Всегда.

Я сел, затем, опираясь на кулаки, встал. Сцепил пальцы, сделал ступеньку.

– Вперед.

– Но...

– Вперед! – рявкнул я.

Подкинул его вверх, Егор повис, поглядел на меня.

– Ползун рядом, – прошептал он. – Уже совсем...

– Лезь!

Егор лез, топтал мое плечо ребристыми рантами ботинок. Пена почувствовала, что добыча ускользает, зашевелилась, зашпешила, потянулась ко мне с морозным скрипом.

А Егор никак не мог подняться. Уцепился за спинку, пальцы соскальзывали, подтянуться не получалось. Кольцо смыкалось.

Метра два. Егор сорвался, заорал. Я успел его подхватить.

– Лезь!

Снова ступенька, снова подкинул вверх. Теперь Егор топтался уже на другом плече. Пена приблизилась. Все. Согнул левую ногу, почему-то мне захотелось сбросить ее.

Пена захватила меня по щиколотки. Я ожидал жара, почему-то представлялось, что дрянь эта будет горячей. Или холодной. Что она прочувствуется. Ничего. Пена как пена. Я собрался, подпрыгнул, вцепился в решетку и стал на руках подниматься.

Влезли в вагон, перебрались в другой, бухнулись на скамейки, и только тут проняло. Правую ногу, отмороженные пальцы пощипывало. Прихватило. Я откинулся и стал стаскивать ботинок. Ботинки у меня из двойной кожи, а между ней еще особый студень, вроде как охлаждающе-согревающий, что совсем не помешало мне пальцы отморозить. А ботинки от пены помогли. Верхнюю кожу съело почти по кругу, а там, где были пальцы, прожгло еще и нижнюю. Наружу выставились проплавленные портянки, между которыми чернели пальцы.

Боль не чувствовалась. Пока.

– Здорово... – прошептал Егор. – Надо перебинтовать.

– Надо.

Я достал китайский кривой нож. Кожа ботинка скукожилась и обжала ногу с неожиданной крепостью, вряд ли получится снять. Пришлось резать. Нож у китайцев оказался тупой и с неудобной рукоятью – пальцы надо было вставлять как бы внутрь, и резал плохо, больше пилил, продрался до подошвы с трудом, чуть пальцы не выломал.

Захотелось пить. Егор сунул бутылку.

Нехороший признак, когда пить хочется. Воспаление. Но я все равно попил, мелкими глотками.

Напротив, на желтом сиденье, развалился мертвец. Не скелет, мертвец, хорошо сохранившийся труп в бархатном жилете и дурацкой шляпе. Жилет и шляпа были изъедены сверчками, кое-где через материю проросли трогательные фиолетовые цветочки, в коричневых руках этот оригинальный человек держал трость с головой крокодила.

Странно. Ведь даже трупы у нас баловливые, а этот как умер, так и не встал. Возможно, Гомер прав, бродить отправляются только грешники. Праведники же усыхают. Или, напротив, разлагаются быстро, для безобразий не остается плоти. Наверное, летучие китайцы об этом имели научную информацию, жаль, что нельзя с ними поговорить.

– Даже глаз сохранился, – прошептал Егор. – Блестит...

Забавно. На лице покойника действительно поблескивал глаз.

– Смешно, – сказал я. – Робот, что ли?

Егор хотел потрогать, не решился. Выглянул наружу.

– Не уполз туман-то, – сказал он. – Тут, сидит. Или лежит. Прямо под нами.

– Плюнь в него, – посоветовал я.

Егор плюнул.

– Опять не уполз.

– Это жаль.

Я закрутил бутылку и вытряхнул ногу из ботинка.

– Ого... – Егор покачал головой.

Действительно ого. Пальцы почернели. Некроз. Гангрена. Но это еще не все: кончики были точно слизаны – пена поработала. Неудачно... Впрочем, такие штуки всегда некстати происходят.

– Надо помазать... – неуверенно сказал Егор.

– Соплями? – осведомился я.

Снизу ударило, вагоны простонали железом, землетряс.

Голова у мертвеца дернулась, глаз вывалился и покатился. Стекланный.

Почему-то это обстоятельство Егора потрясло. Он поднял глаз, стал его разглядывать, дышать в стекланный зрачок, протирать о куртку, перекидывать из руки в руку. А потом он стал думать про этот глаз. Вслух, разумеется. Как это – носить в голове стекланный глаз, почему ему не сделали новый, при каких обстоятельствах был утерян настоящий... Мне не очень хотелось обсуждать чьи-то посторонние, к тому же еще и стекланные глаза, мне предстояла серьезная операция, а тут чей-то посторонний стекланный глаз...

Да и настроение было злое, давно не испытывал такого. В виски била свирепая кровь, хотелось кого-нибудь убить, а потом хорошенько отоспаться. Я развел костерок из окрестной пластмассы, протер нож спиртом, затем прокалил на огне. Затем еще раз протер – пластмасса коптила. В наших условиях не стоит пренебрегать обеззараживанием.

Пошевелил пальцами, попробовал растопырить. Шевелиться шевелились, но растопыривались не очень. Надо резать, однозначно.

– А может, не надо все-таки? – спросил Егор.

– Надо.

– А Алиса? Почему пальцы-то не выздоровели?

– Выздоровели, – возразил я. – Но не на всех ногах. Не повезло.

– Ты что, вот так возьмешь и отрежешь?

– Ты хочешь мне помочь?

Егор помотал головой.

– Я так и думал.

Тянуть нечего, я взял нож, приставил к ступне, ударил подвернувшейся железкой.

Не так больно, как боялось. Пальцы отвалились. Два. Поднял, посмотрел, кинул в костер. Полил рану спиртом, прижег.

– Теперь ты Беспалый, – с уважением сказал Егор.

Я чуть не рассмеялся – для того, чтобы завоевать уважение, мне пришлось отрезать пальцы. Как все просто. На самом деле просто, взял и отрубил еще один, под корень, чтобы наверняка. И тоже прижег.

Обмотал портянкой, сунул в разрезанный ботинок. Если повезет, то рана присохнет. Через пару дней смогу пробежаться. Но не быстро и не далеко.

– Теперь тебе надо отдохнуть, – заботливо сказал Егор.

– Отдохнем в гробу.

Я встал. Без пальцев было непривычно. В ноге ощущалась нехватка и еще некоторая неустойчивость.

– Надо подождать...

– В гробу подождем.

– Ага, в гробу... Ты хоть раз видел, чтобы кого-то в гробу хоронили?

Егор снова выглянул в окно вагона.

– Не уползло. Загустело, кажется, еще. Как выбираться будем?

– А ты в него плевал?

– Плевал... Не уползло.

– Ну, не знаю, что тогда делать. Давай пожрем.

– Можно по рельсу пройти. Там...

Егор махнул рукой.

– Там машины почти доверху доходят, по ним спустимся.

– Не сейчас.

Пальцы на ноге начали болеть. Все вместе и каждый в отдельности, в каждый обрубок вбили гвоздь и стали его раскалять.

– Сволочь! – Егор плюнул вниз. – Сволочь...

Затем он поглядел на меня, точнее, на мой правый ботинок.

– Извини, – сказал Егор. – Я думаю...

– А я думаю, надо все-таки пожрать.

– Да я сейчас, я сам думал...

Спинки прогорели, и Егору пришлось нарубить других. Кресла дымили и воняли, но на китайскую лапшу хватило. Она быстро разварилась, решили поесть по-человечески, не из пластиковых коробочек, а из котелка, мне сейчас требовалось чего-то человеческого, пусть хоть и китайского, горячего. Хотелось отвлечься от боли.

Егор потерял ложку, чтобы не есть руками, вырезал из желтой пластмассы грубую двузубую вилку, выуживал ею лапшу, поднимал высоко над лбом и отправлял в рот. Посматривая на засохшего мертвеца с неприязнью, мертвец явно портил ему аппетит. Мне не портил.

– Может, его это... – Егор кивнул вниз. – Отпустим? Чтобы не мучился?

– Нельзя, – ответил я. – Нельзя, он тут хозяин, не мы. Мы его скинем, а он обидится...

– Ты что? – Егор поглядел на меня с опаской.

– Будем звать его Акакием.

– Акакием... – протянул Егор. – Как скажешь. А то бы скинули, а пена стала бы его жрать, а мы в это время прорвались бы. А?

Неплохо придумано. Егор начинает понимать что-то в этой жизни, ничего, если время пройдет, мы его из слоновости вытащим, выправим. Но этот одноглазый мертвец мне чем-то нравился, чувствовалось, что он на самом деле хозяин.

– Глаз ему вставь, – велел я Егору.

Тот поглядел на меня уже с откровенным испугом, но спорить не стал, подышал на глаз, бережно протер и поместил в пустующую глазницу. Теперь порядок.

– Чай будем кипятить?

– А как же!

Егор начал рубить пластик для приготовления чая, я лег на сиденья. Немного трясло, от ноги распространялся озноб. Остался сахар и ириски, это надо было съесть.

Чай получился что надо, я не пожалел сахара, высыпал все, что осталось, пить переслащенный чай оказалось тяжело и не очень приятно, но я выпил сам и заставил Егора. И ирисками еще закусили, в лекарственных целях, поднять силы организма.

Слишком много еды, Егор почти сразу уснул, а я еще посидел, прислушиваясь к окружающей обстановке. Город был мертв и глух, лишь иногда вдали что-то печально рушилось, да луна, по-прежнему синяя и страшная, светила прямо в окна.

Перед тем, как отвалиться ко сну, я встал и сунул квадратик ириски в карман мертвеца, ночь прошла удивительно спокойно.

На следующее утро отправились искать. Архив. Аппаратуру. Следы. Ползун рассосался, под утро ударил заморозок, и голодная пена втянулась в норы, путь освободился.

Телецентр был огромен. Если издали он представлялся мрачным серым кубом, вблизи же напоминал гору. Самую настоящую, какую я только на картинке видел. Несильно квадратную, но квадратные горы наверняка тоже встречаются. А еще центр напоминал две коробки, видимо, когда-то так и задумывалось – плоская коробка, ну, пусть из-под сапог, а на ней еще одна, из-под глобуса. Очень похоже. И размеры, само собой, впечатляющие.

– Да... – протянул Егор.

В его голосе я почувствовал гордость за предков, которые работали в таком выдающемся месте. Наверное, это называется корни. Человек должен знать свои корни, чувствовать их, так он вернее стоит на земле. У меня корней не было. То есть я их не знал. Ладно.

И мы начали с подвала. Хотели, вернее, начать. В подвале должно всегда храниться самое ценное, особенно в таких зданиях. Сунулись в одном месте, сунулись в другом. Бесполезно. В подвалах стояла высокая вода, кое-где уже прихваченная льдом. Почти по грудь. Пробраться никак. А если и получится пробраться, то пользы от этого никакой – за столько лет вода просочилась уже везде, и даже если тут и хранились пленки, диски или иные носители информации, они давным-давно пришли бы в негодность.

Я как-то опять рассердился. Получалось, что весь этот поход, все эти высотные приключения, утерянные части тела, болезни, лишения и прочие неудобства – все это понапрасну. Я собирался уже...

Меня успокоил Егор. Он поглядел на телецентр и сказал, что еще не все потеряно. В архиве хранились старые записи, а новые, скорее всего, в монтажной. Я спросил: что такое монтажная? Егор не знал точно, но знал, что в подвале монтажная вряд ли могла располагаться. Надо проверять этажи, один за другим, постепенно, и мимо монтажной не пройдешь.

Двинулись ко главному входу. Его было легко опознать по многочисленным баррикадам. Мешки с песком, проросшие травой, колючая проволока, колесные танки, с пробоинами в бортах и сгоревшими шинами, установки, похожие на антенны. Раньше тут все было стеклами оборудовано, но ни одного стекла не сохранилось, конечно. Поднялись по ступеням. Первый этаж был засыпан стеклом, шагалось, как по катку. И ничего интересного, пустота по большей части, даже скелетов не осталось. Оно понятно, по первому этажу все кому не лень шастали, если что и сохранилось, растащили.

Поэтому с первым мы разобрались быстро, перебрались на второй.

Шагали по коридорам, заглядывая подряд во все двери. За некоторыми встречались совсем небольшие комнаты, за другими огромные залы, за третьими помещения непонятного назначения, заполненные разрухой. Аппаратура почти везде. Стояла на особых треногах,

покрытая пылью и похожая на инопланетные корабли с картинок Курка. Валялась на полу в беспорядке. Собиралась в пирамиды на подоконниках. Хранилась в коробках, даже не распечатанная, оно и понятно, телецентр все-таки.

Подбирали камеры и плееры, которые выглядели более-менее прилично, складывали их в решетчатую тележку. Не трудно, но я начинал чувствовать усталость. Нога горела. В отсутствующих пальцах прорезалась уже ноющая боль, если раньше я их почти совсем не чувствовал, то теперь каждый шаг отдавался острым прострелом почти до колена, помогала тележка – не падал.

На то, чтобы осмотреть три этажа, ушел целый день. Я устал. В ботинке собралась хлюпающая горячая лужа, кровь героя, однако. Устроились в длинной камерке недалеко от лестницы, в помещении, заполненном толстыми книгами, в которых не содержалось ничего полезного, только фамилии и числа. Половина книг была затянута плесенью, другая оказалась ничего, пригодна. Я стянул обувь, залил рану спиртом. Не помогло, поздно обеззараживать. Сам виноват: отрезал пальцы – сиди на месте. Нужны лекарства. Или Алиса. Но ее не видать, бродит где-то.

Всегда она бродит, когда в ней нужда, тут уж ничего не поделаешь.

Собрали с полок книги, стали варить лапшу. На чай не осталось сил, я свалился на пол. Надо задвинуть дверь... Ладно, потом.

После ужина попробовал разобраться с камерой, но не удержал, выронил, она стукнулась о пол, рассыпалась в мелкие детали. Оказалось, что все это оборудование устроено очень крошечно, я думаю, что и Петр, искушенный в оружейных делах, не смог бы при желании собрать камеру воедино до рабочего состояния. Мудры были древние, нечего сказать.

– Это еще что, – зевнул Егор. – Были такие аппараты, которые только в микроскоп разглядеть получалось, настолько маленькие.

– Как же их тогда делали?

– А их не люди делали, а роботы. Только у роботов такая точность. А люди...

Егор достал будильник.

– Вот будильник только у людей получается.

Он прислушался к тиканью, что-то проверил внутри.

– Вообще-то рано еще... – сказал он. – Успели бы еще пол-этажа проверить.

– Завтра давай...

– Ладно. Завтра так завтра.

Мы еще помолчали, позевали.

– Может, на четвертый поднимемся? – предложил Егор.

Я не ответил.

Меньше всего хотелось сейчас куда-то идти. Хотелось сдохнуть, но я знал, что надо чуть потерпеть. Выдержать. Уже рядом, в двух шагах. Удивительно.

Я прислушался к себе – есть ли трепет? Трепет обязан наличествовать в таких важных ситуациях... А нет трепета. Беготня, стрельба, ошметки в разные стороны, и каждую минуту сожрать норвят, и опять беготня, за которой забывается цель, забывается, зачем все это вообще. Жрешь горячую китайскую лапшу, думаешь – хорошо-то как, и никакой, никакой цели...

А когда этой цели все-таки достигаешь, сразу другая возникает. Вот узнаю я про то, как оно получилось. Узнаю, где эта Красная Кнопка. Потом отправлюсь ее нажимать. А как нажму... Еще что-нибудь образуется. Потому что конца движению нет, путь этот навсегда, стоит сделать первый шаг. Достижение цели – это все, остановка. Смерть. Вверх, вверх по ступеням жизненной лестницы, и на каждой смерть, смерть, смерть... А что самое смешное – в конце тоже смерть.

Ну, или бессмертие.

Вот нажму я на эту кнопку. Кошмар, наверное, закончится. А дальше?

Я представил.

Некоторое время она еще останется. Погань. Станет прятаться по щелям и темным углам, подкарауливать запоздавших, нападать на неопытных. Но пройдет совсем немного, и она исчезнет, растает и растворится. Мир станет пуст, вокруг установится прозрачная тишина.

А потом начнется Возвращение.

Мир снова поменяет свой лик, сбросит уродливую железную маску и улыбнется новой жизни. И когда все успокоится, когда люди сбросят в шахту и засыплют последнего волкера, когда новый мир укрепится на пепле старого, люди начнут вспоминать.

Жизнь, страшную и безнадежную.

Сухие безводные годы, десятилетия морозов, землетрясы, голод, сыть.

Героев. Герои ведь тоже свои были. Гомер, Курок, я. Егор вот. Он, конечно, не до конца герой, но он героев видел. И расскажет потом своим детям про наш великий поход. Про чудовищ, про предательство, про самоотверженность. Про то, как мы кровью истекали, теряли пальцы, теряли близких, но все равно вперед шли, несмотря ни на что. Он расскажет, а потом, глядишь, стихи сложат, книжки сочинят, а пройдет двести лет, и те, кто эти книжки прочитает, совсем не поверит, что такое могло быть. Руины зарастут лесом, поверх разрушенных городов протекут реки и раскинутся озера, возникнут новые поселения, кости истлеют, а подземелья провалятся сами в себя, и все чудовища вернутся туда, где им и положено пребывать. В сказки.

Прочитают – и не поверят. Станут пугать сумраками непослушных детей, станут наряжаться в них на праздники, маек с их изображением понаделают.

Наверное, ради этого стоит. Вот как раз ради этого.

Ради жизни.

Телецентр. Архив. Кнопка. Уже совсем рядом.

– Да...

Егор вздохнул.

– Надо было сверху начинать, – сказал он. – Подняться до крыши, а потом вниз, так легче.

Это вот неплохая идея. С утра так и поступим. Сверху вниз. Сейчас бы поспать хорошенько...

Не получалось. Сначала я прислушивался к будильнику, к его тиканью и проворачиванию шестеренок, затем мешала боль. Жар от ноги добрался уже до живота, сердце разгонялось от него, это тоже мешало. Когда Егор в очередной раз сказал, что все равно делать нечего, а четвертый этаж ему кажется наиболее интересным, потому что именно на четвертом этаже работал его предок дельта-оператор, я плюнул.

– Ладно, – сказал я. – Пойдем.

Отправились на четвертый этаж.

Коридор направо, коридор налево, двинули сначала налево. Прошли почти до конца.

– Смотри! – указал Егор пальцем.

Коридор был перекрыт железной загородкой, от стены к стене, от пола до потолка. Наспех сварена из металлических дверей. Внизу, у стены дыра. Ровная, человека в два шириной, гладкие оплавленные края. Направленным взрывом выбили, аккуратным и точным. Сделали так, что даже стены не пострадали. Большие специалисты своего дела работали, сейчас таких не встретишь. Да и веществ подходящих тоже нет.

– Мощно, – сказал Егор.

– Зачем перекрыли, интересно?

– Отсидеться, может, хотели?

– Может. Пойдем посмотрим.

Я подкрутил карбидку, пролез в дыру за перегородку.

– А вдруг они еще там? – спросил Егор из-за спины.

– Кто?

– Телевизионщики...

– Конечно, они там. Вопрос в том, в каком они там виде. Вряд ли живые...

– Хорошо, если совсем дохлые, а могут быть...

– Разберемся. А что ты боишься, тут ведь наверняка где-то твой родственник. Не трясись, Егор, мертвяк своего не обидит. К тому же мрецы – из погани разновидность самая преспокойная. Тебя папка, что, не учил, как с ними разбираться?

– В голову стрелять надо...

– В голову. В голову ему бесполезно, у него мозг давно расплавлен. В шею или в ногу. Его нужно лишить возможности двигаться. Ладно, как-нибудь сходим на ближайшее кладбище, поупражняемся.

На другой стороне баррикады коридор продолжался. На полу, метрах в пяти стоял пулемет. Старой конструкции, из тех, что навсегда, оружие оно вообще навсегда. Крупнокалиберный.

Дальше оборона была не такая мощная. Мешки с песком, рогатки из колючей проволоки – все, как на входе, все тухлое и не представлявшее никакой опасности. Еще дверь. Тоже железная, достаточно крепкая, из толстой листовой стали. Открытая.

За дверью обнаружилась большая квадратная комната, наверное, даже зал. В одном углу стояло высохшее дерево, кажется, елка. Желтая пожухшая хвоя, а в ней игрушки. Шары блестящие, белые снежинки, вырезанные из пластмассы, сосульки из стекла. В другом углу скучал снеговой человек, слепленный из трех шаров. Ненастоящий, конечно, из бумаги, от времени пожелтевший и ссохшейся. Скелет снеговика, вот как. Но раскрашенный как полагается, глаза угольком, нос поникшей морковкой.

У окна пульт управления. Или еще чего пульт. Наклонный, с переключателями и ручками, с экранами в несколько рядов. И еще один точно такой. И скелет. Уже настоящий. Прикованный к железному стулу толстыми наручниками. В голове дырка.

На груди небольшая полувывцветшая табличка, я прочитал: «Федор Тремоло». Зубов нет справа, и челюсть нижняя сломана, скорее всего прикладом приложили. Ага, и пальцы, и на правой, и на левой поломаны. Пытали Федора Тремоло, хотели что-то узнать.

– Монтажная, кажется, – сказал Егор. – Как и говорилось...

– Что говорилось?

– Ничего... просто...

Я быстренько взглянул на Егора. Знает что-то, как я и думал. Недаром так на четвертый этаж устремлялся.

Ну, пускай, все равно проговорится.

Егор подошел к скелету, сунул палец в дырку в черепе, повертел. Родственные чувства. Хотя вряд ли это его прадедушка, он же спасся.

– Родственник? – спросил я.

Егор помотал головой.

Стеллажи. Перегораживают почти половину комнаты. Узкие, сдвигающиеся по специальным полозьям, на каждом стеллаже коробки, в них кассеты. Маленькие и много. Я видел кассеты у Петра, те были гораздо больше этих, раз в пять. Видеоплеера у нас не было, и узнать, что на этих кассетах записано, мы не могли, зато Петр научился добывать из кассет пленку и вплетать ее в веревки, тем самым увеличивая крепость на разрыв.

Коробки не простые. Сначала мне показалось, что они склеены из картона или из тонкого пластика, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это и не картон, и не пластик. Вещество, из которого изготавливались коробки, походило на мягкую толстую резину. Я осторожно снял крышку. Поролон. Или что-то вроде, упругое и синее, с прямоугольными норками для кассет. Коробки закрывались плотно, кассеты выглядели как новые. Обилие их немного перепугало, просмотреть все это богатство не хватит никакой жизни, я слегка загрустил. Выручил Егор, наверное, у него на самом деле в роду имелся дельта-оператор, или как там они назывались.

– Надо по датам искать, – сказал он. – Последний месяц...

Он принялся искать последний месяц, я продолжил осмотр. Нашел туалет и

помывочную, а в ней еще один мертвец. Этот, кажется, пытался скрыться и умудрился залезть аж под ванную, но его достали и там, пристрелили.

Появился Егор.

Он тащил две коробки, пнул стену, шмякнул коробки на пол. Обгорелые. Видимо, из огнемета фыркнули – все кассеты были сплавлены.

– Последние полгода спалили, – сказал Егор. – Но не все, смотри.

Егор перевернул коробку, аккуратно разрезал дно, расковырял мягкую пластмассу и достал несколько кассет.

– Сверху пластмасса сплавилась, снизу кассеты сохранились. Надо остальные проверить...

– Я сам. А ты пулемет лучше проверь.

– Зачем тебе пулемет?

– Пули метать буду. Вперед.

Егор поплелся за пулеметом, я уселся рядом с елкой и принялся вскрывать коробки. Их оказалось двенадцать, я достал из них тридцать с лишним кассет. Причем отличной сохранности – сплавленная пластмасса перекрывала воздух, даже пыли внутрь не попало. Наверное, все-таки не огнемет, плеснули горючкой, вот и все. Выстраивал кассеты в башню, как кубики.

Нога болела не переставая. Приходилось терпеть. Я отвык терпеть, вериги хранились в серебряной коробочке. К тому же я прекрасно разбирался в боли – боль, клевавшая мою ногу, была нехорошей болью.

Надо что-то придумать. Одно дело – пожертвовать пальцами, совсем другое – ногой. Без ноги у нас не жизнь, я-то знаю. Можно выпарить мочу, обмазаться, только для этого надо целый день пить много чистой воды. И не болеть. То есть моя моча совсем не подойдет, а воспользоваться услугами Егора я не мог. Я старше его, я его начальник, я не мог мазаться его мочой.

Появился Егор.

– Пулемет исправен, – сообщил он. – Патронов три коробки, ничего не израсходовали. Порох мог сдуться. А это что? – Егор указал пальцем на снеговика. Он сделал это чересчур безразлично, и я понял, что со снеговиком что-то не так.

– Снеговой. Снеговик то есть. Человек из льда. Раньше ими детей пугали.

– Я думал, это неправда...

Егор подошел к снеговика, потрогал его за нос. Мне почему-то представилось, что он сейчас оторвет снеговика голову, но Егор всего лишь постучал по нему пальцем. Звук получился пустой.

– Снеговик, – сказал он задумчиво.

Достал будильник. Я заметил, что раньше Егор хранил будильник в рюкзаке, теперь стал носить его в кармане. Маленькое безумие. Фобия, кажется, это так называется. Или филия. Точно не помню. Я вот вериги носил, тропари читал, большую к этому чувствовал приверженность. А Егор любит будильники. Свалить бы отсюда. Подальше. Ото всего. Как мне надоел запах пороха...

Как мне надоел холод!

Или жара. Когда трудно дышать, дым разъедает глаза, а гарь навсегда оседает в легких. Или сырость, от которой начинает гнить за ушами.

Вши, они заводятся от каждого дуновенья.

Еда, она всегда воняет железом. Потому что это консервы столетней давности, и иногда по вкусу трудно понять, где мясо, а где желье.

И безнадега. Такая, что иногда трудно передвигать даже ноги.

– Уже девять вечера, – сказал Егор.

Девять вечера. Время зажигать камин и варить в кружках какао, посыпать его тертым шоколадом.

– Тогда спать, – сказал я. – Егор, закрой дверь, проследи, ладно...

- Алиса не пришла.
- Алиса не пропадет, закрывай дверь.
- Как скажешь.

Егор отправился закрывать дверь. Я забрался в дальний угол, между двумя стеллажами, лег на пол лицом в бетон. Надо снять ботинки. Вообще-то спать босиком нельзя. Потому что в любой момент придется вскочить, придется бежать по стеклу, крошеному кирпичу и ржавым гвоздям.

Плевать. Я устал. Не хочу терпеть. Я сел и принялся расшнуровывать ботинки. Ноги воняли, в правом ботинке кровь. Кровь лучше, чем гной, может, еще зарастет.

Размотал портянки, лег на спину.

Уснул.

Там, на Варшавской, Серафима показывала мне книжку. Про то, как расширить пространство сна. Мне тогда это очень понравилось – весь день носишься, кого-то там убиваешь, или тебя убивают, поочередно, и тяжело, аж зубы крошатся. А ночью ложишься спать и отдыхаешь на каком-нибудь пляже, или плывешь на яхте через море, или луг зеленый – у нас нет никаких лугов, все заросли лесом. А на следующую ночь включаешь другое пространство – и так далее. Я попытался научиться этой технике, но у меня совсем ничего не получилось. Не так все развернулось. Вместо приятных пляжей и чистой воды мне стали сниться чудовища, новые и изощренные, и все они хотели жрать. Расширилось не пространство отдыха, а пространство кошмара.

Разбудил меня звонок. Будильник. Он подпрыгивал, бодал стену, невыносимая вещь. Какое счастье. Что ночью никто не пытался вломиться. Не было никаких сил защищаться. Сдохнуть. Сейчас бы шоколада, он улучшает настроение...

Пошевелил ногой. Не больно. Нога распухла, но не болела. Башня из кассет за ночь разрушилась. Наверное, опять землетряс.

– Мне мама снится, – сказал Егор. – Я ее совсем не помню, а сейчас вдруг приснилось. Тебе мама снится?

– Мне мертвецы снятся, – признался я. – Приснятся – и стоят, смотрят. Я думаю, что это все те, кого я убил. Много слишком. Ждут, твари.

Я попробовал надеть ботинки. Не лезли. За ночь ноги распухли и не входили в обувь. Я отвалился на спину.

– Что? – спросил Егор.

– Ничего. Не надеваются.

Егор промолчал. Мне неприятно было, что он видит меня почти в беспомощном состоянии.

– У тебя была мама?

– Наверное, – ответил я. – У всех есть, только не все помнят. Я не помню.

– Я тоже.

Егор принялся заводить будильник. Бережно, прикладывая его к уху.

Я лежал, прижимаясь затылком к полу. Плохо. Больно. Не в ногу, вообще. Не в первый раз. Жалость. Мне стало жаль. Себя, и Егора, и всех, кто остался, и кто еще будет, и Алису. На самом деле жаль.

Нам-то это за что? Грехи отцов, так, кажется. Они нагрешили так много, что хватит нам всем.

Жаль.

Сострадание.

Забавно. Год назад я был другой. Бестрепетный. Руки твердые. Сердце твердое. Сам здоровый. Праведный. Наверное, здоровье телесное как-то отрицает в человеке сострадание. Пока у него самого ничего не заболит, он так и не поймет.

Захотелось закурить. Никогда не курил и не пробовал даже, а тут что-то захотелось. Возраст.

Ботинки пришлось снова разрезать, правый, уже и без того изуродованный, в двух

местах. И перемотать проводом. Стал похож на оборванца, ничего, переживем, перетерпим.

– Нужно электричество, – сказал я. – Как твой папка собирался добывать электричество? Велосипедным способом?

– Не, из батарей. На улице полно машин, в некоторых аккумуляторы... В новых машинах, на электромоторах которые. В них аккумуляторы на медленном топливе. Большинство давно протухло, но некоторые еще пригодны, мы проверяли. Исправные надо разыскать, потому что техника работает от батарей.

Остаток дня мы собирали эти батареи. Возле телецентра валялось много машин, почти все в плохом состоянии. Аккумуляторы размещались под задними сиденьями, и достать их было сложно, приходилось курочить салон и двери. Сами батареи тоже тяжелые, даже вдвоем выдрать непросто, с восьмого раза только. А как достанешь, молотками по ней, по каждой не меньше пятнадцати минут и с постоянным усилием. После чего Егор цеплял к контактам крокодилы и щелкал ими друг о друга. Если проскакивали искры, батарея подходила, и мы волокли ее на четвертый этаж. Если искра высекалась слабая, мы лупили аккумулятор еще пять минут, после чего отправлялись к другой машине.

Удалось отыскать пять пригодных, каждая весила килограммов по пятьдесят. К вечеру у меня болела спина, нога отваливалась совсем, Егор поднадорвал живот и потирал теперь левый бок. Заперлись в монтажной. Закрылись на засов. Мне хотелось приступить к просмотру немедленно, но Егор заныл о желудке. Вспомнил, что у его дедушки была язва, а это очень тяжелое заболевание, требующее правильного питания, а хуже всего, что оно наследственное... Не стал спорить, язва заболевание серьезное. Поели кислой лапши, заморили язвенных червячков червячками китайскими. Я волновался.

Любой бы волновался. Мы мало что знали про предыдущий мир, особенно про его последние дни. Не осталось фотографий, не осталось записок, даже нормальных слухов не осталось. Огонь, вода, время, эта троица хорошенько поработала. И то, что здесь сохранилось хоть что-то, было просто чудом.

Теперь стоило заняться аппаратурой. В тележке собралось много оборудования. Маленькие ручные камеры, предназначенные для съемок в полевых условиях, легкие, приятно укладывающиеся в руку. Плееры с откидывающимися экранчиками. Отдельные мониторы, еще какие-то приборы со стрелками и кнопками, назначения которых я не знал, полагаясь в этом вопросе на Егора. Он не подвел, за час перебрал всю аппаратуру и составил цепь из аккумулятора, лампочки под потолком, монитора и видеоплеера. Разобрался со всем этим электричеством он ловко, то ли на самом деле наследственность, то ли хорошо читал инструкции.

– Готово, – Егор вытер руки о куртку. – Сейчас...

Он повернул переключатель, монитор засветился серым светом, и на нем возникли цифры.

– И что? – спросил я.

– Вот сюда надо давить, – показал Егор.

Я нажал на маленький черный треугольник, плеер пискнул, и на экранчике возникло изображение. Как настоящее. Да оно и было настоящее, жизнь, перенесенная на экран и даже раскрашенная, – никогда не видел таких ярких цветов.

– Ох... – выдохнул Егор. – Это же...

Та самая улица, на которой мы собирали батареи для камер. Только в этот раз она была настоящей, живой, такой, какой ее устроили сто лет тому назад. По ней в обоих направлениях неслись машины, разных форм и оттенков, у меня закружилась голова, у Егора, кажется, тоже.

Я никогда не видел столько движения. В том, старом, мире двигалось абсолютно все. Автомобили, люди, много людей, никогда не думал, что раньше жило столько людей и что они были так беззаботны, наверное, сразу тысячи человек, и тысячи машин, и в разные стороны.

И все без оружия.

И никаких следов разрушения. Мир был чист, и свеж, и красочен, и в нем хватало места всем.

– Это... это все не по-настоящему, – выдохнул Егор. – Я слышал, такое делали на компьютерах...

Камера поплыла над подвесной дорогой. По толстому рельсу прокатился остроносый голубой состав с расписанными вагонами, из окон торчали разноцветные флаги, играла музыка и...

Вышка. Она выглядела совсем по-другому. Красивой. Нарядной, сияющей свежей сталью. Под ней сияла свежей зеленью лужайка, лохматый молодой человек в легкомысленной белой рубашке впрыгнул сбоку и затараторил:

– Привет-привет-привет! Сегодня, в эту самую минуту мы наблюдаем финальный этап битвы экстремалов! В результате прошлогодней реконструкции высота башни увеличилась почти на восемьдесят метров, и теперь Останкинская является самой высокой в Европе. Именно это позволило провести в нашей стране Гран-при кубка мира по бейс-джампингу. На высоте пятисот метров смонтирована рампа, с которой участники...

Молодой человек затараторил еще быстрее, но я его уже не очень хорошо слышал, потому что смотрел.

Изображение медленно смещалось влево. Мы увидели основание вышки, под которым стояло множество людей, занимавшихся разными непонятными делами. Некоторые играли на чудных блестящих дудках, другие читали, но не книги, третьи ели непонятную еду, потом камера поползла по вышке, медленно, затем быстрее и еще быстрее, и за несколько незаметных мгновений она взлетела на чудовищную высоту. Никаких облаков не было, и я вот только сейчас увидел, какая это высь. Чудовищная, невероятная, нечеловеческая. Камера взлетела к этой самой рампе, и вдруг рядом с нами оказались несколько улыбающихся людей в синих шлемах и с плоскими ранцами за спиной.

Они улыбались, помахивали руками и ничуть не смущались высоты, раскрывшейся под ногами. Камера то и дело заглядывала в эту высоту, и у меня снова кружилась голова, потому что я реально чувствовал бездну.

Настоящую.

А потом эти люди рядом засмеялись и дружно прыгнули вниз, и камера прыгнула за ними, Егор ойкнул. Еще через несколько мгновений вокруг раскрылись сияющие парашюты, они выскочили из этих плоских рюкзаков и заполнили воздух прозрачной радугой.

Некоторое время мы сидели молча, раздавленные. Именно что так. Словно сверху на меня обрушилась стена, впечатала меня в грязь, и я уже не смог из этой грязи подняться. Тяжело. Заглянуть в глаза вечности и остаться стоять на ногах. Трудно. Ощутил себя... Даже не крысой, насекомым, живущим под доской, там, где проходит дорога. Услышал вонь, скопившуюся на мне, ненужную в нормальной жизни толщину сухожилий, кровь, безнадежно испорченную, неотвратимость смерти, которую я нес с тех пор, как достиг роста колеса.

Егор плакал.

Глава 13

Двадцать восьмая

Это была двадцать восьмая. Она не была подписана, на этикетке сбоку имелся рыжий отпечаток пальца. Егор забыл перемотать эту кассету и включил ее с середины. Чернота.

– Ничего нет, – сказал он. – Может, это не тот архив? Или не та полка?

– Та. Больше нет. А на этой две тысячи семьдесят третий год.

– Две тысячи семьдесят третий... – протянул Егор. – Интересно, какой сейчас?..

– Прошло три поколения, значит...

– А может, меньше, – возразил Егор.

– Не. Слишком быстро все позабылось. Вот Гомер, он не помнил, что мир был другим.

И Япет, а Япет совсем старый...

– А если у всех у них память стерло? Вот как у компьютеров – они ведь сгорели все от какого-то импульса. А если людям тоже память стерло? Тогда, может, все не так уж давно случилось...

Нет.

– Мы совсем не разбираемся во времени, – сказал Егор. – Мы даже не знаем, какое оно.

– Ты же повелитель будильников.

– Будильники – это совсем другое... Кажется, пустая. Кассета-то.

Егор постучал по монитору.

И тут же на экране возникло лицо. Крупным планом.

Девушка. Хотя сначала я не очень понял, что это человек, мне показалось, что кукла. Лицо было совершенно неестественным образом перекошено, правая часть сползала вниз, рот кривился в уродливой улыбке. Съемка велась откуда-то сверху и почти в упор. Снимали, кажется, в темноте. Некоторое время на нас смотрели расширенные глаза, затем они мигнули, и появилась рука, она зажала рот.

На лице зашевелилась жизнь, девушка задрожала и зажала рот второй рукой. Девушка зарыдала. Это происходило без звука, от чего по состоянию девушки можно судить было только по глазам.

В них пылал ужас. Я понял это сразу, я прекрасно разбираюсь во всех его оттенках. Через несколько минут девушка справилась с истерикой и прошептала:

– Они здесь... Они здесь...

Она оглянулась.

Оказалось, что она сидит в шкафу – сбоку в кадр влезли цветочные халаты и рыжая шуба.

– Они ворвались... – девушка вздрогнула. – Они... Они везде... Они убили Майкла...

Девушка вытерла пот со лба, прикусила губы и добавила:

– Они... Они, кажется, его съели...

– Давай посмотрим сначала, – предложил Егор.

Я согласился. Нажал на кнопку перемотки. Кассета зашелестела пленкой.

Мы просмотрели двадцать восемь кассет и посадили две батареи. Можно было смотреть и в темноте, но мне хотелось света. Егор нашел проволоку, прицепил ее к лампочкам, зажег свет. Неяркий, но пойдет, нечего палить карбид, где его потом раздобудешь?

На кассетах были разные истории из жизни. Простые, такие случались, наверное, каждый день. Вот пробило трубу, и вода затопила целую улицу, и машины пробирались по ней, как корабли через лед. Вот люди, нарядные, сидят за столами, едят рыбу, пьют из высоких стаканов оранжевый сок. Минут пять сидят, едят, пьют. И ничего не происходит. Ничего. А потом коровы. Много коров, бело-коричневых, одинаковых. Коровы располагались в стойлах и с любопытством смотрели на нас, а по трубопроводам бежало молоко, настоящее, а не искусственное, из разбавленного водой порошка.

Съемки с вертолета. Широкая дорога, заполненная машинами. Так много машин, что трудно сосчитать. Сразу в двух направлениях, едут со скоростью пешехода.

Какой-то праздник. Целая площадь народа в странных костюмах. Кто в коркодиле, кто в бабочке, кто обряжен в полосатые майки, кто в золотых масках, а на некоторых костюмы совсем уж непонятные, то гусеницы огнем пыляются, то шагающий нож. Ленты блестящие, воздушные шары, самолетающие фонари. Слоны. Неожиданно появились, самые обычные, серого цвета и некрупного размера, слоны дудели в трубы и подбрасывали в воздух конфеты, а дети, которых вокруг было очень много, эти конфеты ловили. И другие дрессированные животные, медведи, верблюды с высокими горбами и, кажется, тюлени, они сидели в походном бассейне и по свистку высовывались оттуда и жонглировали арбузами и дынями.

Сначала я планировал перематывать – ну, чтобы не терять даром ценного времени. Каждый плеер предусматривал функцию перемотки. Ускоренной, когда записанные события

мелькали на экранчике в суетливом порядке, да еще и задом наперед. Или совсем быстрой – когда скорость была такая, что изображение сливалось в сплошной черный фон.

Я хотел перематывать, но не удержался, и мы стали смотреть на прошлую жизнь. Понятно, она совсем не походила на нашу. Две самые непохожие жизни, какие только можно представить.

Праздники, оказалось, их было раньше очень много, сразу на нескольких кассетах праздновалось. Люди собирались в больших количествах, смеялись, ели пирожки, занимались самыми необычными делами и самыми непонятными делами. По дорогам перемещались машины, небо было заполнено летательными аппаратами, вертолетами и небольшими, маневренными дирижаблями. По рекам плыли белые кораблики с флагами, из-за крыш выставлялось колесо обозрения, в небе переливались золотые знамена, и везде, везде шагали люди.

Егор бережно менял кассеты. Третья, пятая, восьмая. Восьмая. Двадцать восьмая. Сначала девушка в шкафу, затем перемотали на начало.

Площадь. Она возникла как-то сразу, вдруг, точно прыгнула из монитора. Широкая, я никогда таких широких и не видал, дома на противоположной стороне выглядели совсем маленькими, почти игрушечными. Людей много. Очень много, наверное, несколько тысяч или даже несколько десятков тысяч. В руках флаги, воздушные шары, воздушные змеи и прочее снаряжение, непонятно для чего предназначенное. Люди размахивали всем этим добром и что-то пели, непонятное.

Появилась девушка в смешной треугольной шапке, та самая, только красивая и не в шкафу.

Девушка подпрыгивала от нетерпения и то и дело улыбалась. Кто-то щелкнул пальцами, и девушка сразу и безо всякой подготовки затараторила:

– Уважаемые зрители! Сегодня на площади Согласия проходит многотысячный митинг. Жители России выражают протест против запуска Ускорителя Тысячелетия. Как стало известно буквально вчера, Совет Безопасности санкционировал повторение Эксперимента. Мы видим, что граждане проявляют активную позицию. Это не случайно, все помнят, чем закончился первый Эксперимент, и опасаются повторения катастрофы. Если учесть, что мощность нового ускорителя возросла многократно, то кто нам может гарантировать безопасность?! Давайте узнаем мнение тех, кто пришел в эту солнечную субботу сюда, на площадь Согласия.

Девушка двинулась в толпу, подошла к нервному человеку в войлочном берете, в руках у человека была дощечка «Остановим Апокалипсис». И уже знакомый мне знак – птичья лапка в круге, только перечеркнутая красной полосой.

– Скажите, почему вы выступаете против Эксперимента? – бодро спросила девушка.

– Потому что это издевательство над природой и человеком! Нельзя изгибать под себя природу, Бог этого не потерпит! Нельзя лезть любопытными лапами в чрево матери! Есть предел Его терпению! Остановим Апокалипсис! Остановим Апокалипсис!!!

Это он уже выкрикнул.

Девушка двинулась дальше. Сбоку от нее шагал сутулый человек с надписью на спине: «БАК – Большая Адронная Кончалка», человек оглядывался, зубов у него не хватало.

Навстречу девушке выскочила восторженная тетенька с лохматой собачкой под мышкой.

– Я против! – выкрикнула тетенька. – Против! Это вызовет светопреставление! Ничего не останется! Ничего! Маруся тоже против!

Тетенька прищепила собачку, и та протестующее тявкнула.

Девушка продолжила углубляться в толпу, устремила к серьезному бородатому человеку, возле которого стояла другая девушка, тоже в треугольной шапочке, только пестрой расцветки. Наша девушка оттолкнула постороннюю девушку и уверенно заговорила с человеком:

– На вопросы наших зрителей отвечает лидер движения «Смерть Травы» Лавр

Продольник. Вы ведь отвечаете, Лавр Константинович?

– Пожалуй... – застенчиво согласился бородач. – Пожалуй, да.

– Что вы можете сказать по поводу предстоящего пуска Установки?

– Это фатальная ошибка, – сказал Продольник вредным голосом. – Ошибка, последствия которой придется расхлебывать нашим несчастным потомкам. Конечно, я не разделяю всего этого вульгарного алармизма... – Продольник сделал пальцем окружающий жест.

– Так вы полагаете, черной дыры не возникнет? – нахально перебила девушка.

Продольник презрительно ухмыльнулся.

– Но некоторые ученые предсказывают именно такой исход...

– Некоторые ученые всерьез ищут снежного человека, – перебил уже Продольник. – Некоторые ученые пользуют население коровьей уриной. Вы мне еще расскажите, что вселенная состоит из льда! Давайте говорить серьезно. Все эти сказки про рукотворную черную дыру, про конец света, про сопряжение пространств и вторжение чудовищ – не более чем страшилки для обывателя. Анекдоты. Конец света наступает здесь! – Бородач постучал себя по голове. – Гейнц с упорством слепца ищет доказательство теории струн. Он тешит свои персональные амбиции, на это уходят триллионы – вот где черная дыра. Безответственные инфантильные гении, возводящие ради удовлетворения своих извращенных грез фантастические карусели, – вот где чудовища. Мы построили самую дорогую в истории человечества игрушку – и послезавтра она будет запущена.

– А как же Частица Бога?

Серьезный Лавр фыркнул. Мне показалось, что он даже подпрыгнул от возмущения.

– Частица Бога?! Это же курам на смех! Частица Бога... А вы знаете, что три поколения Гейнцев состояли в секте сайентологов? Частицы Бога не существует! Это такой же дешевый миф, как темная материя! Они... – Человек махнул рукой куда-то в небо. – Они выдвигают бредовые теории, а потом мы за них вынуждены расплачиваться. Гейнц нанес мировой цивилизации урон больший, чем вторая Корейская война! Вы помните строку?! Многие до сих пор не могут разговаривать по телефону! В Лесото пятнадцать тысяч акров земли и сейчас не могут деактивировать! Три крупнейших медных рудника залиты водой, скоро придется медь с Луны завозить. Скажите спасибо Гейнцу! А Лю?!

Человек скрипнул зубами.

– У него гарем из сорока наложниц! Это аморальные люди. Судьба человечества находится в руках беспринципных типов! Неизвестно, что они собираются сделать!

Видно было, что человек начал злиться.

– Под Москвой система тоннелей, возведенная маньяком-сектантом и азиатским сифилитиком. Неизвестно, что в этих тоннелях, неизвестно, зачем эти тоннели. Я уж не говорю, сколько денег украдено во время строительства! Зато я знаю одно – гробы скоро подорожают!

Завыли сирены.

– Это полиция! – с неожиданной радостью произнесла девушка. – Обещали, что будут водометы! Мы в прямом эфире! Уважаемые зрители, сейчас вы станете свидетелями разгона мирной демонстрации! Правительству наплевать на мнение общественности! Мы против! Мы не согласны!

Показались черно-белые машины с пушками на крыше, я немного удивился, подумал, что сейчас начнется стрельба, но из пушек выплеснулась вода. Струи были настолько мощные, что сбивали людей с ног, некоторые поднимались. А другие так и оставались лежать, товарищи поднимали их и волокли в сторону.

Камера потеряла любопытную девушку и теперь снимала все подряд, суету, панику. Крики.

Затем кто-то девушку толкнул, камера попыталась за ней проследить и упала, на нее наступили.

А потом сразу шкаф. И девушка – насмерть перепуганная и бормочет непонятное,

темнота, крик.

Кассета закончилась, Егор поставил следующую.

Это было метро. Верхнее. Одна из станций, больших, видимо, какая-то из центральных кольцевых, тех, куда нет хода. Людей оказалось еще больше, наверное, несколько тысяч. Они стояли впритык друг к другу, так что казалось, что тут одни только головы и плечи. Эти люди дышали все вместе, потому что вразнобой они дышать уже не могли.

Камера висела над толпой, то ли летающая, то ли к потолку цеплялась. Сначала она просто ворочалась, потом появился голос. Нервический. Он сообщил, что им удалось перехватить сигнал со служебной камеры метрополитена, и добавил, что в настоящее время движение на поверхности парализовано беженцами. Кроме того, в связи с авариями на западных радиальных линиях центр перегружен. По непроверенным данным...

Толпа колыхнулась. Разом сместилась вперед, из тысяч легких выдавился выдох, стоявшие на краях завопили и стали падать на пути. И тут же с лестниц в зал вдавились еще люди, и те, кто свалился на рельсы, уже не смогли подняться, места у них совсем не осталось. Они подпрыгивали, пытались влезть на платформу, цеплялись за стоявших на ней и роняли их вниз, к себе. Народа все прибывало и прибывало, люди продолжали падать, кричать, а потом в левом тоннеле загудело и завизжало, и все шарахнулись прочь, возникла давка, загудело громче, и тут же на станцию ворвался поезд.

Поезд затормозил, но это было уже бесполезно, он врезался в толпу, смял ее, расплющил людей между вагонами, разметал по сторонам и растер по стенам. Масса на платформе подалась в сторону и вывалилась на противоположные пути. И тут же в них врезался другой поезд. Толпа оказалась зажата между двумя составами, машинисты открыли двери, и из вагонов стали выдавливаться люди, но толпа поднажала, и вагоны качнулись и впустили в себя еще немного. Те, кто хотел попасть внутрь и у кого это не получилось, протискивались в окна, забирались на крыши вагонов и пробовали втиснуться между ними.

Под потолком метался вопль, было видно, что некоторые люди в центре толпы уже умерли, их задавило насмерть, но они не могли упасть, болтались вместе с остальными.

Изображение сосредоточилось на этих мертвецах, на мужчине, с раздавленным лицом и выпученными глазами. Он стоял, запрокинув голову, покачиваясь вместе с остальными и прикусывая с каждым движением вывалившийся язык. Скоро он этот язык совсем откусил. Камера отвернулась и стала смотреть в стену, мелькнули чьи-то глаза, и начался другой рассказ. Голос объявил, что это репортаж.

Город изменился, как-то погас, посерел, утратил беззаботность и стер с лица детскую наивность. Воздух был заполнен вертолетами, их было так много, что я удивился – отчего они не сталкиваются? Боевые с острыми мордами и подвешенными под короткие крылья ракетами. И грузовые, с отвисшими животами, и разведывательные, маленькие и шустрые, сновавшие между своими большими братьями. Сам воздух изменился, он наполнился дымом, из-за крыш поднимались многочисленные черные столбы, подпиравшие небо, горизонт затянут красной лентой.

По улицам катили танки и бронированные автомобили, везде солдаты, так много, что нормальных людей среди них не проглядывалось. Камера висела над толпой, видимо, она крепилась на вертолете.

Вертолет поднялся над крышами. Я не узнал местность, город, какой-то из его многочисленных районов. Солдаты и техника двигались, наверное, в сторону центра. И вертолет полетел за ними. Все это не сопровождалось никакими словами, кажется, их просто не успели записать на пленку, просто звуки мира: рев моторов на земле и в воздухе, крики, сирены, далекий гул. Камера плыла над крышами и вдруг заволновалась, затряслась и стала набирать высоту, и в это мгновение что-то произошло.

Камера погасла, и некоторое время мы смотрели на мельтешение серых и белых линий, они походили на пеструю собачью шерсть, из которой вяжут носки.

Затем камера включилась, но теперь она не летала, а крепилась неподвижно, как мне показалось, на фонаре. Или на балконе, не так высоко. Улица та же самая, но теперь она

была погружена в панику. По асфальту бежали люди. Они спасались. То и дело оглядывались, падали, падали друг на друга, поднимались. Некоторые бежали порожняком, другие с сумками, с чемоданами, волочащимися на колесиках, с детьми на руках. Наперекор течению пробирались небольшие группы военных, не очень быстро, их то и дело сносило, но они упорно давили и давили.

На противоположной стороне на тротуаре сидел мальчик. Он, кажется, плакал, и никто не обращал на него внимания, все были испуганы.

Камера дрогнула, наверное, от взрыва, люди заспешили еще больше, а дальше произошло... В толпе появились чужие. Черные, похожие на быстрые кляксы, неуловимые осьминоги, только сухопутные, они набрасывались на людей, сбивали их с ног, в воздухе повисали кровавые фонтанчики.

Мне показалось, что они откусывают людям головы. Много и жадно.

Мальчишка закрыл лицо руками.

Выстрелы. Я сразу опознал игрушечные трели штурмовых винтовок.

Какая-то девушка схватила мальчишку за руку, и они побежали, смешались с толпой.

Солдаты стреляли много, и, кажется, не очень разбираясь.

Черные продолжали возникать, я не мог понять, откуда, то ли прямо из-под земли, то ли выскакивали из окон, они врывались в толпу, выхватывали из нее людей, и в воздух взлетали красные фонтанчики.

Как в книге про морских обитателей, так я подумал. Там была фотография, показывающая, как чайки нападают на косяк небольших рыбок, вроде бы они назывались сардинами. Падали с разгона, сложив крылья, втыкались в воду, выхватывали живое серебро и тут же жадно его проглатывали. А снизу несчастных сардин ждала другая напасть, длинные и острые рыбы выныривали из морской темноты, впивались в бешено вращающийся живой шар, рассекали его на половины, и в толще воды сияла чешуя.

Очень похоже. Люди были беспомощны, военные скорее мешали, они стреляли много и беспорядочно, однако вреда от них получалось больше, чем толка. Они попадали совсем не в тех.

Затем взорвалась граната. Толпу расшвыряло по сторонам, звук исчез, и сразу же последовал второй взрыв. Наверное, бочка с горючим. Или канистра с напалмом. Или зажигательная граната, я слышал про такие – сначала в воздухе распыляется огнеопасный газ, затем пробивает искра. Огонь растекся и всполз по стенам почти до второго этажа, и теперь улица напоминала чашу, в которой пылал огонь, люди продолжали еще шевелиться, шагали, падали, шевелились.

Это продолжалось долго, по счетчику камеры больше двух минут. Огонь не унимался, в домах вокруг начали трескаться стекла.

Глава 14

Призраки Рождества

– Ох ты...

Здание дрогнуло, с потолка просыпались лампочки, шлеп, шлеп, шлеп, как лягушка по стеклу. Землетряс. Стало надоедать. Еще толчок, я не удержался на ногах, даже костыль не помог, Егор ухватился за штырь в стене, устоял.

– Вроде не очень высокое... – сказал он. – Не должно обвалиться...

– Не похоже на землетряс, – сказал я. – В пятки обычно толкает, а тут вроде бы сверху... Сходи посмотри.

– Как?

– Ногами.

– Но...

– Сходи, сходи. Только осторожно.

Егор поморщился. А что, я же не буду всю жизнь за ним присматривать? Пусть и сам

что-нибудь сделает.

– Быстренько посмотри – и обратно. Чтобы я тебя не шлепнул, постучи три раза, вот так.

Я показал.

Что-то мне эти тряски надоедать стали, часто слишком. Еще на самом деле провалимся под землю. Кстати, может, другие районы города уже провалились, мы же не знаем. Вдруг и города уже никакого нет? Недаром ведь шахтеры наверх лезут, что-то их внизу совсем не устраивает...

Егор повесил на шею двустволку, набрал гранат, вздохнул тяжело и вышел. Понятно, после такого фильма кто хочешь испугается. Даже я испугался, совсем немного, на полную. Представляю, в каком состоянии были те люди. Жили себе жили, а тут сумраки и другие тоже, не лучше...

Я продолжил просмотр. Отрывки шли разные, как про обычную, прежнюю жизнь, так и то, что интересовало меня.

Несколько историй. Аэропорт, там тоже приключилось. Сначала люди пытались забраться в самолеты, их не пускали военные, но народу прибыло слишком много, толпа сдвинула танки и рванулась к летательным аппаратам. Начался штурм, несколько самолетов попытались взлететь и столкнулись в воздухе. Взрыв, пожар, но толпу это не напугало и не остановило, люди продолжили прорываться.

Площадь. Только теперь не праздник, хотя народа много. На площади делали уколы. Стояло несколько машин с красными крестами, развевались белые флаги с красными же крестами. К машинам тянулись бесконечные очереди в два человека, людям делали инъекции, после чего они шли дальше, а на одежде их красовался красный знак. От чего делали прививки, непонятно, наверное, от китайского бешенства.

Товарная станция. В вагоны грузятся хорошо одетые спокойные люди, усиленная охрана, кажется, утро. На заднем фоне звучат выстрелы. А люди грузятся, не спешат. Красивые собаки, диваны из полосатой кожи, лампы на тяжелых бронзовых подставках, картины, обернутые в бумагу. Статуи из белого камня. Коробки. Странное животное, с виду похожее на старинного бегемота, только ростом чуть выше колена. Эвакуация. Но не обычные люди, не простые, а руководство. Оно отступало. Переселялось в подземные бункеры или собиралось на космодром, чтобы улететь на Луну, а то и на Марс, к далеким звездам.

В дверь постучали. Условно.

Я открыл.

Егор. Запыхавшийся.

– Это они...

Егор плюхнулся на пол.

– Кто они? – спросил я.

– Китайцы.

– Опять?! – поразился я.

Егор помотал головой.

– Другие. Дирижабль зеленый. Они пытаются сесть на крышу, вот все и трясется. Дом ветхий, обрушиться может...

Я поглядел на кассеты. Много. Слишком много, с собой не унести. А если китайцы прилетели тоже за этим? За информацией? Они выгребут здесь все, и мы уже никогда не узнаем.

– Так... – Я прикусил губу.

– Что так?

– Сиди здесь. Сиди и никуда не выходи. Смотри кассеты. Если что интересное заметишь, откладывай.

– А ты?

– Я разберусь.

Подхватил двустволку, нацепил рюкзак. Хотел взять пулемет здешний, слишком тяжелый оказался.

– Зачем они опять?

Я не ответил. За своими товарищами или... Китайцы вполне могли интересоваться тем же, чем мы. Или...

– Смотри кино, – велел я.

И поспешил вниз. Стекло на входе хрустело невыносимо громко. Выглянул. Ничего. Не слышали. Ржавчина. Осторожно добежал до опрокинутого фургона. Выглянул снова. Дирижабль висел над квадратным прудом. Близнец того, которому не повезло с будильником. Только цвет зеленый. Покачивался, видимо, ветер.

До ближайшей опоры подвесной дороги совсем ничего, две перебежки. Рывок. Хорошо, про ногу почти забыл, некогда думать об отрезанных пальцах.

Дирижабль продолжал болтаться в волнах ветра. Далеко. Отсюда стрелять бесполезно. Перебежал до следующей колонны. Чуть ближе. Ладно, хватит, вряд ли удастся сбить еще один, два раза подряд не везет. Но сбить и не требуется.

Отвлечь.

В верхнем стволе бронебой, в нижнем гранаты.

Прицелился в выпуклое зеленое брюхо.

Начал с бронебойного. Выстрел.

Они даже не заметили. Скорее всего, пуля попросту застряла в хорошей керамической защите. Надо что-то посерьезнее, чтобы встряхнуть...

Тогда я выстрелил гранатой.

Это помогло. Дирижабль немного шатнуло в сторону, и я тут же всадил ему в пузо добавку. Второй взрыв оказался посильнее. Я выбежал из-за укрытия и послал вдогонку третью гранату.

Китайцы прочухались и стали набирать высоту. Вряд ли у них на борту имелось мощное оружие, воевать-то с кем? Я запрыгнул на крышу ближайшей машины. Чтобы стать виднее. Заорал погромче.

Кажется, заметили. Начали поворачиваться в мою сторону. Заинтересовались.

Я выстрелил еще.

В воздухе появились летуны с ранцами. Трое, всегда тройками летают. Уже веселее. Я пальнул два раза, не особо прицеливаясь, – все равно не пробить. Побежал вдоль дороги.

Дирижабль догонял. Я, здорово прихрамывая, вилял между машинами. Летуны держались высоко. Свернул вправо, стараясь держаться под воздушной дорогой. Подальше. Надо увести подальше от телецентра...

Они оказались передо мной. Вдруг. Сразу двое. Только что жужжали наверху, раз – и здесь. И третий за спиной.

И я прыгнул в люк.

В самый обычный. Для слива дождевой воды. Труба оказалась забита грязью, слизью и давно сгнившей дохлятиной, но мне было не привыкать. Вывалился в колодец, из которого трубы расходились на все четыре стороны света, я выбрал восток и сто метров грязи, смешанной с крысиными костями.

Снова колодец. С ледяной жижей, есть такое состояние, когда не разберешь – вода или лед, промежуточное качество, передохнуть. Ненавижу это все. Среди дохлых крыс сам всегда чувствуешь себя крысой. Почти дохлой, совсем немного до дохлой.

Холодно. Ледяной компот облип комбинезон, китайское изделие выдержало. Я попытался влезть по скобам.

Не получилось, каждая ступень оказалась покрыта толстым слоем льда, уцепиться не за что. Ножом лед не отковыривался, пришлось колоть прикладом. Куски били по голове. Так я поднялся на три ступеньки, когда почувствовал запах. В трубе воняло. Не обычной нашей мерзостью, приятным. Цветами, травой... В канализационной трубе не может пахнуть цветами и травой! Никак. Особенно зимой. Или у меня что-то с головой, или...

Газ. Вообще смертельный газ не должен быть вкусным, он прежде всего не должен никак ощущаться, я же его слышал превосходно. Надел противогаз. Газ хоть и китайский, а все равно газ, обязан задержаться.

Вдруг мне подумалось: а что, если это не просто газ? Если он еще и взрывается? Сначала травануть, потом выжечь и взорвать.

Стал долбить по ступеням с утроенной силой. Лед отслаивался мелкими кусками, руки примерзали, и кожа тоже примерзала к железу, отдиралась тонкими полосками, но боли я уже не чувствовал. Уперся затылком и плечами – смех, если наверху машина окажется, – но мне повезло, люк был свободен и даже не очень прижавел. Надавил на него закрывком, напрягся, правая нога поехала и заныла, я надавил еще, люк приподнялся и сдвинулся. Несколькими движениями сместил его вбок и выбрался на асфальт. Рядом стоял небольшой грузовик, закатился под него.

Дирижабль висел неподалеку. Меня не заметили, я пополз между машинами, и тут же рвануло, в небо бешено ударил столб малинового пламени. И еще в нескольких местах с ревом взлетели тяжелые люки, и вырвавшийся огонь нарисовал в воздухе знаки вопроса.

Доверяйте предчувствиям, останетесь живы.

Дирижабль стал набирать высоту. Летуны тоже, затем втянулись внутрь. Когда китайцы исчезли в облаках, я выбрался из-под ржавого железа и побежал обратно, к телецентру.

На четвертый, выставил растяжку, пролез под баррикадой. В монтажную, я как-то уже привык к этому месту.

– Это я! – сказал погромче, чтобы Егор с перепугу не всадил в меня разрывную.

Егор встретил меня у второй двери. Довольный какой-то.

– Тут это... – сказал он смущенно. – Совсем что-то...

– Что совсем что-то?

– Алиса. Она вернулась.

Алиса вернулась. Она всегда возвращается. Я к ней привык. Если Алисы нет где-то рядом, я чувствую себя беспокойно.

– Она вернулась – и что?

– Не знаю. Мне кажется, что-то ненормальное с ней...

Ненормальное. Она вообще вся ненормальная, от ногтей до кончиков волос.

– Она пришла и... – Егор не находил слов.

– Она на меня как-то не так посмотрела...

Егор прищурился, лицо у него получилось страшное.

– А потом ее стошнило.

– Как? – не расслышал я.

– Стошнило. Чернотой. Вонь стояла, я чуть не выбежал... А она меня схватила и флягу сорвала. С водой.

Алиса лежала возле стены. На полу. Спала. Дышала равномерно и даже вроде как чуть улыбалась.

– Она всю флягу выдула. – Егор постучал по бутылке.

– Алиса выпила всю воду?

– Да.

Интересно. Алиса стала пить.

– А потом ее еще раз стошнило, и тоже чернотой. А после этого завалилась. И крыса тут же извивалась где-то, Чапа. Она ее охраняет, кажется.

Я взял стул, сел рядом с Алисой. Спит.

– Еще... – Егор поежился. – Еще мне показалось...

Егор замолчал.

– Что тебе показалось?

– Она сказала... Что-то про дом.

– Сказала?!

Я скрипнул стулом по полу, вскочил.

– Ну да, сказала. Что хочет домой.

Егор вроде не шутил. Он не умеет. Алиса снова говорит. Да... Надежда навалилась на меня, и, чтобы не сглазить, я принялся Алису ругать, какая она наглая дура, приручила крысу, сама похожа на дохлого ежа, смотреть противно...

– Я тут еще... кое-что нашел, – сказал Егор.

Он положил передо мной пакет из толстого пластика. С квадратным плоским предметом.

– Что это?

– Я думал, что это сказка...

– Что? – спросил я. – Что значит сказка?

– Мой прадед... Или прапрадед, не знаю. Дельта-оператор, помнишь? Это тоже было зимой, только самой лютой. Они должны были улетать с утра, как раз началась эвакуация. А вечером они решили отпраздновать конец света. Елку нарядили, самовар, стали веселиться. А ночью к ним прибежал человек и сказал, что у него потрясающие известия. Что он знает причину всего этого кошмара. Он сам присутствовал при запуске, видел, как нажимали на кнопку...

Егор замолчал.

А я почему-то в первый раз представил эту самую кнопку. Большую, выпуклую, красную, это обязательно. Все должно начинаться с красной кнопки.

– Они бросили праздновать и стали смотреть, и тут нагрянули военные. Все испугались, а мой прапра спрятал кассету в снеговика, пока никто не видел. Солдаты стали спрашивать, начальника убили. А военные вывели всех на улицу, к пруду и расстреляли.

– А твой прадед, что, пуленепробиваемый оказался? – спросил я.

– Нет, его ранили, но добить не успели почему-то. Он хотел вернуться за кассетой, но тут его нашла бабушка, а дальше тоже не получилось.

– Почему раньше не рассказывал? – спросил я.

Егор пожал плечами.

– Потому что это сказка. Как про подарки из трубы. Трубный Дед, такого не бывает ведь. Мне отец говорил, что это все иносказательно, то есть могло и не быть вполне. А оно оказалось по-настоящему... И я не знал, что такое снеговик, я думал, ты врешь. Кто станет делать человека из снега? И потом, как снеговик мог не растаять за сколько лет... А он, оказывается, бумажный... А потом я думал, там послание мне найдется.

– Что?

– Послание. От предков потомку. А там нет ничего, кассета только.

Послание ему еще, обойдется без послания, слоногрыз.

– Смотрел? – спросил я.

– Нет, не успел пока...

– Надо посмотреть. Прямо сейчас.

– А китайцы?

– Китайцы... Я их отвлек. На некоторое время. Час, два. Лучше нам посмотреть – батарею с собой мы не сможем утащить...

– Можно утащить плеер, – сказал Егор.

Это верно. Но при нашей жизни такая хрупкая вещь, как плеер, надолго не задержится, а починить ее уже нельзя. Ни у кого не получится. Лучше посмотреть сейчас, здесь.

Я взял пакет. Он был запаян с одного конца, открыть его не получилось. Я попробовал срезать верхушку ножом, но пластик оказался неожиданно прочным, пришлось давить. Пакет вскрылся с трудом, из него тут же просыпались маленькие белые капсулы, я узнал их – защищали от влаги. Внутри пакета оказалась кассета. Идеально сохранилась. Как новая.

Разгадка.

Вот оно.

– Давай поглядим, – облизнулся Егор.

Вставил кассету в плеер.

Человек в марлевой маске. Высокие дырчатые стеллажи, на них разноразмерные коробки из одинакового картона. Кажется, склад.

– Съемка запрещена, – сказал человек шепотом. – На входе всех проверяют, запустили рентген, дураки, опасаются утечек. Я пронес все, что мне надо, еще полгода назад. Микрокамера с передатчиком, дистанционный рекордер с емким винчестером, микрофоны. А они проверяют. Потому что очень боятся неудачи – как-никак, восемь неудач. На затраченные на строительство Установки деньги можно было колонизировать Марс, так, во всяком случае, утверждают партизаны. Вчера прилетела международная комиссия, в ее составе семь нобелевских лауреатов, Лю Сан тоже, говорят, здесь. Если Установка не заработает, проект будет заморожен. Гейнц собирается дать полную мощность и пощупать-таки струны. Сейчас закрепим в пилотке...

Мелькание.

– Вчера, кстати, еле пробрался к терминалу, весь центр занят пикетами. Партизаны грозят терактами. Институт Курчатова неделю как блокирован, еду с вертолетов сбрасывают. Дурачье, какое дурачье... Они даже не подозревают, где находится вход.

Молчание. Какой-то скрежет, затем шепотом:

– На всякий случай – западный терминал...

Изображение исчезло.

– Стер, – сказал Егор. – На всякий случай.

– Дальше смотрим.

Изображение проявилось.

– Электромагнитные поля, техника работает нестабильно, прошу извинить. В конце я нарисую точную схему прохода к Западному Детектору. Сейчас...

Появилась рука с часами.

– Через два часа начнется. Партизаны уверяют, что сегодня состоится Конец Света. Даже страшно – ау-у-у-у... В преддверии Конца Света хочу тебе признаться, Света... Ладно, пора. Я должен присутствовать в ЦУПе. Переключаемся...

Изображение перескочило. Теперь мы двигались по туннелю. Я его узнал – Нижнее Метро. Только новое. Блестящее. Навстречу попадались люди на странных двухколесных самокатах, они приветливо махали нам руками, показывали что-то. Я отметил, что перемещение по тоннелю происходит вполне себе свободно, видимо, злая энергия еще не запущена.

Снова перескок.

Тот же туннель, только никто уже не едет, идут пешком вдоль трубы. Беседуют. О какой-то ерунде по большей части. О новых аккумуляторах, о том, что Семакову студенты подарили змею...

Постепенно мы отставали. Рядом шагал рыжий человек, в халате, в каске, как все остальные, с бородой, – тут было много бородатых, с гигиеной все в порядке, можно бороды распускать. Рыжий рассказывал про рыбалку. Как он с неким деверем отправился в выходные на Клязьму, там сейчас жор. Затем он резко остановился и сказал:

– Послушай, Белов, а как же традиция?

– Какая традиция? – не понял носитель камеры, Белов. – Шампанское о форштевень?

– Можно сказать, и шампанское. Меня один старый физик научил. – Рыжий огляделся. – Чтобы все получилось, надо посрать на ускоритель, – сказал он.

– Что?

– Посрать на ускоритель, Ландау так всегда делал. Как построят где реактор новый или ускоритель, так его сразу туда и приглашают. Чтобы он помочился наудачу. Как помочится, так все обязательно хорошо пройдет, открытий разных понасовершают, собаку в космос запустят.

– Ты что, Ландау? – спросил Белов.

– Каждый из нас внутри немного Ландау. Брось, Белов, это традишн. Давай.

– А если замыкание?
Рыжий расхохотался.
– Если случится замыкание, то ты, Белов, вознесешься на небеса самым оригинальным способом.

Глава 15

Возможность восемнадцать

– Это же... – Егор вскочил.
– Тихо, – приказал я. – Сиди смотри.
Я их тоже узнал. Те самые, фотографию которых показывал мне отец Егора. Люди. В касках, в халатах. Даешь Частицу Бога!

Только теперь они стояли не возле гигантской ноги, а в огромном закрытом помещении. И еще народу было много вокруг, но эти были самыми главными. За их спинами помещался...

Я не знал, как это назвать. Размером, пожалуй, с двенадцатизэтажный дом. Наверное, все-таки прибор, слишком много торчало из него научных штырей, трубок, кабелей и прочих приспособлений, к нему крепилось два лифта и одна большая платформа. По этому прибору ползали люди в синих комбинезонах, на фоне стальной махины похожие на муравьев.

Рядом с основанием установки сверкал стеклом накрытый стол. Бутылки, ведерки, нарезанный хлеб, высокие стаканы, даже свечи горели. Праздник. Настоящий и бесповоротный.

Толстый человек с толстыми седыми усами постучал по бокалу, остальные белохалатники повернулись к нему.

– Минуточку внимания, коллеги! – сказал он мягким голосом. – Минуточку!

Все повернулись к усатому.

– После четырех лет подготовительных работ, отладки оборудования и экспериментальных пусков... после месяцев труда, после бессонных ночей... После жертв...

Толстяк растроганно замолчал, достал платок. Его оттеснил другой, прямо противоположный, тощий и отчетливо желтый.

– Не будем о грустном, – сказал желтый. – К сожалению, прогресс, будь то прогресс научный или прогресс социальный, он требует жертв. Завтрашний день... Его не приблизить, обложившись подушками. И хватит об этом. Сегодня – это сегодня. Если вы помните, запуск Большого Адронного Коллайдера, состоявшийся еще в две тысячи десятом году, должен был ответить на несколько важнейших вопросов. Большой Взрыв, бозон Хиггса, теория суперструн и еще с десятков, не буду их перечислять, вы о них сами знаете. Я не сомневаюсь что в результате сегодняшнего эксперимента мы совершим прорыв. Реальный прорыв, я ничуть не преувеличиваю. Вскоре мы получим ответы на основные вопросы бытия...

Желтый задумался, остальные почтительно слушали.

– Человечество с первых своих шагов стремилось к знанию. Узнать, что на другом берегу, спуститься на дно пещеры, заглянуть за горизонт, долететь до Луны – на этом построена наша цивилизация. Любопытство – вот что отличает человека от животного. Животное довольствуется своей норой, человек стремится расширить свой дом до границ Вселенной. Это заложено в нас Создателем. Нам интересно. Из чего построен мир, и как он построен, и есть ли другие миры рядом. Теория струн, бозон – это, в сущности, частности, шаги, ступени. Мы стремимся к большему, к тому, для чего мы, собственно, и были предназначены. Наша задача – узреть в сумраке Хаоса следы Его пребывания. – Желтый выразительно указал пальцем в потолок.

– Там, среди россыпей звезд, среди океанов огня, среди света Он ждет нас, я в этом уверен. Именно сегодня начнется завтра. Потому что сегодня мы заглянем в глаза Господа.

Все захлопали.

Желтый поднял пузатую бутылку, затем, к моей полной неожиданности, грохнул ее о

железное основание. Бутылка разлетелась на мелкие сияющие осколки, брызнули искры, что-то хлопнуло наверху, сверху упали блестящие полосы, и просыпался бумажный дождь.

– А теперь пройдемте в ЦУП, – сказал желтый.

Перескок.

Мы очутились в блестящем чистом зале, с мягкими креслами, с многочисленными мониторами, с большим центральным пультом, на котором мигали лампочки и колыхались стрелки. В зале было полно народа и уже никто не смеялся, все были сосредоточены и заняты своим делом.

Вновь появился рыжий, тот самый, который мочился на ускоритель.

– Белов!

– Да?

– Ты ведь снимаешь?! – прошептал рыжий секретным голосом. – Белов, ты снимаешь? Я же знаю, ты протащил камеру...

– Заткнись! Заткнись, кретин!

– Да ладно, не дергайся, я не придурок. Сними меня на фоне Гейнца, – прошептал рыжий. – Потом буду детям показывать. Как это он – «заглянем в глаза Господа»... Масштабно мыслит. А я вот о чем думаю: если бозон действительно выделяют – мы же разбогатеем все, наверное. Гейнец обратит песок в чистый палладий и выдаст каждому по пуду.

– Обратит, – согласился Белов. – Но не песок, и не в палладий, и не каждому... Слушай, ты же ученый, а рассуждаешь, как бакалейщик. Мы вот-вот пойдем, как возник мир, а ты мечтаешь о каком-то палладии...

– Мой папа держал сосисочную и всю жизнь мечтал о палладии, ничего не могу с собой поделаться, увы. Так что сними меня с Гейнцем, я сейчас встану...

Рыжий сместился правее, и в поле зрения попал длинный и желтый. Гейнец. И надпись на стене: Центр Управления Потоком.

Длинный и желтый чесал подбородок и изучал записи в пухлом блокноте. На блокноте был знак птичьей лапки, вышит золотом.

Рыжий сделал серьезное лицо, изобразил на нем раздумье.

Неожиданно резко зазвонило, после чего приятный женский голос произнес:

– Готовность третьего уровня.

Все присутствующие почему-то посмотрели вверх, а затем на желтого Гейнца.

– Сергей Васильевич, – сказал благообразный дедушка. – Мне кажется, пора начинать.

Гейнец кивнул.

– Да, конечно...

Он сунул руку в карман халата и достал молоточек желтого цвета, и все уставились на этот молоточек, сам же долговязый Гейнец посмотрел на молоточек с сомнением.

– Коллеги, – сказал он задумчиво. – Коллеги, мне кажется... Мне кажется, надо не так. Мы все приложили к этому руку, и пока еще неизвестно, кто больше. Я не могу брать на себя... Давайте все-таки жребий.

Несколько человек попробовали не сильно возмутиться, но Гейнец остановил их жестом руки. Все послушно замолчали.

Он вырвал из блокнота листок и аккуратно разделил его на мелкие части, снял с головы каску, вбросил дольки туда, встряхнул. И отправился с каской по кругу. Каждый вытаскивал маленький листочек, пожимал плечами, или улыбался, или мотал головой. Гейнец обошел круг, протянул каску. Рыжий вытянул, вздохнул. Гейнец протянул каску Белову. Белов вытащил крестик.

Интересно как. Камера вроде как в пилотке, а видно почти все вокруг. Чудо техники. Умели раньше делать...

– Поздравляю, – сказал Гейнец. – Вы войдете в историю.

– Я знаю... – прошептал Белов.

Рыжий хихикал.

Гейнц протянул Белову золотой молоточек, затем отошел в сторону и стал у стенки. Все смотрели на Белова.

На меня.

Я почувствовал. Как через много лет, через электрические вспышки внутри плеера, я почувствовал, как они смотрят на меня. Вот этот Гейнц говорил про потомков, которых они собирались осчастливить. Я вот как раз тот самый потомок, только особо осчастливленным я себя не чувствую. Хотя они наверняка хотели как лучше. Все эти, ученые.

Белов, наверное, ощущал ответственность.

Ее ощутил и я. Как ни странно.

Дедушка улыбнулся, взял Белова за руку и проводил к пульту.

Кнопка. Забранная прозрачной хрустальной сферой.

Два звонка. Все вздрогнули.

– Готовность второго уровня, – сообщил голос.

Присутствующие принялись занимать свои места за компьютерами и пультами.

Некоторое время не происходило ничего. Я думал, что будет гудеть. Такие большие научные приборы должны гудеть. Но гудения не слышалось.

– Почти половинная мощность, – сообщил дедушка через некоторое время.

Белов поглядел на Гейнца. Тот продолжал стоять у стены.

Началась перекличка. Ученые обменивались вслух непонятным, Белов смотрел на них. Рыжий то и дело помахивал Белову. Белов разглядывал молоток.

Это продолжалось больше часа.

Перекличка, молоток, рыжий.

Мы с Егором смотрели. Почти не дышали. Что-то вот-вот должно было случиться. Я знал это, и Егор это знал, будущее, такое, каким знали его мы, приближалось. А они не знали.

Частица Бога.

Которая сама все наладит. Земля начнет плодоносить, воды станут чисты и прозрачны, воздух будет пахнуть дождем, а люди позабудут все свои темные мысли...

Будущее приближалось.

Кажется, я начал читать тропарь, не помню, какой именно, да и не важно какой. Егор прикусил губу, да и я тоже, сердце не стучало, уже почти выпрыгивало, било в голову толчками. Я отвернулся и стукнул себя по носу, бережно, аккуратно, чтобы не сломать. Кровь брызнула, потекла, через минуту мне стало легче.

Я представил, что ощущали они.

Иногда Белов смотрел в сторону Гейнца. Тот выглядел спокойно и даже невозмутимо. Если это был он... Тот человек, который опрокинул мир... Не похож. Он должен выглядеть по-другому. Страшно. Сатана обязан иметь все присущие ему причиндалы – обилие клыков, шипов, пластинчатый панцирь, рога, ну и хвост. Но этот был слишком обычный, желтый только, наверное, от того, что много думал. А когда враг рода человеческого сам человек и есть, когда он даже не знает, к чему это все приведет.

Страшно.

Мы молчали. За весь этот час мы не произнесли ни слова, смотрели.

Прозвонило три раза.

– Готовность первого уровня, – объявил голос.

– Время пришло, – прошептал дед Белову. – Вперед.

Гейнц кивнул. Все снова устались на Белова. Он потрогал голову. Изображение дрогнуло.

Интересно, а если бы они обнаружили маленькую камеру, спрятанную в пилотку? Мир бы устоял?

Дурацкая мысль. Но вполне нормальная. Это могло случиться. Белов мог уронить камеру, и тогда...

Я почувствовал, как рот наполнился солью, видимо, я тоже прикусил или язык, или

щеку.

– Восемьдесят процентов, – сообщил дед громко. – Установка выходит на пик. Белов, начинайте.

Молоточек. Белов протер его о рукав. Колпак из полированной стали. Белов снял колпак. Под ним обнаружилась прозрачная хрустальная сфера, Белов потрогал ее пальцем. Разбил хрусталь.

– Начинаем обратный отсчет. Девяносто девять...

Белов скрипнул зубами.

И Егор тоже. Наверное, и я.

– Девяносто два, – произнес голос. – Девяносто один...

Отсчет. Обратный отсчет.

Мы видели кнопку. Красную и выпуклую, в осколках стекла.

Большую Красную Кнопку.

– К черту отсчет, – сказал Гейнц. – К черту дешевый драматизм, Белов, нажимайте.

– Но...

Белов посмотрел на свою ладонь.

– Нажимайте.

Белов нажал на кнопку.

Камера погасла.

Темно.

Запись возобновилась через тридцать четыре минуты.

Тишина. Первое, что я услышал. Тихо. Звук растворился. Это был все тот же зал. Центр Управления Потоком. Но в нем произошли перемены. Суeta. Паника. Ученые носились по нему, перепрыгивали от компьютера к компьютеру, нажимали на кнопки, кричали, толкали друг друга, снова кричали. Без звука, звук ушел.

Дед лежал на полу, халат его был перемазан кровью, кроме того, из-под него тоже растекалась кровь, черной лужей.

В воздухе, примерно в метре от пола висела кружка. Просто висела, безо всяких причин, медленно переворачивалась.

Рыжий прилип к компьютеру, бил пальцами по клавишам и оглядывался. Он постоянно оглядывался, с ужасом, каждые несколько секунд.

Гейнц стоял у стены и задумчиво листал свой блокнот. Наверное, это было самое дикое. Слюнявил палец, переворачивал страницы, покачивал головой, почти незаметно, краешком губ, улыбался.

– Ты видишь? – спросил Егор.

– Кружку?

– Нет, слева.

Я посмотрел в левую часть экрана. Там что-то происходило. Мельтешение какое-то, словно кто-то невидимый уцепил экран за край и стал его натягивать.

И вдруг замерцало, по-другому я не могу это назвать, именно замерцало. Но не светом, а... Вот если поймать шершня, но не прихлопывать сразу, а взять за пузо и глядеть на мир сквозь мельтешенье его крыльев. Сначала вроде бы все как оно и есть, а затем начинает медленно расплываться, как бы утрачивая внутренние связи, затуманивается, даже солнце. Вот и здесь. Изображение ЦУПа расслаивалось на нити, тонкие, как волосы.

А потом, разом, точно прорвался надутый до звона пузырь, ворвалась мгла. Густо-бордового цвета.

– Все? – спросил Егор. – Что произошло? Кассета остановилась?

– Вертится... А не кажется.

– Нет никакого изображения, цифры не скачут... Перемотаю лучше.

Егор нажал на кнопку, дождался, пока цифры опять не запрыгали.

– Опять ни черта не видно... Два с половиной часа прошло. Сейчас налажу...

Егор принялся вертеть какие-то ручки на плеере, и через несколько секунд появилось

мутное изображение, сделанное точно через красное стекло.

Рыжий. Он стоял у стены, прижимая к груди руку. То есть он держал в правой руке свою левую руку. Оторванную. По белому халату расплзалось пятно. Рыжий трясся.

Егор покрутил еще, и появился звук, красная муть немного убралась, и стали различимы цвета.

– Брось... Брось ее!

– Не могу, – ответил рыжий. – Не могу...

Белов отобрал руку, замер. Он не знал, что с этой рукой делать, выкинуть было неудобно, и, немного подумав, Белов вернул руку рыжему.

– Сделай еще укол, – попросил тот. – Боюсь я, не вытерплю...

– Осталось три ампулы, – ответил Белов. – Какая-то сволочь распотрошила аптечки...

– Пирожкин... Торчок проклятый, хвастался.

– Должно хватить до поверхности. Я с анальгином смешал.

– Все равно больно, – рыжий погладил руку. – И в башке что-то... Муть... А сначала ничего не почувствовал, чудно...

– Ты видел, кто это?

– Нет, – рыжий помотал головой. – Нет, оно... Что это?

– Не знаю. Надо уходить. К лестницам.

Они двинулись по коридору. Белов шагал первым, оглядывался. Рыжий отставал. Боль он начинал чувствовать, он стонал и запинаясь. Коридор выглядел необычно. Неровный и косой, точно его слегка сплющило с боков и подперло снизу, поломанный и скрученный.

– Оно прыгнуло, ты видел? – спросил рыжий. – Ты видел, как оно разорвало Дежкина?

– Да...

– Что это?!

– Не знаю... Надо выбираться на поверхность.

– Нужно оружие... Откуда у нас оружие?..

Коридор расширился, и они воткнулись в велосипеды, много, целый завал, стали пробираться через них, и в самом велосипедном разгаре встретили трупы. С вывернутыми конечностями. Рыжему было трудно преодолевать велосипеды, он дважды терял руку, и Белову приходилось ее доставать, потому что без руки рыжий начинал плакать.

За велосипедами обнаружился холл, квадратный и широкий, перевернутые диваны и снова трупы, все в белых халатах.

– Вода из аквариума исчезла, – прошептал рыжий. – Рыбки исчезли...

Белов подошел к стене.

– Правильно, – сказал рыжий. – Пожарный кран. Там топоры. И багор, мне нужен багор...

Белов открыл ящик, достал топор.

– Багра нет.

Рыжий поглядел на руку, зажал ее под мышкой, снял часы, спрятал в карман. После чего убрал руку в пожарный ящик и закрыл ее.

Я чуть не засмеялся. Я прекрасно понимал, что сейчас, вот прямо на моих глазах уничтожается история. У нашего мира была своя судьба. И вот эта судьба запнулась о кочку и скатилась в канаву. Самый важный момент во всей истории человечества. А какой-то человек был сильно озадачен тем, куда пристроить свою оторванную руку.

– Смотри... – прошептал рыжий. – Там, возле двери.

Белов посмотрел.

Из стены торчали ноги. Обычные человеческие ноги, в ботинках, на правом развязанные шнурки.

– Там их раньше не было, – сказал рыжий. – Ног.

Он опустился на пол и заплакал.

Белов вздохнул. Он направился к высокому железному ящику, осторожно перешагивая через мертвецов. В ящике хранились бутылки, только достать их у Белова не получилось,

тогда он вдруг впал в ярость и разрубил ящик топором. На пол просыпались бутылки и жестяные банки, Белов поднял банку, вскрыл, но напиток не смог, отбросил в сторону. И его тут же стошнило.

– Я тоже... – прошептал рыжий. – Тоже хочу... Пить...

– Это не вода!

Белов открыл еще несколько бутылок и банок, и все были непригодны, Белов отбрасывал их с видимым отвращением.

– Эй, Белов, слушай...

Белов приблизился к рыжему.

– Есть система, – рыжий вытер нос. – Мы монтировали ее почти пять лет. Над нами почти километр технических сооружений. Три градирни – сам знаешь, сколько тепла выделяет Установка. Между теплообменниками баки... Это даже не баки, это почти водохранилища, в каждом может подводная лодка развернуться... И шесть газгольдеров. Система безопасности...

– Зачем?

– Затем. Затем! Они хотели все предусмотреть... Все были детьми...

Рыжий закашлялся.

– Все были детьми, все смотрели фильмы ужасов. Если что-то пойдет не так, сначала в тоннель пустят газ, затем пойдет вода. По спиральным трубам, смешиваясь с сухим раствором... Это старый фокус, Белов...

Фильмы ужасов?

Мы с Егором переглянулись. Фильмы ужасов. Зачем делать фильм, от которого страшно? Предкам не хватало ужаса в жизни, и они придумывали его специально. Хорошо жили, но хотели еще лучше жить, не надо стремиться к лучшему, надо сберечь хорошее.

– В случае, если что-то пойдет не так, они зальют Установку бетоном. Во всяком случае, детекторы и выходы.

– Что значит не так? – спросил Белов. – Они что, не были уверены в результате?!

– Зомби... – хихикнул рыжий. – Черная дыра, экспедиция в преисподнюю, Дум Два, кина, что ли, не видел? Там всегда опаздывают... Надо вакуумную бомбу кидать, а они мирных жителей жалеют. Спецназ высылать, резать инфицированных из огнеметов, а они о гуманизме... Вот и сейчас, кажется, опоздали...

– Почему?

– Потому что мы еще живы...

Рыжий посмотрел на потолок.

– Мы еще живы. А Установка работает. Контуры должны были разомкнуть, там пять кубов гель-взрывчатки.

– Что?! Там гель?!!

Рыжий кивнул. Белов потер виски, даже почесал.

Мне нравились эти люди, я успел это отметить. Они оказались в пугающей ситуации, вокруг трупы и вообще черт знает что, тьма и трепет, один даже руки лишился, а паниковали совсем недолго. Вот уже сидят, пытаются решить проблему.

– Они же смотрели фильмы ужасов, все, особенно... Гагарин, восьмая директива...

– Что?! – Белов вздрогнул.

– Гагарин распорядился, лично. Пить охота... Служба безопасности, Гейнц не в курсе. Ты же знаешь, все военные параноики, они протащили почти пять кубометров геля в армейских термосах. Я обсчитывал криоконтуры. В случае непредвиденной ситуации емкости с гелем отключаются от питания, и через полтора часа взрыв...

– Сколько прошло?! – насторожился Белов.

– Почти четыре. Ничего не получилось, Белов. Газ, бетон, гель-взрывчатка, ничего не сработало. Ученые не смогли остановить Поток, Гагарин не подорвал гель... Много случайностей...

– Слишком много, – сказал Белов. – Для обычного-то эксперимента... Почему

остальные не знали? У нас под боком гелевая бомба, а мы... А если она сейчас взорвется? Полгорода рухнет в расплавленную яму...

– Бомба прервет Поток. Механически.

Рыжий сложил кольцо из двух пальцев, разомкнул его.

– А Гейнц ошибся, – рыжий плюнул черным. – Ошибся, все развернулось просто ужасно, он гений, а облажался... Так обгадился...

Они уставились друг на друга.

Рыжий расхохотался. С безумием, видимо, все-таки заражение. Я видел такое – утром человек царапается о старую кость, или на гвоздь наступает, или заноза, а вечером столбняк, а к утру все, уже пятна по шее.

– Насколько я знаю, Гейнц не ошибается, – негромко сказал Белов. – Во всяком случае, он ни разу не ошибался за тридцать с лишним лет, никогда. Все ошибались, только не он.

Оба замолчали, и молчали долго.

– Ты хочешь сказать, – начал хрипло рыжий, – ты хочешь сказать, что Гейнц это предвидел?

– Ты сам говорил, что он какой-то сектант.

– Сайентолог, – поправил рыжий. – Сайентолог... Ты хочешь сказать, что он это специально?

Хорошая все-таки техника – слышно каждое слово, сто лет прошло, а все равно каждое слово, точно эти люди стоят вот тут, рядом, руку протянуть.

– Легко, – сказал Белов. – Частица Бога... А что, если ему плевать было на бозон? Плевать на струны? На этот твой гамма-всплеск плевать?! Если он хотел как раз все это устроить? Из любопытства? Помнишь его зеркала? Придумал жидкие зеркала и чуть не обвалил мировую экономику! А потом выяснилось, что он всего лишь хотел сделать каток для своей дочки! Каток из бутылки – и летом и зимой, при любой температуре – свинтил пробку, разлил – и катайся. Только перестарался, эти катки были настолько скользкие, что на них не могли даже хоккеисты удержаться... Так что с Гейнца могло стать. Мы все думали, что он готовит прорыв в науке, а он на самом деле... Собирался построить гигантский миксер...

– И взбить яйца. Это у него получилось. Таким, как Гейнц, на все плевать. Ты видел, чем он занимался, когда все это началось?

– Блокнот листал.

– Он рисовал чебурашек, – прошептал рыжий. – Он в свои блокноты никогда ничего не записывает, он в них чебурашек рисует. Тощих, толстых, косоглазых. У него почти две тысячи блокнотов с чебурашками. Дело, на которое многие потратили полжизни, летело к черту под откос, а Гейнц рисовал чебурашек!

Рыжий прижал к себе руку.

– Он рисовал чебурашек... Что-то я устал, Белов, а?

– Пойдем.

Белов попытался поднять рыжего, но тот осел тяжелым мешком. К стене. Глаза его собрались к переносице, остекленевшие, с расплывшимися зрачками. Он умирал, это было сразу видно. Потеря крови. Страх. Страх вернее, видно, когда человек умирает от страха.

– Пойдем, – сказал Белов. – Надо выбраться на поверхность.

– Я останусь. Останусь...

– Я тебя вытащу.

– Идиот! – скрипнул зубами рыжий. – Не это важно...

– А что? – спросил Белов.

– Надо разомкнуть... прервать Поток...

– Надо выбраться...

Рыжий застонал.

– Выбраться потом, ты успеешь выбраться, там есть боковая шахта!

Это он почти крикнул.

– Главная градирня, – сказал рыжий уже тише. – Бомба под ней. Двадцать баллонов. Система охлаждения дублирована, замкнутый цикл, может пятьсот лет работать. Надо просто все сломать. Топором или кувалдой. Затем к лифту.

– Лифты вряд ли работают, все вспомогательные системы отключены.

Рыжий застонал.

– Это уж точно, лифты сдохли. Там есть зеленая лестница, по ней не ходи, Гагарин шизофреник, кто его знает, мог и заминировать... Справа зеленая лестница, по ней не ходи. Уйдешь через грузовой лифт, там внутри есть лесенка. Это тяжело, но ты вылезешь.

Белов постарался поднять рыжего еще раз, но тот рыкнул и отполз в сторону.

– Прекрати, – попросил Белов. – Это же пошло. Ты сам говорил про кино, а мы не в кино. Брось, пойдем, надо спастись.

– Я не влезу.

– Посмотрим. Нельзя так.

– Ладно. – Рыжий кивнул.

Глаза у него блестели, даже сквозь бурую полумглу это вполне различалось. Заражение. Если руку ему на самом деле отхватила тварь, то в рану могла попасть слюна или яд, такое бывает от укуса кенги. И руки они любят откусывать, вообще всякие конечности.

– Ладно, – повторил рыжий. – Ладно, попробуем.

Белов вытащил рыжего с пола, и они двинулись дальше.

Коридоры. Широкие, и узкие, и поломанные. Неяркий свет, мельтешение под потолком. Трупы. Много, и не все целые, некоторые по частям. Живых не было почти, встретили одну женщину, она, кажется, сошла с ума. Бросилась на Белова со стулом. Сначала он пытался ее образумить, старался поймать за руки, но женщина вырывалась, царапалась и визжала, тогда Белов выхватил у нее стул и ударил им. Кажется, голову проломил. Во всяком случае, женщина больше не поднялась.

– Это... – рыжий посмотрел на женщину. – Это, кажется, Сильверстова, она от РАН здесь, наблюдателем... А ты ее убил табуреткой.

Рыжий болезненно расхохотался.

Вполне может быть, газ все-таки пустили? Какая-нибудь антишоковая смесь, с какой радости они так беспечны? Ничего вроде пока смешного не происходит. И этот рыжий, почему он от боли не стонет?

– Все равно она лесбиянка... – рыжий плюнул. – Была... Пойдем отсюда, пойдем...

Снова коридоры. Кабели на стенах, лампы под потолком. Велосипеды, но редко. Брошенные вещи. Громкое дыхание. Отчаянье.

– Странно, – сказал рыжий. – Почему все умерли, а мы нет? А?

– Повезло, – ответил Белов. – Иногда везет.

– Я математик, я в везенье разбираюсь. С точки зрения математики, везенья просто не существует... У меня ноги дрожат, ремень ослаб...

Рыжий принялся перетягивать ремень на обрубке руки. Крови он потерял, наверное, много, но пока держался.

– Тупик, – выдохнул Белов.

Коридор обрывался. То есть вот только что он был. И все, земля, она высыпалась, вдавливалась внутрь.

– Это еще что... – Белов подобрал комок, понюхал. – Земля. На самом деле земля, самая настоящая...

– Наверное, оползень. Вибрации вызвали смещение... коридоры срезаны. Надо в обход, – сказал рыжий. – Надо вернуться и в обход.

Они двинулись обратно и стали искать обход. Три коридора, и каждый обрывался землей. Белов молчал, рыжий болтал и просил пить. Они встретили еще несколько стеклянных шкафов с водой, но вода в каждом оказалась непригодной, в одном из коридоров кабели были разрублены, сыпалось электричество, что-то горело, дым стлался по полу почти до колен, Белов достал фонарик.

– Кажется, тут свободно, – прошептал он. – Земли нет.

– Почему ты шепчешь?

– Там кто-то есть...

– Живой?

– Не знаю. Осторожно.

Они прижались к правой стене.

– Это... – Рыжий вглядывался во тьму. – Это он... Это ведь он...

Белов сжал топор и сделал вперед несколько шагов.

Из тьмы выступил человек. Я узнал его. Тот самый. Гейнц. Который рисовал в блокнотах. Гений. Он был спокоен, сидел на вращающемся стуле.

Листал блокнот.

– Здравствуйте... – глупо сказал Белов.

Гейнц не оторвался от блокнота.

– Что происходит? – спросил Белов. – Вы можете объяснить?

Гейнц пожал плечами.

– Вы можете объяснить?! – спросил Белов уже настойчивей. – Люди погибли...

– Возможность восемнадцать, – ответил Гейнц.

– Простите?

– Возможность восемнадцать. Крайне малая вероятность, гораздо меньше, чем возникновение черной дыры. Черная дыра у нас шла под четырнадцатым пунктом.

Гейнц сделал отметку в блокноте. Он выглядел совершенно спокойно. Как будто в шашки проиграл.

– Дезинтеграция, разрушение времени, гравитационный коллапс, еще что-то, я не большой знаток апокрифической физики. И никогда всерьез не рассматривал ни одну вероятность выше восьмой. Что ж, тем интереснее... Видимо, нам придется пересмотреть некоторые разделы физики... Чрезвычайно интересно.

Гейнц замолчал.

– И астрономии. Не исключено, что и биологии – за последние три часа я наблюдал по крайней мере пять эпизодов ксеноактивности.

– Пять эпизодов ксеноактивности? – взвизгнул рыжий. – Мне что-то руку отожрало! Какая ксеноактивность?! Я подыхаю, ты видишь!

Рыжий сунул Гейнцу кровавый обрубок.

Гейнц не отстранился, на халате осталось круглое пятно.

– Что такое возможность восемнадцать?! – спросил Белов.

– Вы слышали про Нибиру? – вопросом на вопрос ответил Гейнц.

Рыжий застонал.

– Вы это серьезно?!

– В известной мере, – кивнул Гейнц. – То есть я лично не рассматривал такую возможность, но некоторые в нашей группе... Например, Лю. Он считал, что это вполне вероятно.

– Кто такая Нибиру? – спросил рыжий.

– Вторая Земля, – улыбнулся Гейнц и снова черкнул в записной книжке. – Антиземля. Родина Атлантов. Двойник. Мифология, одним словом. Древние считали, что за Солнцем, на той же орбите, что и Земля, существует другая планета. То ли шумеры, то ли майя, я в древней жизни не очень хорошо ориентируюсь.

– Сказки... – выдохнул рыжий. – Какого ты кормишь нас сказками?..

Он попытался кинуться на Гейнца, Белов удержал. Гейнц посмотрел на это равнодушно, защищаться не пытался. Вообще этот Гейнц на меня странное впечатление произвел, какой-то чересчур спокойный. Как старая змея, приготовившаяся к смерти. От таких людей исходит заметный липкий холод, вроде бы с виду и не боец, а спиной поворачиваться не хочется.

– Я продолжу? – осведомился Гейнц.

– Пожалуйста, – кивнул Белов. – Продолжайте...

Рыжий завыл.

– Эти древние цивилизации полагали, что в некоторые годы Нибиру приближается к Земле на опасное расстояние, и тогда на нашей планете происходят катаклизмы. Наводнения, землетрясения, извержение вулканов. Жители же Нибиру, обликом схожие с демонами, совершают набеги, жгут мирные селения, отравляют воду, пожирают людей. Есть опять же старое поверье, что когда Нибиру и Земля сойдутся совсем близко, тогда и наступит Конец Света.

Гейнц достал сигарету, закурил.

– Лю полагал, что миф о Нибиру не следует понимать так буквально. Конечно, никакой антипланеты на другой стороне Солнца нет. Но эта планета могла быть гораздо ближе. Рядом. Здесь.

Гейнц ткнул пальцем воздух.

– То есть...

Крик. По коридору. Нечеловеческий. Но знакомый, слышал я это уже где-то.

Белов поднял топор.

– Ксеноактивность... – проскрежетал рыжий. – Это все из-за тебя!

– Что делать? – Белов повернулся к Гейнцу.

Тот промолчал.

– Я его...

Рыжий снова кинулся на длинного человека.

Белов встал между.

– Отойди! – Рыжий толкнул Белова. – Он ведь знал, он ведь знал, что все так случится! Он знал!

– Что делать?!

Гейнц принялся листать блокнот. Сначала от начала к концу, затем наоборот. Жевал сигарету, выдыхал дым.

– Он издевается! – простонал рыжий. – Издевается! Ты погляди на него...

– Что делать, я спрашиваю?!!

– Что делать? – Гейнц захлопнул блокнот. – Ничего, разумеется. Сейчас мы не можем ничего делать, только наблюдать. Механизм явления несколько непонятен... Вы чувствуете вибрации? Мне кажется, что мощностъ Потока продолжает расти. Что решительно невозможно. Если только...

Гейнц замолчал. Он полуприкрыл глаза и стал шевелить губами.

– Я убью его! – Рыжий кинулся в третий раз.

Экран прострелила помеха, рыжий исчез. Точно растворился в малиновом, мгла охватила его и втянула в себя и не выплюнула уже.

Гейнц продолжал бормотать, обмахиваясь блокнотом.

– Бежим! – заорал Белов.

Он рванул мимо Гейнца, заметался от стены к стене, стараясь увернуться от невидимых нам препятствий, упал, покатился и, вместо того чтобы побежать дальше, вернулся назад и наткнулся на Гейнца, длинного, вытянувшегося поперек коридора. Это мог быть только он, слишком длинный, слишком поперечный. Хотя, наверное, покороче, чем раньше. Без головы. Правая рука была вывернута за спину и отставлена от туловища, в пальцах блокнот.

Белов осторожно подобрал блокнот и тут же снова отпрыгнул, размахнулся топором и ударил в стену, и из нее брызнуло, Белов завизжал и побежал, запнулся и упал, промелькнула фигура, изображение исчезло.

– Ты видел? – спросил Егор. – Ты видел, там?

– Сумрак, – сказал я. – Или кто-то очень похожий. Перематывай...

Егор перемотал, включил воспроизведение.

Белов дышал. Громко и перепуганно, так дышат люди, глубоко погруженные в страх. Он лежал между толстыми оранжевыми трубами. Сверху била струя белого пара, растекаясь

вокруг комками ваты. В трубах гремело.

– Не получилось, – сказал Белов. – Добраться до градирни. Коридорчик, а там... Я не знаю, что это, монстры какие-то... Двигаются быстро, их почти не видно. Они... Они убивают всех. К баллонам с гелем не пробраться, буду пытаться на поверхность. Немного отдохну, потом. Все, конец съемки, кина не будет. Электричество кончилось...

Глава 16

Трупный Дед

Звук, без изображения. Дыхание, прерывистое и испуганное, скрежет.

– Вы слышите?

Это был голос Белова. Только сильно изменившийся. Так голос ломается от жажды. Белов давно не пил.

– Послушайте...

Егор зажал уши.

Я стал слушать. Ничего. Сначала вроде ничего, а потом крики. Человеческие. Кто-то кричал от ужаса, кто-то плакал, кто-то звал на помощь. И близко, и далеко, везде. Темнота была заполнена криками.

– Два дня уже так, – сказал Белов. – Кричат. Я сижу на крыше... Почти сорок часов лез по трубе, повезло, не захлебнулся... Весь центр превратился в болото, слизь по стенам стекает, первые этажи затоплены... Военные пытаются навести порядок, кажется, бесполезно. Кричат вокруг... Кажется, все рухнуло. Сейчас два часа дня...

Темнота.

– Это небо, – сказал Белов. – Сейчас камера направлена на небо. Его нет. Я не знаю, что это... Это не лицо Бога...

Он всхлипнул.

– Скорее всего, они бросят бомбу. Бомбу, это правильно, бомбу... Если, конечно, успеют. И если смогут. Надо успеть. Это... Это... Кажется, это ад.

Белов закашлялся.

– Сейчас я покажу.

Белов поднялся, направил камеру.

Город. Его трудно было узнать. Из-за тьмы.

Сейчас, даже в самые темные ночи мир четко делится на землю и небо. Потому что есть звезды, есть отблески солнца, и я почти всегда могу провести черту. Здесь же небо сошлось с землей окончательно, и не стало ни неба, ни земли, только мрак со всех сторон. Свет тоже остался, но его было мало, и перевесить тьму у него не получалось. Горели свечи в окнах, костры на крышах, горели дома. Желтели фары у машин на дорогах, мелькали лучи фонарей, происходила какая-то суета. И крики.

– Непонятно, – сказал Белов. – Что произошло?.. Небо погасло... Мощность установки повысилась, такого не может быть... Всех энергостанций Земли не хватило бы даже на четыре процента той мощности, что влилась к нам... Как будто кто-то закачал энергию извне...

Запись прервалась.

– Все? – спросил Егор.

Я посмотрел на счетчик.

– Еще восемнадцать минут. Перемотаю чуть.

Включил убыстренную перемотку, на экране возник город, снял палец с кнопки.

– Видимо, это все-таки струны, – сказал Белов. – Гейнц предполагал... Но он не предполагал, что это будет так... наглядно. Энергии слишком мало, ее не должно было хватить. Повторюсь, возможно, это прорыв извне, наложение...

Белов рассмеялся.

– Похоже, мы прикончили все.

Камера развернулась, промелькнула крыша, еще что-то, и мы увидели самого Белова. Старый. Непонятных лет дядька. С щетиной, седой, с гладкой кожей. Он даже улыбнулся, я отметил, что половина зубов сломана. Недавно. И губы разбиты в мясо.

Добро пожаловать в наш мир.

– Недавно расцвело, – сказал Белов. – И вот как выглядит город, я наеду.

Камера заглянула через реку.

Пожары. Машины везде, от края до края, заторы. Люди. Бредут куда-то, присыпанные пылью, растерянные. В реке, справа, самолет. Большой, настоящий, упал, расколовшись на половины, по воде плывут масляные пятна. Удивительная все же вещь – камера, видно чуть ли не больше, чем получится схватить взглядом, растекающееся по поверхности масло видно в мелких подробностях.

– Катастрофа, – сказал Белов. – Похоже... Не знаю... Возможно, это были реакторы, под городом восемь реакторов, если не считать научных. Цепная реакция могла затронуть их все, она могла пройти по волне... Тогда это... ядерная зима.

Запись прервалась, и тут же началась новая.

Было светло. Белов выглядел исхудавшим, но довольным. Город не горел. Вернее, горел, но гораздо меньше. Улицы запружены автомобилями, движения никакого. Зато людей много. Шагают с сумками понурые. На перекрестках военные.

– Привет еще раз, – сказал Белов. – Это я. И все еще жив. Тьма сегодня отступила. Военные объявили эвакуацию. Через порт, через вокзалы, все направляются туда. Город серьезно разрушен, везде мародеры. Не хватает воды...

Белов усмехнулся.

– Говорили, что вода станет важнейшим ресурсом, никто не верил... А это правда. Вчера днем... Или, вернее, вчера ночью... Не знаю. Одним словом, меня чуть не убил какой-то бухгалтер за полторашку без газа. Когда такое еще было? Наступают новые времена, в этом нет никаких сомнений. Хотите кое-что покажу?

Белов направил камеру на небо, она принялась бродить меж облаками.

– Облачность... – разочарованно сказал Белов. – А есть на что посмотреть, зрелище небывалое. У нашего Солнца появился двойник.

Белов хихикнул.

– Да-да, двойник. Это не оптический эффект, совсем другое. Второе солнце маленькое, меньше почти на треть. Оно висит правее. Я увидел это сегодня, я смеялся... А вот и власти. Они все еще пытаются взять район под контроль, вы видите эту запоздалую демонстрацию силы...

По набережной двигалась танковая колонна. Танки плющили сбившиеся в кучу машины, рычали и плевались черным дымом.

– Глупо. Все равно что штопать пробоину в танкере нитками. Нужен удар, нужно все выжечь... Мне кажется, мы немного опоздали...

Выстрел. Только такой, что Белов даже подпрыгнул. Танк.

– Ну вот, снова стрельба. В Москве становится жарковато. Миронов с четвертого канала обещал достать аусвайс в обмен на пленку. Так что я отправляюсь в телецентр. Прямо сейчас, пока еще можно пройти. С вами был инженер Иван Белов. Я думаю...

В коридоре грохнуло. Егор щелкнул зубами, прикусил язык, плеер упал, экран раскололся, проскочила искра.

– Это...

– Растяжка, – сказал я. – Оставил в коридоре, за баррикадой.

– Китайцы снова, – прошептал Егор. – Они идут... Уже совсем близко.

– Похоже. Надо выбираться. Скорее.

Плеер кассету не отдавал.

Я нажимал на кнопки, никакого эффекта. Умер. Разладилась тонкая внутренняя механика, шестеренки зацепились за шестеренки. Выхватил ножик, попытался вскрыть. Кожух не поддавался.

– Скорее, – Егор оглядывался испуганно. – Скорее давай... Они уже близко...

– Не мешай.

Плеер упорствовал. Ладно, возьмем целиком.

Сунул аппарат в пакет, завязал узлом. С собой брать нельзя, лучше...

Егор дышал. Громко и нервно, очень уж ему не хотелось попасть еще раз к китайцам, крови было жалко, всю ведь откачают.

Проверил двустволку. Все в порядке. Бронебой, картечь. Надоели мне что-то китайцы.

Опять грохнуло. И тряхануло.

– Еще растяжка? – спросил Егор. – Ты две поставил?

– Одну. Опять, наверное, на крышу садятся. Иди к баррикаде.

– Что?

– К перегородке. Сядь на пол у стены и жди. Не дергайся.

– А ты?..

– Живо!

Егор послушно вышел из монтажной. Я остался один. Времени мало. Китайцы же...

Ладно, с китайцами разберемся. Теперь главное. Собрал кассеты, сыпал их в полиэтиленовый мешок. Хотелось сказать что-то, а просто плюнул. Убрал кассеты в рюкзак. Порядок. Еще кое-что надо сделать, две минуты, куда бы...

– Дэв! – позвал Егор. – Давай скорее!

– Сейчас! Иду.

Егор сидел на полу, у стены, как я и велел. Начинает мне нравиться. Жизнь учит человека лучше любого наставника.

Железная переборка. Цела. Под потолком с уютным жужжанием горела лампочка, старомодная, похожая на вытянутое яйцо.

– Слушай дальше, – прошептал я. – Сейчас мы пролезем в ход...

– А если они там?

– Конечно же, они там. Они там. И ждут. Мы их убьем. Потом вернемся за Алисой. Понял?

– Да.

– Тогда начинаем.

Я достал гранату, выдрал кольцо, швырнул в дыру. Граната запрыгала по полу. Егор вжался в пол, рвануло. Крепкая баррикада, не рассыпалась, хорошо строили бродяги.

– Теперь вперед!

Я сунулся первым. Выдохнул, втянул живот, пролез, прижался к стене. Через секунду протиснулся Егор, сунулся ко мне, я оттолкнул его на противоположную сторону, приказал:

– К левой стене. Я возле правой, ты возле левой. Идем на ощупь.

– Хорошо...

Карбидку зажигать не стал, в коридоре она не очень поможет, а китайцы, напротив, заметят нас издалека.

– Кассету не забыл? – спросил Егор.

– Взял, не волнуйся. Вдоль. Пошел медленно, я прикрою.

– Как ты прикроешь, ничего не видно же...

– На слух. Пошел.

– Темно, – прошептал Егор. – Я шагаю вдоль...

Свет. Он зажегся разом, во всем коридоре. Яркий, ударил мне в лицо, по глазам полыхнуло, я ослеп.

Закрыв глаза, так мозг быстрее привыкнет. Почти сразу почувствовал. Китайцы. Вокруг. Сразу, много. Что-то звякнуло, Егор закричал:

– Я ослеп! Они здесь...

Его оборвали, но я услышал все, что мне было нужно. Я выстрелил. Левее, чем Егор. Не знаю, попал или нет, наверное, попал, я ведь не промахиваюсь.

Еще выстрел. И еще.

Китайцы не стреляли в ответ. Почему-то. Не собирался разбираться, это их, китайское дело. Я стрелял. Бронебойными. Картечь в ход не пускал, чтобы не поранить Егора, – он иногда мычал, я представлял его расположение.

Огонь. Огонь! Получите!

Оружие – твой единственный надежный друг. Потом бронебойные кончились, я отбросил двустволку и выхватил топор.

Отступать. Укрыться в монтажной с ней. Спрятаться под ванну. Алиса! Разбудить Алису!

Я размахивал перед собой топором, стараясь прослушать, как они ко мне подбираются. Но они вроде как и не подбирались. В коридоре остро пахло горелым, воздух колыхался, но шагов слышно не было, и китайцев я тоже больше не ощущал.

Я заорал, рванул назад, ударился о железо, разбил лицо. Пробрался через проход, на четвереньках, как жалкое робкое насекомое, дополз до двери в монтажную, нащупал ручку, перевалился за порог, задвинул засов. Все.

Попробовал подняться на ноги, тут же стукнулся обо что-то острое, снова упал, снова пополз. На коленях, на коленях полезно, гордыню смиряет, хотя ее во мне и так почти не осталось, точно насекомое, таракан.

– Алиса!

Алиса не отозвалась.

Продолжала спать.

– Егор!

И он промолчал. Попался скорее всего...

Я прекрасно помнил, как выглядела монтажная изнутри, но сейчас, ослепнув, я растерялся. Шарахался от стены к стене, натываясь на предметы, которые вдруг все сделались квадратными и острыми, несколько раз падал, звал Алису, сбился окончательно. Отполз к стеллажам, прислонился спиной, замер. Звуки исчезли. В коридоре было тихо, и вокруг тихо, тишина расплывалась, я испугался, что оглох, и, чтобы убедиться в обратном, щелкнул пальцами. Не оглох. Наверное, это мозг выкрутасит, отключились глаза, теперь кажется, что и слух. Или это специальная граната, слепоглушащая, раньше такие делали, кажется. Чтобы насмерть не убивали, лишали зрения и слуха. Если так, то моя слепота ненадолго.

Если же нет...

Не видел ни одного слепого, которому удалось бы выжить самому по себе. Возможно, какие-нибудь шахтеры в подземельях. Но и у них тоже, кажется, лампы. Слепому жить...

Стало так противно, что я решил пока в эту сторону не думать. Лучше пока о насущном. Зря я бросил двустволку, неправильное решение, бешеное. Теперь я совсем без оружия. В рюкзаке остались патроны, несколько гранат. Топоры, нож. Тощий арсенал. Беспольный по большей части, особенно гранаты. Ладно, поживем – увидим.

– Алиса, отзовись!

Молчок.

Да где же она?..

– Алиса! – я заорал громче.

Тишина. Шагнул, нога поехала на чем-то круглом, растянулся.

– Алиса...

Я уже слеп один раз, но, во-первых, давно, во-вторых, вокруг тогда было много людей, и все они мне помогали, а в-третьих, тогда я точно знал, что это ненадолго, скоро пройдет.

А теперь...

Влетел в стул со скелетом, лба коснулась сухая кость, неприятно. Наткнулся на коробку, опрокинул, кассеты с пластиковым звуком разлетелись по помещению. В угол. Надо забраться в угол, туда, где елка.

Полез в сторону елки.

Бум. В дверь ударили. И тут же запела пила по железу, я слышал такие у Петра. Пилят

дверь. Собираются меня достать. Сначала ослепили, теперь возьмут беззащитного...

Совсем не хочу к китайцам. Не хочу висеть в клетке с разными проводами. Пусть из кого-нибудь другого кровь выкачивают, я им не мальчик.

Пила завывала пронзительнее, наткнулась на петли. Я вжался в угол. Петли на дверях три, какое-то время повозятся. Я достал банку с пластиком. Поставил на пол рядом с собой. Теперь гранаты. Одну в левую, другую в правую, скрестил руки на груди. Прodel большие пальцы в кольца. Все, готово.

Пила прошла вторую петлю.

Год назад я так бы совсем не сделал. Барахтался бы до конца...

С другой стороны, я и так барахтаюсь до конца. Подожду, пока комната наполнится китайцами, только потом.

Руки неожиданно задрожали. Раньше я был совершенно бестрепетен, раньше я бы смеялся, нет, что-то определенно со мной произошло, я не хотел умирать.

Наверное, в этом заключался Его промысел и Его ирония. Какой интерес умирать без страха? В этом нет никакого развития, страх... Его следует преодолевать, бороться с ним, пинать его в зад, только так заслужишь место в строю, встанешь рядом с воинами Света в блистающих шеренгах Облачного Полка.

Третья петля.

Я дернул за кольца. Гранаты вспотели в руках, я сжимал их ребристые пухатые тушки и готовился разжать пальцы.

Дверь с лязгом провалилась внутрь, запахло горелым железом, послышались шаги. Я дернулся и сместился по стене вправо и наткнулся на Алису. Она сидела у стены. Здесь, не убежала, значит... Не знаю, спала она или нет, я обнял ее, как мог, с гранатами. Дико. Я хотел этого давно и никак не мог подумать, что это случится так. Хотя на наш мир очень похоже. С гранатами.

– Алиса!

Она не ответила.

Китайцы вошли и окружили нас, я прекрасно это чувствовал. Они молчали. Смотрели, твари, проклятые китайцы! Дотронутся, и я разожму пальцы. Разожму!

Четыре секунды. Сейчас, может быть, шесть, время портит все, даже порох. Он становится медленным... Тогда шесть. И все.

Алиса.

Сейчас. Сейчас. Суки...

Руки дрожали. Я обнимал Алису за шею.

Пальцы горели, я был неловок и глуп, и...

Тогда я ее поцеловал. Куда-то в краешек губ, в щеку. Кто-то сжал меня за плечо, крепко. Вывернул запястье, другое. Затем они отняли меня от Алисы, ее забрали.

А я так и не разжал пальцы.

Не смог.

Все.

Китайцы перемещались по монтажной. Я слышал, как они двигают стеллажи, как жужжат их приборы, как скрипит под ботинками пластмасса. Мне казалось, что сквозь плотную вонь горелого железа я ощущал особый китайский запах, чем-то похожий на вонь особых болотных улиток, они водятся далеко на севере и протестующе пищат, если их взять в руки.

Мне представлялось, что китайцы смотрят. Во всяком случае, я чувствовал взгляд. Китаец стоял напротив и целился мне в лоб из винтовки, только так.

Я улыбнулся.

И снова не разжал.

Китайцы продолжали обыск. Долго. Я ждал. Выстрела. Вот сейчас они выстрелят. В голову, потому что туловище прикрыто китайской же броней, пули в которой безнадежно застревают. Голова же обычная, больная и совсем не пуленепробиваемая, она разлетится, и я

уже не буду контролировать руки, пальцы ослабнут, и тогда...

Долго, очень долго.

Китаец не выстрелил. Они исчезли. Вот только что были, и нет, пустота. И я, с двумя гранатами в руках, с полкило пластической взрывчатки у левой ноги. Некоторое время в воздухе еще висел запах северных улиток.

– Егор! – позвал я.

Нет ответа.

– Алиса!

Ничего.

Китайцы опять явились и опять забрали Алису и Егора. И кассеты. Они собирали кассеты, они видели меня, но ничего не сделали, не тронули. Я им не интересен... Почему? Все равно не понять.

Глупое положение. Что теперь делать? Кольца выкинул, глаза не видят, молодец. И руки дрожат все сильнее. Окна... Забраны железными занавесками. Попробовал подняться на ноги. Колени затекли, но со второго раза получилось. Я стоял возле стены. Вперед. В ванную. Сделал шаг. Вдруг мне представилось, что они вырезали пол. Адская китайская хитрость, вырезать пол. Я слепой. Шагну – и провалюсь вниз, наткнувшись на пианино. Пройдет сто лет или сто пятьдесят, и кто-то, не мой потомок, придет сюда посмотреть и увидит в одиноком пианино истлевшие кости и скучный череп, и это буду я. Хотя через сто лет тут ничего вообще не останется, великое уравнение поглотит здания, затянет все лесом, или вообще придет вода, или холод, и...

Я шагнул вперед. Пол оказался на месте. Мелкими шажками, стараясь ни за что не запнуться, я пересек монтажную и нащупал дверь ванной. Подойдет. Вошел внутрь, нащупал бадью...

Нельзя! Нельзя взрывать в монтажной! Едва не забыл, болван!

Вернулся в коридор. Через вырезанные двери. Через лаз в баррикаде. Вдоль по стене. Кажется, раньше слепоту лечили. Вставляли в голову компьютер, человек с помощью него видел. Или выращивали глаза в особых сиропах, я читал. Сейчас ничего такого нет, сейчас каждый неудачный шаг имеет слишком высокую цену.

Запнулся. Равновесие не удержал, упал в труп. Гранаты не выпустил, разбил кулаки в кровь, едва запястье не сломал. Труп. Алиса. Или Егор. Или китаец. Потом проверю. Сейчас другое.

Шагал вдоль правой стены. Прижавшись спиной, держал направление затылком. Иногда звал. То Егора, то Алису. Они не откликались. Восьмая дверь оказалась открыта, я пнул ее и вошел в помещение. Большое, я не видел, но мне показалось, ушами, что ли, почувствовал.

Швырнул гранаты, выскочил в коридор и на пол.

Рвануло хорошо.

На возвращение в монтажную у меня ушло... не знаю, сколько долго. Полз, отставляя вправо руку. Чтобы нащупать тело. И нащупал.

Это был не Егор, определил по росту. Труп оказался гораздо длиннее и крепче в запястьях. И не Алиса, это я тоже определил. Китаец. Я порадовался – пусть лучше китаец, их наверняка и сейчас много. А нас чуть.

Да нас совсем почти не осталось.

Устал. Спать хочу. Вспомнил про ванную. В них удобно, пару раз я уже пробовал. Ноги выставляются, но к этому быстро привыкаешь.

В ванной оказалось неожиданно тепло.

Устроился лучше.

Замер. Глаза не исправлялись. Перед ними по-прежнему стояли белые кругляки, отгораживавшие от меня мир. Я мог закрывать глаза, мог их не закрывать, все равно.

И мне было все равно. Я устал думать, устал бороться, я хотел отдохнуть.

Лежал в ванной до ночи. Наступление тьмы я определил по похолоданию. Когда холод

стал нестерпим, я сел, перевесился через борт и вытащил скелет. На нем болталась куртка из шершавого материала, пыльная, но вполне сохраняющая, я натянул ее поверх брони, надел капюшон. Почти сразу стало тепло, я подумал, что куртку эту прихвачу с собой. Зима на носу.

А еще в карманах обнаружились перчатки, неожиданно теплые, наверное, в карманы были вмонтированы особые теплосохраниющие полости. На несколько мгновений я засомневался, мне почудилось, что в перчатках осталось тепло их бывшего хозяина. Если бы и так. Перчатки мне понравились, тоже возьму их с собой. А что, если у этого трупа и штаны неплохие?

Со штанами потом разберемся.

Куртка согрела меня, и я уснул.

Странно получилось. Место совсем неподходящее, время – самое неподходящее за всю историю человечества, состояние мое... Скверное. Но мне приснился самый счастливый сон за всю мою жизнь.

Утро. Вода катилась медленно, как масло, сворачивалась в широкие, поблескивающие воронки. Я сидел на крутом берегу, свесив ноги, внизу суетились ласточки. За спиной у меня уходил к горизонту луг, на другом берегу лес, по реке плыли куски тумана, туман выдавливался между деревьями, и на широкой отмели стояли мальчишки с удочками. Солнце висело над деревьями, еще не разогревшееся, красный круг и никаких заедин с левого нижнего края, солнце. А я сидел и сидел, глядя, как на кочку из воды пытается выбраться ярко-зеленая лягушка.

Ничего особенного, но мне почему-то было удивительно хорошо и свободно. А главное, безопасно. Совершенно. Как никогда не чувствуется здесь, у нас.

Ощущение. Совсем другое.

Сон длился необыкновенно долго, так что я засомневался, сон ли? Река катилась, солнце висело, не собираясь взбираться дальше, лягушка с усердием заводного механизма карабкалась на берег, упрямая. На меня похожа этим упрямством, я вот тоже карабкаюсь, карабкаюсь, а меня все в воду и в воду, а я все равно.

И не просыпался.

В какой-то момент я подумал, что умер. Что это вот оно и есть, царствие небесное, лягушка, вода, рыбаки, песок и туман.

И не просыпался. Хотелось искупаться, но я не спешил, вода парила, теплая наверняка, но мне хотелось, чтобы солнце разогрелось получше. Только солнце не двигалось, прилипло к небу, наверное, так и полагалось.

Сон длился. Лягушка выбралась-таки на побережье, уцепилась за соломинку и стала жевать ее, посредством этого пережевывания поднималась вверх. Необыкновенно, никогда не подозревал в лягушках такого разума. И такого упорства. Лягушка поднималась, все ближе и ближе, затем она прыгнула и вцепилась мне в ногу. Я ожидал, что будет больно, но случилось не так. Лягушка повисла на пальцах, и это было приятно.

Прохладно.

В коридоре зазвонил будильник. Видимо, Егор потерял, когда его волокли китайцы. Часы старались долго, постепенно затихая, затем выдохлись вовсе, но по коридорам еще некоторое время бродило усталое эхо, а сон не отпускал меня долго. И я не хотел его отпускать. Не хотел возвращаться домой.

Открыл глаза. В них продолжало светить солнце. Я ослеп и не собирался вылезать из ванны. Сдохнуть здесь не самое худшее, что может случиться. Хотя Курок не одобрил бы, сказал бы, что в этом нет ничего героического. В ванне. В куртке, снятой со скелета. Вот тебе и Беовульф.

А ладно.

Некоторое время я лежал просто так, прислушиваясь к ощущениям. Ощущения были скучные, хорошо хоть нога не болела. Или болела, да я не чувал. Решил лежать просто, на боку, а потом на спине, а потом снова на боку, на каждой части тела. Непривычно. Вот

просто так лежать, в безделье, в праздности. Хорошо, но очень, очень непривычно. Решил проверить карманы.

В правом внутреннем кармане оказались ключи, много, целая связка. В левом кармане нашелся непонятный предмет, походивший на кожаную книжку, внутри пластиковые квадраты непонятного назначения, я почистил с помощью их ногти. На ощупь.

В нижнем левом кармане обнаружилась плоская серебристая коробочка, я нащупал кнопку сбоку, нажал. Коробочка отворилась с музыкальным звуком. Внутри оказались палочки. Три штуки рассыпались в прах, четвертая оказалась целой. Это были папиросы, я догадался. Кроме того, в кармане оказалась короткая втулка, я нажал на днище. Втулка пшикнула, как раздавленная змея. Зажигалка. Я нажал еще, чиркнуло огниво. Огонек загорелся. Я сунул папиросу в зубы, поджег. Ничего не происходило. Втянул воздух.

В горло, в нос, в легкие ударил горький, тяжелый дым, из глаз брызнули слезы, я задохнулся и закашлялся, и тут же голова закружилась и поплыла. Я выпустил дым и тут же вдохнул еще. Дым был горячий и пьяный, я втянул еще. Второй вдох колыхнул подо мной ванну, я задержал дым изнутри и выдохнул его уже остывшим.

Я курил. Гомер всегда говорил, что курение – грех, кроме того, оно выпивает из человека силы и образует внутри черный наждак. Курение праведникам противопоказано. Но я курил. Минуты через три меня затошнило, причем сильно. В горле запершило, виски сдавило, сердце запрыгало, я отбросил папиросу.

Понятно. Все понятно. Праведники не курят. Правильно и делают. В этом есть смысл. Ничего, кроме тошноты.

Выкинул и коробочку, зажигалку оставил.

Остался нижний правый карман.

В нем лежал пистолет. Сначала я подумал, что игрушечный – слишком маленький, слишком легкий и слишком пластмассовый. Подумал, что подарок, – раньше люди часто дарили своим детям ненастоящее оружие. Зачем-то. Направил пистолет в потолок, нажал на крючок.

Оружие неожиданно выстрелило. Несерьезный хлопок, пуля чирикнула по потолку. Зачем такое? Калибр крошечный, останавливающего эффекта никакого. Пули отравленные?

Вдруг я догадался. Пистолет не предназначался для боя, пистолет предназначался для последнего желания. Для самоубийства. Предусмотрительны были пращурь, на каждую ситуацию у них имелась отдельная вещь.

Некоторое время я думал, что это знак. Я ослеп, жизнь в нашем мире мне предстояла короткая и не очень веселая, смерть, наоборот, долгая и мучительная. Это выход. Вот полежу еще немного, и...

Полежу.

Я продолжил лежать. Очень скоро надоело. Кажется, я отдохнул. И стал понимать, что со мной случилось.

Слепота. Отчаянье. Отчаянья не чувствовалось. Злость. На то, что все получилось так глупо.

Искушение. Оборвать все это.

Слишком мощное искушение, чересчур. Стоит опасаться всего, что чересчур.

Я направил ствол в потолок, принялся стрелять. Всего семь патронов. Отшвырнул подальше.

Сел. Застегнул куртку, выбрался из ванной. Отыскал рюкзак.

Ладно. Раньше не было слепых героев, во всяком случае, я ни одного такого не знал. Кажется, в древности жили слепые поэты и писатели, и даже воины, правда, не совсем слепые, а одноглазые, кто-то рассказывал. Слепых стрелков... Нет, кажется, не было. Нет, при случае я могу пальнуть на слух, только все равно ненадежно это. Раз, два, три, на пятнадцатый раз обязательно не повезет. Хотя вроде бы у слепых другие органы чувств хорошо развиваются. Слух, обоняние. Вибрацию тонко слышат. Жить можно.

Ладно. Пойду. Попробую вернуться к слону.

Слон – вот спасение. К слону вернется и Егор, если он, конечно, остался жив. И Алиса. Если она тоже жива. Если китайцы их не разобрали. В слоне перезимуем, Егор обещал, что в слоне хорошо, тепло и спокойно. Доберусь дотуда, дождусь.

Если никто из них не придет...

Там рядом магазин. Дорогу я помню. Доползу до магазина, спущусь вниз и стану жить. Одному на три жизни хватит.

Придется забыть. Обо всем, о чем мечталось. О Кнопке. О Предназначенье. С другой стороны, может, в этом оно и заключалось – Предназначенье. Что, если я неправильно его понял? Думал, что именно я должен все это остановить, положить Предел, ну и так далее... А что, если Предназначенье мое заключалось в том, чтобы...

Я ведь ничего так и не узнал. Нет, теперь понятно – все из-за Нижнего Метро. И никакое это не метро, это на самом деле прибор. Открывший Врата. И эти Врата до сих пор распахнуты и пропускают к нам погань и грязный воздух, превращающий людей в чудовищ, и вся наша вода туда убежала, и конца этому не предвидится. Если только не запустить бомбу. Как там? Гелевую бомбу они придумали, мощная, разнесет весь город, бомба, ее нужно охлаждать...

Бомба.

Я не знаю, где эту бомбу найти! Не успели посмотреть!

План. Надо срочно придумать план, чтобы не впасть в панику, требуется план.

Думал. Быстро, быстро, полторы минуты. Все. План. Как действовать в ближайшее время. Придумал.

Во-первых, добраться до слона. Слон рядом с зоопарком. С планетарием. С высоткой. Я неплохо представлял местность сверху, надеюсь, что получится узнать ее на ощупь. Постараюсь, все равно ничего другого не остается. С едой плохо. Несколько пачек китайской лапши, все. С водой сложности. Ее нет вовсе. Нет, она вообще есть, все подвалы ею залиты, но вряд ли ее можно пить. Найти воду вслепую – ничего себе задачка... Лед. Не годится, мало ли из чего лед намерзает? Снега нет пока, сосульки тот же лед... Ладно, три дня на то, чтобы разжиться водой, есть. Это время поголодаю, лучше не есть, когда нечего пить.

Оружие имеется. В коридоре валяется двустволка, патроны остались. Хватит. Главное, выйти к слону. А из слона до подземного магазина. Там засяду поплотнее, расставлю палатку в отдел снаряги... Двойную палатку, и еще настоящий спальный мешок, на пуху полярных птиц, я никогда не видел этих птиц, но там было написано, что этот пух – самый теплый в мире, в этом пуху спят на снегу и не простужаются. Запасы там есть, свет... Свет мне теперь не нужен, зато похоронный набор... Интересно, есть ли набор для слепых? Что полагается слепым? Палочку для ощупывания дороги перед собой?

Во-вторых, переждать зиму. Наберусь в магазине сил, хотя там затык вроде бы поселился. Придется внимательно проверить все, каждый метр, прощупать, простучать. Но это после.

Сейчас следует подумать, как передвигаться. Тупо ломиться на ощупь нельзя. Надо по возможности держать направление и отмерять расстояние.

Леска. В рюкзаке две катушки. Двести метров. Буду шагать по натянутой нитке. Отклонения, конечно, неизбежны, постараюсь свести их к минимуму. Вспомнить дорогу – самое сложное. Вспомнить...

Спуститься вниз, к выходу. Выход. Там плоские ступени и много битого стекла, на улице танки с большими колесами, проберусь. Прямо напротив выхода дорога, много машин, надо перебраться. Вышка находится почти напротив центра. Ее придется поискать.

До Вышки добраться надо обязательно. Там карабин, без него никак, надо обязательно забрать. Опасно, конечно, лезть вверх вслепую. Но без карабина нельзя.

Дальше...

Дальше посмотрим.

Надел рюкзак, сделал несколько шагов вперед, осторожных – все время казалось, что я вот-вот провалюсь, что пол украли, но пол оставался на месте, я, не поднимая ног, брел по

монтажной, расталкивая неисправную аппаратуру и обломки кассет.

Наткнулся на стеллажи. Ощупал. Ничего. Все коробки с кассетами исчезли, китайцы вывезли их на своем дирижабле. Собирают кассеты, книги, изучают наш мир. Проникают в него постепенно, наполняют своими зверьми, страшными болезнями, неправильным воздухом. Своего им мало, в наш перебираются. Хотят его лучше знать, дальновидные китайские захватчики.

Только я их немного обманул. Не все кассеты они нашли, главную не нашли.

Усмехнулся. Странный эффект, голос без изображения звучит странно, не состыкуется. Снеговик продолжал стоять в углу, поникнув носом. Я отвернул ему голову, сунул руку в теплое снеговичье нутро и достал плеер. Осталось совсем немного, минуты четыре. Посмотреть. Там наверняка что-то интересное есть. Потом посмотрю, в путь.

– Спасибо этому дому, пойду к другому, – вспомнил я присказку Егора и добавил: – К другому слону.

В путь.

Перед железной дверью подобрал двустволку, зарядил. Патроны не различались, цвета я не видел и поэтому зарядил все подряд. Наверное, я мог различить их по весу, возиться не хотелось. Все подряд.

Двинулся по коридору. По правой стене, шаг за шагом, запнулся за будильник. Он брякнул, освободил последнюю трель. Я поднял его, сунул в карман. Стану заводить, слушать, как гремит. В слоне буду его слушать, каждый день, это порядок – утром будильник, вечером тиканье, да я вообще стану его с собой таскать, пусть тиканье всегда остается со мной.

Выбрался за разорванную переборку-баррикаду, двадцать шагов от будильника и вляпался во что-то скользкое. Поймался за стену, поводил подошвой по полу, пытаюсь определить. Кровь или другое. Вполне могла быть и кровь. Я выставил здесь растяжку, китаец мог нарваться. Тогда от него вполне могла остаться лужица. Решил не думать, чья это тут кровь, кровь она и есть кровь. У китайцев она, кстати, совсем как у нас, красная.

На лестнице я остановился. Спускался медленно, прощупывая ногой ступени, потому что мне продолжало представляться, что они... китайцы, украли лестницу. Они забрали моих, а мне уготовили судьбу более горшую – несчастным слепцом стану скитаться я по разрушенному миру, в надежде встретить достойную, быструю и героическую смерть, и на каждом шагу меня будут подстерегать ловушки. Подпиленные лестницы, открытые люки, разверзнутые пропасти, капканы, расставленные безумцами, слизи, подкарауливающие путников в темных уголках, сумраки, ждущие в сумраке.

Собрал на языке загустевшую слюну, скатал ее в комок и плюнул. Плевков звонко ударил по бетону, лестница на месте. Плюнул еще, подальше. Вот и нашел способ передвижения – надо найти засохших конфет, набрать в рот и плевать перед собой. Определяться по бряканью, а то никакой слюны не хватит. Проплевывать дорогу, кто бы мог подумать...

Спустился по лестнице. Холл, стекло закрипело под подошвами.

Улица встретила холодом, морозец прижал щеки, я сместился чуть вправо, нащупал колесо бронемшины. Насколько я помнил, танк стоял как раз напротив Вышки, я привязал леску к колесу, надел катушку на мизинец и двинулся вперед. Пропускал леску между пальцами, старался держать натяжение. Натяжение важная вещь, с помощью нее легко отмечать отклонения в сторону – если пальцы начинает резать, значит, смещение.

Сто метров. Медленно, со скрипом, еле-еле. Через две машины перелез, привязал леску к железке, поперся обратно. Отвязал леску от колеса, вернулся. Черепаший способ перемещения, другого, впрочем, нет. Вперед, вперед, через двести метров наткнулся на колонну воздушной дороги, привязал леску к ней и ступил на дорогу обычную, в лабиринт из скученных и перевернутых машин. Идти напрямик здесь было сложно, мне пришлось вилять, запоминая правильное направление. Пробраться сквозь мягкое железо без потерь не удалось, наткнулся на острое, оцарапал руку. Зацепился рюкзаком, дернулся, съехал по

капоту. Рюкзак из несгорайки сделан, отличная ткань, действительно не горит, не рвется, не намокает. Поэтому при зацеплении легко освободиться не получилось, пришлось подергаться.

Самые пустяковые вещи без зрения становятся неожиданно сложными, я выпутывался из рюкзака не меньше пяти минут, и порезался еще, и едва не раздавил пальцы дверью. А потом вообще пришлось карабкаться по автомобильным крышам. Подумал, что идея с леской не такая уж и хорошая, не очень удобно возвращаться назад, в этой мясорубке легче легкого переделаться в кровавую кашу.

Запнулся. Штырь, обломок бетона, потерял равновесие, леска натянулась и зазвенела, тонкая, ноль четыре миллиметра, я повис на ней, крепкая, умели раньше делать, качнулся в обратную сторону, леска ослабла. Вытянул все сто метров, теперь надо привязать. Тут мне в голову пришла крайне неудачная мысль. Рюкзак мешал. Ползать с ним по этим развалам было не очень удобно, поэтому я решил его оставить. Остолбенел. Не только ослеп, но еще и в мозгах повредился, это точно. Скинул рюкзак, привязал леску к лямке. Немножко отдохнул и полез обратно, стараясь не выпускать леску, зажимал ее в кулаке.

Конечно, я оборвался. Слишком сильно оперся о капот, а он треснул, давным-давно прогнил, зараза. Я провалился в двигатель, леска разрезала пальцы, я ее не выпустил, хотя она добралась почти до кости. В спину упиралось твердое и острое, надо было выбираться, я пошевелился, леска натянулась до предела, и я выпустил ее, чтобы не разорвать. Леска дзинькнула, распрямилась, проныла, как плохо натянутая струна.

Выбрался из капота, поднял руку. Ничего. Я должен был наткнуться на леску, но ее не нашлось. Я поднял вторую руку, принялся размахивать ими, даже немного подпрыгивал.

Леска исчезла.

Я попробовал влезть на капот и снова провалился. Поднял двустолку, постарался поймать ее прикладом. Пусто. Леска пропала.

Я метался между совершенно одинаковыми на ощупь поверхностями, стучался, царапался и запутывался все больше и больше. Потерял направление. Прокусил губу.

Видимо, леска все-таки оборвалась. Ноль четыре, не выдержала. Слишком много острого. Обломки, осколки, всего-то и надо – царапнуть чуть. Болван. Одуревший болван!

Я уселся на крыше. Хорошо, что есть куртка, тепло. Надо успокоиться. Если леска действительно оборвалась, вряд ли получится найти конец. Да черт с ней, с этой леской!

Я пополз. Как я думал, в сторону Вышки.

Это продолжалось долго. Лез по крышам, протискивался между бортами, иногда подлезал под, а иногда напрямик, через салон. Раньше я никогда не сидел внутри, оказалось, что зря. Сиденья мягкие, двери закрывались плотно, тишина внутри. С каждой машиной я запутывался все больше и больше. Стало холодать, наступала ночь, но мне было плевать, я не чувствовал усталости и спать не хотел, брел, полз, лез, протискивался и остановился, только когда холод стал совершенно нестерпим – приложившись щекой к металлу, я едва не оставил на нем кусок кожи. Тогда я забрался в первую же машину, закрылся изнутри, устроился на заднем сиденье и стал ждать рассвета.

Ночь выдалась глухая. Над улицей полз заморозок, мертвый, как мрец. Окружавшее меня железо пело и похрустывало, съезживаясь от холода, я сжимал двустолку и старался выслушать посторонние звуки.

Так продолжалось до утра. Утром показалось солнце и вокруг перестало хрустеть, сделалось тихо, и я услышал сопение. Рядом, за дверью моей машины.

– Кто здесь? – спросил я.

Само собой, никто мне не ответил.

А я понял, кто это. Трупный Дед. Тот, кто спускается по печной трубе. Только он не подарки приносит, он башку сносит. Перерезает горло, сбрасывает с крыши, режет ремни из спины. Добрый такой старикашечка.

Глава 17

Отступление

В этот раз проспал долго. Солнце влезло высоко и как следует разогрело крышу, тепло распространялось по салону, так что мне стало жарко, пришлось расстегнуть куртку. Хотелось пить, внутри на окнах от перепада температур образовалась вода, собравшаяся из моего дыхания. Я стал облизывать стекла. Одно облизывал, другие запотевали, через час жажда отступила. Язык чуть не натер.

Вылезать наружу не спешил, достал из кармана будильник. Завел и стал вертеть ручку минутной стрелки. Внутри часов щелкнуло, и он зазвонил. Наверное, целую минуту я наслаждался дребезжащим звуком, затем пнул дверь и выбрался на воздух.

Куда идти, было совсем непонятно. Я окончательно потерялся. Компас, надежно работающий в моей голове почти с детства, сбился. Солнце... Я не видел его. Пробовал почувствовать лицом, но холодный воздух сбивал тепло, поэтому я отправился куда глаза глядят. Прямо, потом направо, через час выбрался из машин.

Вокруг чувствовался простор, железом не пахло, под ногами асфальт. Отлично. Я ни черта не видел, я потерял рюкзак и потерял направление, весь мой план полетел, и теперь...

Я не знал, что теперь. У меня осталась двустволка и несколько патронов. Нож. Топор. Будильник. Набор для завоевания мира. Поэтому я ругнулся, сказал несколько грязных слов и двинулся вдоль по асфальту.

Нужно идти. Только идущий осилит дорогу. Вот я и шагал. Коротким шагом по асфальту.

Мне попадались машины. Поваленные деревья. Мусор, кирпичи, я влезал в кусты, и стучался о фонарные столбы, и запутывался в стенах и в лестницах, вяз в проводах. Останавливался, чтобы отдохнуть, это приходилось делать часто. То, что за мной следят, я понял давно. По звуку. Какое ловкое ни было бы существо, но передвигаться совершенно бесшумно не может никто. Я его услышал.

Оно держалось поодаль, так что я некоторое время подозревал в нем волкера. Только их здесь не могло водиться. Сумрак не стал бы ждать, он встретил бы меня окаменевшим истуканом и разорвал бы в клочья. Значит, тварь не очень крупная и не очень сильная. Выжидает момент. Нападет из засады, сверху, вцепится в горло. Если не крупная и не сильная, то, скорее всего, шустрая. Берет ловкостью. Мне Гомер рассказывал про таких, не помню названия. Маленькие, чуть больше барсука, телом куницу напоминают. Прячутся в ветвях, а когда жертва проходит мимо, быстро чиркают ей по горлу длинным коготком, так что та и заметить ничего не успевает, шагает себе, истекая кровью, а потом, ослабев, падает. А эти уже вокруг землю роют, чтобы добыча никому не досталась. И вот ты еще не совсем мертв, жизнь еще потихоньку бьется в венах, и ты кое-что еще чувствуешь, а тебя уже втягивают в землю и с нетерпеливым повизгиванием отгрызают от голени самые мягкие куски. Маленькие, они иногда еще опаснее больших. Подождем. На всякий случай я снял с двустволки второй ремень, обмотал его вокруг шеи в три оборота.

Жаль, что секиры не осталось. Против мелких самое то. И кошки на ботинках, но кошки я уже давно потерял. Придется отбиваться топором, вряд ли получится подстрелить.

Можно было шугнуть. Если тварь поймет, что я ее вижу, вряд ли осмелится... А если осмелится, то станет действовать гораздо осторожнее. Дождется, пока я оступлюсь, и вскочит на загривок. Дождется, пока я усну. Дождется, пока я буду перематывать пальцы. И в яремную вену, маленькими ядовитыми зубками. Нет, лучше не дожидаться времени, когда я ослабну, лучше сделать первый шаг самому.

Все хищники, морские, пресноводные и сухопутные, обожают нападать на слабых и увечных. Поэтому я стал прихрамывать сильнее, и даже не только прихрамывать, но и приволакивать ногу, ни один окунь не проплывет мимо уклейки с ободраным хвостом.

Начал дышать погромче, и похрипше, останавливался через каждые двадцать шагов и держался за бок. Хорошо бы еще напустить в штаны, для полной правдоподобности, но я подумал, что не стоит, при всей своей хитрости это все-таки тварь, мозга у нее чуть, зато

полно голода и злости.

Я закинул двустволку за спину, кряхтел, запинаясь и в конце концов упал, ударившись плечом. Сел, привалился к колесу, вытер лоб. Кажется, это был грузовик с железным фургоном.

По железу процокали когти. Осмелело. Я громко застонал, выругался и пополз. Теперь я перемещался по обочине на карачках, наступая ладонями на острую ледяную крошку. Перчатки спрятал, слишком толстые, помешают, придется рискнуть руками.

Оно шагало за мной. Почти беззвучно, только вот мое восприятие обострилось, и я слышал почти каждое его движение. Оно догоняло. Метров через сто существо решило, что пора, – остановилось, приготавливаясь к броску. Я сел. Закашлялся, брякая зубами, нащупал топор, чтобы ударить сразу, не особо размахиваясь.

И тут же в правую руку вцепилось тяжелое и зубастое, дернуло в сторону, стиснуло челюсти на запястье. Уронил топор. Успел вывернуть запястье.

В ногу, в ботинок, хорошо, что высокие голенища и шнурки из крепкой лосиной кожи, сам плел позапрошлой зимой, вечные шнурки, у лося шкура толстенная, не всякий волкер прокусит. Если бы не шнурки, то сухожилия перегрызли бы в секунду. И запястье тоже.

Перехитрили, твари. Как дурачка. Одно шумело, отвлекало на себя внимание, скрипело когтями, остальные ждали момента.

Третье, то, что стучало когтями, прыгнуло мне на грудь.

Оно было не очень тяжелое, но какое-то плотное, похоже туловищем на ящерицу, кажется, даже в чешуе. Ненормально, зимой все чешуйчатые твари залегают в спячку, а эти нет. Хотя, может, они и залегают, сейчас, в последние полутеплые деньки запасаются провизией, погань, сухопутные коркодилы.

Немедленно попыталось вцепиться мне в горло, ремнями я обмотался вполне предусмотрительно. Оно увязло зубами, я выхватил левой рукой нож и ткнул тварь в бок. Лезвие уткнулось в упругую кожу и отскочило, я попытался достать тварь в брюхо, но оно было тоже дальновидно забрано толстой пластинчатой шкурой, тогда я попробовал попасть ему в глаз. Нож скользнул по черепу, в ответ оно откусило мне половину уха.

Остальные тоже не унимались, старались разгрызть мне руку и ногу, слаженно работали, не перевернуться, держали крепко, я подумал, что, если подоспеет еще и четвертая тварь, мне станет уже худо.

Отбросил нож, попробовал прихватить погань за горло. Шея у гадины оказалась толстая, нерукоприкладная, попытался ее сдавить и едва не лишился пальцев. Пнул ту, что вцепилась в ногу, погань отлетела, издала клокочущий звук, прыгнула, и снова в ногу, на этот раз попала, зацепила под коленом, где голень была прикрыта кевларовой пластиной. Я лягнул сильнее, в морде этой дряни что-то хрустнуло, в меня брызнуло теплым, хорошо бы она откусила язык.

Та, что занималась моей рукой, решила не ограничиваться запястьем, стала перебирать по кости, устремляясь к локтю, смекалистые, рядом с локтем есть парочка уязвимых мест, нервы, артерия. И двигалась она быстро, цап, цап, цап. Моя левая рука наткнулась на кошель на поясе, огниво, универсальный ножик, спички.

Спички! Те самые, что горят под водой и поджигаются от одного чирка. Я выхватил спички, разорвал коробку, чиркнул по полу и сразу, пока спичка еще не разгорелась, прижал ее к шкуре.

Не знаю, из чего раньше делали эти самые спички, но это пробрало. Тварь заорала и спрыгнула с моей груди. Я тут же схватил следующую спичку, чиркнул и воткнул в харю той, грызшей руку.

Получилось. Она отпрыгнула, врезалась во что-то справа, в фару. Я перевернулся на живот, схватил двустволку и выстрелил. Попался патрон с картечью, трудно было промазать.

Двое остались. Стрельнул еще раз, в этот раз граната. Взрывом подкинуло машину, но гадины оказались проворны, распрыгнулись в стороны. Я быстро отполз, задержал дыхание

– когда не дышишь, слышно лучше. Твари не шевелились. Что-то разгоралось в машине, вероятно, остатки топлива или проводка, горело с треском, и это здорово мешало. К тому же мне очень не нравилось, что за спиной ничего нет. Слишком много вокруг открытого пространства, наброситься могут откуда угодно.

Одну я убил. Остальные должны отступить. Если они охотятся втроем, а сейчас команда разбита, то должны отступить. Движуха. Я развернулся, стрельнул на слух. Опять взрыв.

Накинулась сбоку, попыталась вцепиться в подмышку, тут же отскочила. Набрасываются на уязвимые места. Упертые. Видимо, со жратвой здесь совсем туго, если они не отстают. Ладно, посмотрим, кто кого сожрет. Запеку тварей в глиняной яме, вырву им языки, отрежу хвосты, из шкуры нарежу ремней.

Сверху, прямо на голову, сорвалась, выстрелил вдогонку, не попал. Не хочется, чтобы тебя загрызли поганые ящерицы. Спички. Вторая коробка. Каждая спичка горит почти пять минут, я раскидал вокруг себя десять штук. Нужна идея. Никаких мыслей, как разобраться с ящерицами. Пять минут, есть время, чтобы подумать, даже погань боится огня.

Спички горели с шипением, я думал, заряжая патроны. Нож их не берет, топор потерялся, стрелять бесполезно, да и патроны заканчиваются...

Завыть, что ли?

Я потрогал ухо. Почти нет. Хорошо меня уездил этот поход, нога, ухо, ослеп. Лучше не бывает. Нет, завою.

Шаги по железу. Кто-то побольше ящерицы. И не такой ловкий, так греметь может только... Вскинул двустволку, прицелился на звук.

– Не стреляй! – крикнул Егор. – Не стреляй, это мы!

Я продолжал целиться.

– Дэв! Это мы! Я и Алиса!

Егор. Алиса.

У меня задрожали ноги. Так сильно, что стало трудно стоять. То есть совсем трудно, едва не упал, позорно оперся на оружие.

– Это мы, – Егор гремел железками, приближался ко мне, чертыхаясь и подпрыгивая. – Мы!

Как-то хорошо стало необыкновенно, петть захотелось, запел бы, знал бы что. Егор подбежал ближе, остановился. Он дышал громко, отрывисто, кажется, чувствовал примерно то же, что и я. Мне стало неудобно. Наверное, еще чуть-чуть, и мы бы кинулись обниматься, и это было бы совершенно невозможно. Поэтому я сказал довольно грубо:

– Чего сразу не подошел?

– А, думал, что ты... – Егор захлебнулся. – Думал, что ты... С ума сошел. Я сам чуть не сошел, когда ослеп от взрыва.

– Я? С ума?

Я презрительно плюнул.

– Страшно ведь... Как глаза?

– Никак, – ответил я. – Не видят.

– Пройдет. Я вчера вечером, как и ты, не видел, а с утра проморгался. Алиска тоже.

Хорошие новости. Алиса здесь.

Егор прозрел, значит, я тоже, вполне вероятно, прозрю. Прозрею. Он моложе, восстанавливается быстрее, мне требуется больше времени. К завтрашнему утру. Ну, или к послезавтрашнему. Я почувствовал прилив сил и бодрости. Если глаза сохранились, то все еще можно исправить, цель достижима, ничего еще не потеряно...

– Ты, главное, не растирай глаза...

– Не разотру. Тут ящерицы, кажется...

– Ящерицы? – спросил с удивлением Егор.

Сейчас он мне скажет, что никаких ящериц он не видел. Что это я сам себе ухо оторвал...

Стало страшно. А вдруг на самом деле? Куда они так быстро делись? Только что нападали... И исчезли. Если я на самом деле свихнулся? Отравился газом или просто умом тронулся, от перегрузок или от страха – мне слишком долго казалось, что я ничего не боюсь, – а это оттого, что я попросту сошел с ума. Сумасшедшие не боятся. И на них нападают ящерицы, которых никто вокруг не видит.

– А зачем спички раскидал? – спросил Егор.

– Темно было, – ответил я.

Егор хихикнул.

– Тебе надо поплакать, – сказал он.

– Что?

– Плакать. Глаза промоются, и увидишь.

– А если водой? – спросил я.

– Не, водой не пойдет. Поплачь, здорово помогает.

Не хочу я плакать. Нет настроения.

– Поплачь, а то идти не сможешь.

– Смогу.

Я поднялся.

– Точно? – спросил Егор. – Нам идти непросто, надо еще Алису тащить.

– Как это?

– Она без сознания, – сказал Егор шепотом. – Валяется. Я волокушу сделал, но все равно тащить ее тяжело.

– Как вы выбрались? – спросил я.

– Никак. Я не помню, что произошло после вспышки. Очнулся недалеко отсюда, на скамейке.

– На скамейке?

– Ага.

Кажется, Егор кивнул.

– Мы оба сидели на скамейке, и я и Алиса. Я сначала ничего не видел, полчаса, наверное. А потом...

– Потом ты разнюнился и прозрел.

Егор промолчал.

– Что от вас нужно было китайцам?

– Не знаю. Кровь, кажется, не брали – голова не кружилась. Но уколы делали, все руки в дырках. У Алисы тоже... Плевать на них. Слушай, Дэв, я по карте посмотрел. Можно по этой дороге попытаться. По монорельсу. Это очень...

– Мы пойдем к Вышке, – перебил я.

– Зачем? Лучше в обход...

– К Вышке.

– Я по карте смотрел...

– К Вышке! – заорал я.

Егор согласно вздохнул. Мы впряглись в волокушу и поволоклись. До Вышки было недалеко, но пробирались долго – Алиса постоянно за что-то цеплялась, да и я пару раз падал. Думал – а что, если я не прозрею? Буду слепым и беспомощным, очень скоро Егор обнаглеет и станет руководить, а потом и помыкать мной, потому что я окажусь полностью от него зависимым. И Алиса еще... Залезем в слона, начнем жить. Я, слепой и сумасшедший, Алиса, сумасшедшая и опасная, Егор, зрячий и незаменимый.

Егор остановился.

– Пришли, – сказал он. – Вышка. Что делать будем?

Я не чувствовал никакой Вышки. Последние метров двести мы продирались через искореженный металл, но этого металла у нас вокруг полно, везде по колено.

– Что видишь?

– Железяки, что еще? Много. Сейчас...

Егор загремел.

– Тут всмятка какая-то... – сказал он издалека. – Сверху кто-то свалился... Сожрали его почти.

Карлик-горбун. Сам виноват.

Егор отправился дальше. Рядом со мной движение, шорох. Алиса.

– Есть... что-то, – сказал Егор издалека. – В китайском комбинезоне. Сейчас погляжу...

Ах ты...

Егор замолчал. Я прижал к себе двустволку.

– Это... что тут? – спросил Егор. – В комбезе?

– Акира, наверное. Так он назвался. Мне казалось, что его так зовут, он произносил это именно так. Китаец.

– Это китаец?!

– Конечно. Китаец. Не видишь разве?

Егор всмотрелся в китайца, сказал:

– Но ведь он совсем не человек.

– Как не человек?

– Так, – ответил Егор. – Он... Не знаю кто. Ты уверен, что это на самом деле китаец?

– Ты же был на дирижабле!

– Там они в масках все, я думал... Я думал, они люди... Сейчас я...

Егор выругался еще гаже. Подошел.

– У этого твоего китайца кость темная... Он точно китаец?

– Китаец.

– А уши где?

– Откуда я знаю? Спроси у него.

– А ты остальных видел? – спросил Егор.

– Видел. Такие же. Все китайцы такие. Уродливые. Ушей нет, носа нет, рожа зеленоватая. Глаза большущие.

Неудивительно, что от таких бешенство пошло.

– Нет, уродливые – это ладно... Но это... Лапша червивая, оружие скругленное... Я сразу подозревал! Что они не китайцы! Почему они нашим воздухом дышать не могут?

– Откуда я знаю?! Может, он другой, воздух этот. Может, в нем бактерии какие-то сидят. Или состав не тот.

Егор задумался.

– Да, наверное, так, – сказал он. – Хотя наш воздух им подходит, если бы не подходил, они бы сразу умирали... Наверное, они все-таки тоже люди. Ноги, руки, голова, похож на больного человека. Почти...

Почти.

Я пожал плечами. Погода хорошая, это чувствуется. Холодно, и при этом прозрачно, и наверняка на западе в небе висит обширный мираж, в воздухе образовалась выпуклая линза, в которой отражается город, от чего кажется, что земля загибается кверху.

– Завтра будем дома... – Егор поглядел в сторону юга. – Или послезавтра.

Мне захотелось съездить ему по шее, чтобы не болтал без особой надобности разные глупости, но шеи я не нашел.

– Будем, – сказал я.

Алиса громко зевнула. Вообще-то люди не зевают во сне, но Алиса зевала.

– Пошла! Пошла отсюда!

– Это ты кому?

– Крысе, – недовольно буркнул Егор. – Чапе. Залезает все время... А с чего ты решил, что это именно китаец?

С чего? Видно же, что китаец.

– Видно же, – сказал я. – Волосы черные, вместо носа дырки, без ушей, на человека не похож. Китаец, само собой...

– Как-то очень уж не похож. Чапа! Пошла! Брысь! Ты, наверное, три килограмма вешишь!

Боммм. Глухой и долгий звук, узнал его, когда нет зрения, слух работает гораздо лучше.

– Что это? – нервно спросил Егор.

– Трос лопнул.

В башне лопнул еще один трос. Совсем все старое.

Бомм, боммм, дзынк.

Наверху скрежетнуло, грохнуло, через несколько секунд тяжело обрушилось железо. Балкон над смотровой площадкой обвалился, скорее всего.

– Она же рассыпается...

– Она давно рассыпается, да никак не рассыплется. Наверху карабин. Оружие, с которым я...

Самому лезть? Вслепую – это самоубийство, ждать, когда вернется зрение... А если оно через неделю вернется? Или вообще не вернется? Послать Егора? Этот дурак шнурки завязать не в состоянии.

Ладно. Оружие – это всего лишь оружие. Прекрасное, верное, но оружие. А жизнь – это путь расставаний. Сначала ты теряешь родных, затем ты теряешь учителя, затем любимое домашнее животное, Папу, затем ты теряешь уже всех подряд, кто хоть раз тебе улыбнулся. Шагаешь, а вокруг тебя рушится мир. И гибнут люди. В конце ты остаешься один.

Без карабина.

– Ты прав, – сказал я. – Домой. То есть к слону. Наверное, в эту зиму действительно стоит отдохнуть. По весне... Продолжим.

– В слоне зимой хорошо, – сказал Егор с воодушевлением. – Тебе понравится.

– Не сомневаюсь.

Жить и умереть в слоне, что может быть лучше? Я, сидя в бескрайних рыбинских болотах, только об этом и мечтал. Ладно, выбора пока особого нет.

– Пойдем скорее, тут... Тут все... Как по тонкому льду. Знаешь, как стоять на тонком льду?

– Знаю.

Мы подхватили носилки с Алисой и двинулись на юг, оставив за спиной телецентр, Вышку, дирижабль и мертвых китайцев, и другого мертвого китайца, Акиру, который, может, был не совсем китайцем. И все они могли быть не совсем китайцами. Кем тогда? Кем?

Думать сослепу не хотелось, да и не получалось, точно, лишившись зрения, я утратил и способность к складной мысли.

Пробираться было нелегко, но мы старались, торопились, просачивались через ломаный бетон и крепкие проволочные выкрутасы, через разросшиеся на месте прежней жизни мшаники, проваливаясь в ямы и выбираясь из них, и наткнулись на поляну с клюквой, красной, как глаза окуней, пружинистой на ощупь и сладкой от первых морозов. Остановились и собирали ягоды, запасаясь на зиму кислятинкой.

Провалились в большую лужу – лед был действительно тонок, а под ним оказалось обилие головастика и икры, этакий плотный головастиковый студень, ожидавший лета, они воняли, головастика ни с чем не спутать. После лужи ощущение первого льда, про который говорил Егор, припомнилось организмом, и я стал ступать осторожнее, стараясь не раскачивать лишний раз землю. Если я оступался и Алиса начинала опасно раскачиваться, Чапа пищала с недовольством.

Егор пытался отправить Чапу пешком, но та не соглашалась и каждый раз, когда Егор сгонял настырную тварь на землю, возвращалась обратно. Тащили вместе с крысой.

Через три часа у меня заболели плечи, Егор принялся плевать соплями, а Алиса провисла в носилках и потяжелела. Тогда мы остановились в какой-то трубе, шириной метра два. В этой трубе жили какие-то твари, мелкие и скользкие, возможно, жрецы или их какая-

то более неудачливая по размерам разновидность, они принялись протестующе пищать и клацать зубами, думали напугать меня, сил смеяться не осталось, и настроения тоже, выкуривать их дымом не хотелось, и я бросил в трубу гранату, а за ней еще одну. Твари распространились по стенкам, испортив немного наш отдых своими неприятными на запах кишками.

Я развел костер из каких-то увесистых брусьев и достал китайскую лапшу, но аппетита не возникло, я не стал есть, я стал спать. Егор остался сторожить, а Алиса тоже спала, как спала она уже давно.

Егор разбудил меня уже в сумерках. Выбрались наружу и начали забрасывать вход мхом и смерзшимся дерном. Вслепую не очень хорошо получалось, и я стал сторожить, слушать то есть. Холодно, Егор стучал зубами и рассказывал про китайцев – совсем недавно он видел их тарелкообразный дирижабль – он летел на запад и мигал красными огнями. Егору казалось, что китайцы нас разыскивают и хотят отомстить, поэтому он торопился, надеясь укрыться в трубе как можно скорее.

Я же думал, что китайцам на нас плевать. Они утратили интерес. Получили все, что нужно, и отпустили, вряд ли станут теперь искать. Только вот что они получили...

Не знаю.

Егор ругался и ныл, говорил, что место не очень хорошее, но ничего, всего-то одну ночку, а завтра мы уже войдем в город и спрячемся в каком-нибудь доме. Что у него есть серьезные сомнения насчет...

Про его сомнения я так и не узнал, потому что грохнуло.

Не грохнуло, не так, конечно, подходящего слова для того, что случилось, я не знал. Мир содрогнулся и закачался, я упал, мне показалось, что я провалился далеко вниз, и тут же меня подбросило, земля под нами заплясала, а звук достиг такой громкости, что исчез вовсе. Или уши перестали его слышать.

И так продолжалось долго.

Глава 18

Там, где серебристая собака

Я открыл глаза.

Через дыру в потолке падал снег. Задумчивый, легкий, потусторонний. Я не видел его, чувствовал, как снежинки опускаются на щеки.

– Зима, – сказал Егор. – Зима наступила. Слышь, Дэв, зима...

Зима. Ничего хорошего. Зимой люди сидят в узких щелях, обернувшись собачьими шкурами. В слонах, в других местах, удобных для существования.

– Город разрушился, – сказал Егор. – Я видел. Вышка упала...

Струны, натянутые между землей и небом, лопнули, земля затряслась, небо покосилось, Вышка упала. Заплясала на опорах, закачалась. Первыми обрушились приделанные мачты, и хижины, построенные на ненадежных основаниях, ухнули вниз. Балконы, высотные залы, комнаты с койками, висячий пруд с голодными рыбами, обледеневший шпиль с разлапистыми антеннами – все это, века соединявшее город с воздухом, исчезло, слилось с однообразной равниной.

– Земля провалилась, – продолжал Егор. – Там теперь яма только, хорошо, что уйти успели. Я говорил, уходить надо.

Земля раздалась. Улицы, забитые тысячами ржавых машин, исчезли. А вместе с ними дома, красивые высотные и некрасивые низкорослые, воздушные дороги, фонтаны и куб телецентра. И самолет, он не смог взлететь, так же как и ракета, они провалились в глубины, не осталось ничего, только вонь, только холод.

– Все попадало. Вокруг одни развалины. Крыши не найти.

– Это должно было случиться, – сказал я. – Рано или поздно. Дом без хозяина долго не держится, в землю отходит. Земля создана для людей, а если людей нет, то и она

разваливаться начинает. Времени совсем мало осталось, скоро и оно кончится. Будильник-то тикает?

– Завод кончился, сейчас...

Егор стал накручивать пружину.

Карабин пропал, жаль. Я оставил его, и все. Нельзя предавать оружие. Где я теперь такой найду? Наверное, плохая примета. Я с ним с детства не расставался. Сколько раз он спас мне жизнь... Сотню, не меньше. А я его оставил. Лень тащить вверх было. Лень – одно из самых вредных человеческих качеств. Просто страшное, разрушительное. Немножко поленись – и все, твой мир расколется на тысячи кусков.

Будильник щелкнул, с облегчением затикал.

– Что делать?

Я достал плеер из рюкзака.

– Эти китайцы – редкие дураки, – сказал я. – На дирижаблях туда-сюда летают, а дураки. Кассету в плеере оставил, плеер в снеговик, как раньше. Так, что мы сами можем досмотреть. Ты то есть... Только батареи нет. И плеер испортился. Сможешь починить?

– Попробую. Тут же все очень тонко... Сам видел.

– Будильники ты же чинишь.

– Это не будильник.

Егор громко дышал, наверное, в руки, разминал пальцы, сжимал их в кулаки.

– Батареи может не хватить, – сказал Егор. – Хотя тут внутренняя есть. Только она закисла совсем, но на немного хватит... От большого аккумулятора должна зарядиться. Я сейчас посмотрю.

Егор щелкнул ножичком.

– Как Алиса? – спросил я осторожно.

– Спит.

Егор вздохнул.

– Никогда не думал, что Вышка упадет... – сказал он. – Я сколько себя помню, она стояла. А теперь ее нет.

– Она старая уже была все равно, ее нельзя починить. У нее жилы внутри все оборвались.

– Что?

– Она как человек. У человека внутри жилы, они натянуты и держат его в вертикальном положении. Когда они провисают, человек тоже слабеет, когда они рвутся, человек падает. Башня прожила свое расстояние и упала. Так и должно быть. Это по-человечески, человек не вечен, вечна душа его...

Шипение. Щелчок.

– Экранчик тут маленький, надо ближе... Ах, да... – Снова шипение...

– Кусок пленки сжевало, – пояснил Егор. – Сейчас хорошая пойдет.

Шепот Белова.

– ... Пробная запись номер три, журналистское расследование «Армагеддон X», скрытая камера. Феденька, ты мне должен по яйца, эта запись – настоящая бомба, надеюсь, ты не забудешь про это... Ладно, поехали, Армагеддон Ха... Аппаратура работает нормально, как я и рассчитывал. Три часа в лонгплее, все вроде в порядке. Скажу сразу, от предложенных вами флэшей пришлось отказаться даже в низком разрешении. Кассеты, как ни странно, подошли больше всего. Высокое качество плюс относительная компактность. Рекордер замаскировал в спасателе, оптику можно крепить свободно. Болит шея немного, без подавителя помех все-таки никак, пришлось монтировать в пилотке. Вроде бы двести граммов, но шея устает. Надо за месяц подкачать трапеции. Жизнь странная штука – никогда не занимался атлетикой, а теперь вот так получилось...

– Город показывают, – сказал Егор. – Площадь небольшая. Красивая, скамейки, памятник стоит. Собаке, кажется. Настоящей собаке, крупной, с квадратной мордой и мрачным взглядом. Бесхвостой. Памятник на круглом пьедестале, собака лежит, свесив лапы

и устроив на них голову. Цветы, много, целая горка. И свечи горят. Днем. Заслуженная собака. Вокруг скамейки цветочки растут, деревья, похожие на груши, спокойная жизнь. За собакой оранжевые кубы, не жилое здание, промышленность какая-то, а за этой промышленностью, вдалеке, три трубы. Красно-бело-полосатые.

— Это Жулик, — сказал Белов. — Тот самый, с кю-аномалией. С помощью него остановили рак, Альцгеймера и еще двадцать разных болезней. Памятник, кстати, из серебра целиком, и никто не смеет покуситься. Поставлен на народные пожертвования. За площадью сырный завод, вон он, оранжевый. Крупнейший в городе, между прочим.

— Жулик — это собака, — пояснил Егор. — Он сейчас на памятник указывает, не Жулик, Белов этот.

— Прекрасное прикрытие, — продолжал Белов. — Каждый день сюда приезжают сотни молоковозов, автобусы с рабочими, фуры с товаром, сырное производство кипит. Вход на подземной стоянке. Под землей ЦУП, первый детектор и техническое метро. Вы совершенно правы, все, что понастроили в Свиблово, — не более чем эффектная маскировка. Насколько я знаю, там даже нет входа. Здесь, все здесь... Кстати, вот и они.

— Автобус прикатил, — сказал Егор. — Двухэтажный. И люди. В синих робах. Руками размахивают. Рыжий возник, тот самый, бородатый, которому руку тогда откусили...

— Китарезы прибыли, — зевнул рыжий, я узнал его голос. — Группа виднейших китайских ученых, обосраться просто. Белов, зачем так много китарезов? Они что, очень умные?

— Их много. А когда людей много, кто-то умный среди них всегда находится. Если на пять миллионов китайцев по одному Сану, то маленький городок из гениев можно составить.

— Точно, — рыжий икнул. — Умные и много. С одной стороны, гении, с другой — люди сурового физического труда. Говорят, они половину туннелей вручную вырезали, кирками-лопатами...

Рыжий икнул еще.

— Говорят, что там они и остались, — прошептал он. — Их прямо из Китая везли эшелонами. Там, за МКАДом есть секретный тоннель, туда поезда и ныряли. Четыре миллиона китайцев сюда ушли и под землей так и проживали. Все пятнадцать лет, что строили Установку.

— Рыжий в бинокль глядит, — пояснил Егор.

— Да... — протянул рыжий. — Ты только посмотри... Вся китайская рать подтянулась. Лю Сан, дважды лауреат, прилетел еще с вечера, он всегда отдельно путешествует, на личном вертолете. Его вообще почти никто не видел. Говорят, у него проказа в крайней стадии, он не снимает противогаз. Некоторые его наложницы поканчивают с собой от отвращения, наблюдая за тем, как он ест живьем целебных червей...

— Зачем? Зачем он червей жрет?

— Он не только червей, он еще и осьминогов. Для излечения. Кожа гниет, зубы выпадают — бу-э. Это оттого, что Лю слишком умный. Гений. Он опередил свое время лет на триста, Гейнцу до него далеко... Знаешь, если бы не этот пожиратель каракатиц, Установку не удалось бы построить, получилось бы как в первый раз, пустопыжково.

— Может, и нам осьминогов жрать, может, поумнеем? — спросил Белов.

— Я думал об этом, — рыжий хихикнул. — И даже пробовал. Нормальный человек это жрать не сможет, даже китаец.

Рыжий озорно хохотнул.

— Что? — спросил Белов.

— То. Очень смешно. Все мировые мозги собираются в одном месте. Забавно, если вдруг все это разом... Если все вдруг разом кокнуется, то мир останется без мозгов.

— Как дальше жить будем?

Оба расхохотались.

— Лю обсчитал всю математику, — сказал рыжий. — Остальные прорыли туннель, а еще двадцать миллионов китайцев вручную вытачивали форсунки фрезеров. Теперь китайцы

хотят иметь долю.

– В чем? – не понял Белов.

– В информации. Знаешь, ходят слухи, что они тоже готовят.

– Что готовят?

– Прорыв. Это будет нечто грандиозное. Пять миллионов китайцев возьмут в руки магниты, станут в хоровод и побегут по часовой стрелке. А другие пять миллионов китайцев с другими магнитами побегут в другую сторону. Вот они разбегутся – и возникнет такое магнитное поле, что всем мало не покажется...

Рыжий был настроен шутливо.

– Вчера, кстати, четыре бочки завезли, я думал – что? – оказывается, осьминоги. Лю будет жрать осьминогов и размышлять о Конфуции. В противогазе... О! И Гагарин с ним!

– Гагарин?

– Сам погляди. На бинокль.

– Действительно... Говорят, он убил собственную мать.

– Нет, – возразил рыжий, – это была не его мать, он убил свою тетю. А потом уже мать. И сбросил обоих с путепровода. Говорят, у него на личном счету семьдесят пять человек, разумеется, если не считать китайцев, негров и юристов.

– Что-то он к нам зачастил... Безопасность, видимо, хромает.

– У Гагарина она всегда хромает. Он с двадцати лет живет в бункере, опасается ядерной войны. Шизофреник.

– Мой дедушка был шизофреником, он писал книги про Тибет.

– Да... Я одно не могу понять: зачем они все это здесь построили, под городом? Глупо ведь. И сложно технически. Гораздо проще где-нибудь под Александровом...

Молчание.

– Ты же знаешь официальную версию, – сказал Белов. – Строили когда-то объездной туннель. Из-за нехватки средств заморозили, а техники много осталось. Да и работы на треть уже завершены, водохранилища, ангары... Удобно.

– Как-то слишком удобно. Я вот слышал...

– Только давай без Зороастра, ладно? – перебил Белов. – У меня с утра в зубах колбаса застряла, я в раздражении.

– Да какой там Зороастр. Говорят, что Гейнц себе лежку готовит.

– Что? – не понял Белов.

– Лежку. Убежище то есть. У меня один астрофизик знакомый в Канаде, вместе учились. Он мне еще два года назад писал, что в Северном полушарии закрыт доступ ко всем обсерваториям. Небо то есть закрыто. Я думал, он шутит, а он... На рыбалку поехал, за лососем, пропал. Вот так.

Рыжий громко прищелкнул языком.

– Вполне возможно, что они... И Лю, и Гейнц, и правительство наше, они что-то скрывают.

– Метеорит? – ехидно осведомился Белов.

– Не, от метеорита мы бы легко отпинались. Мой друг-рыбак полагал, что это гамма-всплеск. В нашу сторону. И очень скоро.

Пауза. Затем рыжий продолжил:

– Если это правда, то Северное полушарие будет выжжено. Вода испарится, земля потрескается, выжившие переберутся в туннели. Выживет, кстати, немного и в основном люди, конечно. Флора, фауна практически исчезнут, плюс неизбежный скачкообразный мутагенез... Короче, тотальная жопа. А Гейнц и Лю придумали щит.

– Щит?

– Это не я так считаю, – сказал рыжий, – это мой друг так считал. Щит. А наши дали деньги. Они хотят прикрыться от гамма-выброса, переждать, перетоптаться. Знаешь, этакий скромненький бункер в пределах Кольцевой дороги, с балерунами, осьминогами и кактусами в кадках.

Опять пауза.

Затем оба снова расхохотались. Но как-то невесело.

– Знаешь, – заговорщически сказал рыжий, – я тут познакомился с одной ассистенткой, очень талантливой девицей, у нее такой допуск... Ах ты, китарезы, заметили. Улыбнись и помаши им рукой, вот так, вот так. Ладно, давай к китайцам. Надо встречать.

Тишина.

– Пошли к автобусу, – сказал Егор. – Белов последним, рыжий перед ним... Рыжий плешивый... Китайцы навстречу шагают, улыбаются... Все. Странно. Запись совсем другая... Рыжий ведь умер уже?

– На дату посмотри, там, на экранчике, – посоветовал я. – Это задолго до Прорыва записано. Наверное... Наверное, записи накладываются одна на другую.

– Как это?

– Тут можно стирать, ты же читал инструкцию. Белов проверял аппаратуру и записал, где вход под землю, к Установке. А потом на эту же кассету все остальное записывал. Теперь все ясно, – сказал я.

– Что ясно?

– Ясны наши дальнейшие действия.

Я нащупал плеер, выключил, бережно опустил его на пол.

– Надо искать серебряную собаку.

Егор тягостно вздохнул.

– Искать собаку, – повторил я. – Ты же запомнил, как она выглядит?

– Да.

– Хорошо?

– Большая собака. Блестит. Там еще сырный завод...

– А собака блестит.

Я нащупал плеер, перехватил его покрепче и стукнул об пол. Еще и еще, до тех пор, пока в руках у меня не остался кусок пластмассы с торчащими проводами. Отыскал в обломках кассету, раздавил ее пальцами, вырвал пленку, смотал с катушки, скомкал, выкинул в сторону.

– Зачем? – не понял Егор.

– Теперь только мы знаем, – пояснил я. – Ни один китаец не найдет...

– Да, ни один китаец... Я о китайцах...

– Что опять с китайцами?

– Китайцы... Я тебе уже говорил, там у Вышки. Вот сейчас мы смотрели... То есть я смотрел. Группа китайских ученых. Они такие же, как мы. Люди обычные.

– Мы что, китайцы? – Я чуть не рассмеялся.

– Похожи очень. А тот, возле Вышки... Он вообще не человек. С чего ты решил, что он китаец? Ты что, сам китайцев тоже никогда не видел? – спросил Егор.

– Я? Нет, не видел. Вживую. Дохлых только, скелетных. У них волосы черные... Откуда у нас можно китайцев увидеть?

Вообще-то я на самом всегда думал, что китайцы не люди. Люди то есть, но не совсем. С отличиями. Поэтому, когда Акиру увидел, так сразу подумал, что он китаец. Широкое лицо, черные глаза, причем почти в половину лица. Кожа серая, чуть зеленоватая, только у китайцев может быть такая. Зубов нет, вместо них... Есть все-таки, но какие-то широкие очень, на ногти похожие, и редкие, распространенные друг от друга. Так и должно быть у китайцев – от бешенства прежде всего зубы выпадают.

– А на картинках? Тоже не видел?

– Какой дурак китайца рисовать станет? – пожал плечами я. – Их и не рисовали. Они же чудовища...

– А может, нет?

– Как нет? Точно. Сатанисты, носители зла. Китайское бешенство. Они всех заразили. Все взбесились и озверели. Ты же видел этого Акиру...

– Да с чего ты взял, что он китаец?! – почти выкрикнул Егор.

Зеленоватая кожа. Большие глаза. Без ушей. Дирижабль... А ведь это и не дирижабль был, скорее... Тарелка. Толстая тарелка, зацепившаяся за шпиль высотного здания, инопланетяне, шагающие по улицам горящих городов...

Это что получается? Что Курок прав? Пришельцы? Прилетели откуда-то... Зачем?

Волк. Кабан. Настоящие животные...

– Волк, – сказал я.

– Волк, – подтвердил Егор. – И другие животные еще. Они их собирали. Для изучения. Потому что у них у самих таких нет...

Склад. Много странных вещей, неудобных каких-то. Я думал, китайские... Книги разные. Диски. Журналы научные. Кассеты опять же. С чего это они вдруг так заинтересованы нашим миром?

– Китайцы – не люди, – сказал Егор. – У них даже кости черные, совсем на нас не похожи.

– Шахтеры тоже на людей не похожи, – возразил я. – Но они люди. Бывшие. И сумраки...

– Шахтеры разные, – возразил Егор. – Мы с папкой находили. В подвалах. Шахтеры по весне часто вылезают, особенно после дождей. Молодые – они совсем как мы с тобой, а те, которые старше, они на самом деле уже не похожи. Потому что под землей другой воздух, так мне отец говорил. Если им долго дышать, то этот воздух меняет человека изнутри. Те, что я видел там, возле ракеты, они совсем... Совсем, короче.

– Воздух, значит, – сказал я.

– Воздух, воздух, – кивнул Егор. – Дело в том, что воздух все совсем...

– Глубоко под землей совсем другой воздух.

Воздух меняет. Люди, живущие в шахтах, шахтеры, дышат воздухом и становятся другими. Китайцы дышат воздухом и умирают. Потому что тот воздух, что под землей, – он не наш. А тот, от которого умирают китайцы, – наш. Где-то...

Где-то есть место, через которое чужое проникает в наш мир. Воздух. Вся погань, одним словом. Китайцы на своей летающей тарелке.

Точка прорыва. Прореха.

Как же...

А нога не болит. То есть совсем не сильно, скорее чешется. А ухо, наоборот, то, что осталось, распухло здорово. И дергает. Получается, что Алиса не помогает. Вон она рядом, а ухо рвет. А нога сама выздоровела, получается?

– Я вот что думаю... – Егор почесал голову, сильно, слышно. – Вот что... Есть такая штука. Вот когда будильников много и они в одном помещении, то рано или поздно они начинают тикать вместе.

Мир через будильник, знаю, знаю.

– Как это?

– Не знаю. Сначала тикают одинаково, затем одинаковое время начинают показывать. Может, и с нами так случилось? Вот был наш мир, а был мир китайцев, темная планета. Наш мир и китайский, они как два будильника были, один от другого отставал на секунду, может, меньше. Представляешь? Тикают одинаково, но разделены этой секундой. Через секунду прорваться никак нельзя, это самая непроходимая пропасть, никто не может вернуться, даже на одно мгновение назад. Значит, в каждом из будильников есть пружины, они регулярно заводятся, они толкают будильники вперед. Но вот пружину в одном будильнике перетягивают. Людям хочется посмотреть, что случится. Не начнут ли часы тикать громче, и они заводят, заводят...

Егор скрипнул зубами.

– Пружину перетягивают, часы начинают идти быстрее, быстрее, они начинают подпрыгивать на столе, потом раз – и перескакивают через эту секунду.

Как-то Егор на будильниках заморочен, наверное, раньше точно был бы часовщиком.

Чинил бы часы, его бы все уважали.

– И они сошлись.

Егор хрустнул пальцами.

– А если... Если у них там тоже? Если они тоже перекрутили пружину? Как и мы? И все это совпало! Тот мир, китайский, и наш, они зацепились друг за друга и стали вращаться уже вместе. Образовался переход, та самая прореха. Или сразу много прорех, в разных местах. Через них все и перетекает! Воздух. Ихний сюда, наш туда. Их микробы к нам пробираются, заражают всех... Их зверье ползет всякое. И всюду ползет, эти прорехи могут везде встречаться, по всей земле. Но самая большая здесь.

Егор топнул ногой.

Похоже. На правду. Будильники умеют убеждать. Они, эти ученые, хотели как лучше. Построили Нижнее метро, запустили его, оно заработало. Но не так, как они хотели. Это привело к катастрофе. Китайский мир ворвался в наш и изуродовал его...

А вдруг и наш мир тоже? Проник в чужое пространство? Туда, к ним?

Я представил, как какой-нибудь наш коркодил с северных болот прорвался в их мирные воды и не нашел себе в них врага, размножился в сытных мутных заводях, сожрал тамошних... каких-нибудь коркодилов и зажил хорошо. Его стало много, и китайцы, прежде любившие плескаться на своих безопасных отмелях, попали в сложное положение. Потому что коркодил за день троих слопаёт.

И другие тоже. Волки, медведи, змеи. Для китайцев они, наверное, выглядят настоящими чудовищами...

Ну и что?

Что это объясняет? Да, судя по всему, китайцы и есть пришельцы. И что дальше? То есть они, конечно, никакие не китайцы, а просто пришельцы, сами по себе, с другой стороны. Изучают нас, приглядываются. Отпустили почему? Не боятся потому что. Они нас совсем не боятся. Как-то раз сопливый Ной сдуру наловил леммингов, посадил их в пятилитровую бутылку с испытальскими целями, а на следующий день они ему надоели – верещали громко слишком. Так он их не стал убивать. Не стал топить, не стал на костре поджаривать, не стал дымом травить, отнес на поляну – и вытряхнул. Где он, а где лемминги...

Короче, с китайцами пока непонятно. Разгадка, которая не разгадывает ничего, только больше запутывает, и башка трещит – слишком много думаю, слишком много не понимаю. Мне бы ума побольше. Чувствую – что-то не то с этими пришельцами, не зря они здесь, совсем не зря, только ухватить не могу, не получается, ускользает...

– А почему... Почему мы на китайцев... В общем, как-то похожи... – Егор поморщился. – А их животные... погань то есть... на наших нет?

– Это совсем просто, – ответил я. – Всех, у кого есть душа, Господь творил по своему образу и подобию. С мелкими отличиями. А все остальные сами такими сделались, разными. Гадскими и погаными. Ясно?

– Ясно. Только все-таки.

– Все-таки потом, – оборвал я.

Разберемся и с китайцами, никуда не денутся, не китайцы сейчас главное. Найти собаку, вот. Выход там, где серебристая собака. Закрывать прореху.

– Где эту собаку сейчас найдешь... – сказал грустно Егор. – Да еще серебряную... Эх...

Не хочет искать собаку, по слону соскучился.

– Найдем, – заверил я. – Это проще простого. По весне, не сейчас, конечно. Сейчас, наверное, лучше действительно в слона.

– Да-да, – обрадовался Егор. – Надо дров запасти, воды...

– Есть охота, – сказал кто-то.

Я не понял, кто.

– Есть охота, – повторил голос. – Рыбинск, ты что, не слышишь?

– Слышу.

Я слышу! Мне хотелось заорать, завопить что было сил, но я промолчал. Чтобы не спугнуть удачу.

– Так организуй, рыбец. Если вы собаку там поймали, сразу скажу – я собаку жрать не стану, я не из леса. И китайцев не стану, они заразные... Такое впечатление, что я сто лет не ела... Почему?

– Бывает, – ответил я.

– Недоговариваешь, рыбоедина. Ладно, разберемся.

Я улыбнулся.

Впервые за последнее время мне стало спокойно. Все вроде бы не так уж плохо. Выздоровливаю. А теперь точно поправлюсь. Смогу ходить. Видеть.

– Что это за мелкий урод с тобой? – спросила Алиса. – Брата себе, что ли, выписал? Это он тебе ухо отгрыз? Он тоже из Рыбинска?

– Почти. Из Слоняево.

– Слоняева? Не слышала про такое... Хотя очень похож. Мне кажется, я его где-то видела уже, ухогрыза этого...

– Это дежавю.

– О! – Алиса покачала головой. – Я гляжу, ты слов умных понабрался... А я где была?

Не помнит? Или прикидывается?

– На тебя крышка упала, – ответил я. – Сверху – бац – и прямо по мозгу. Сотрясение образовалось. Потеря памяти.

Алиса почесалась еще громче. Егор молчал. Наверняка на нас смотрел.

– Ага, – подтвердил я. – Крышкой – бац, голова не помнит.

– Мрак, – сказала она. – Что-то я тебе совсем не верю, рыбец, ты просто редкий брехун, я всегда это знала. Надеюсь, ты не воспользовался моей беспомощностью?

Алиса ухмыльнулась. Я не видел, но она ухмыльнулась.

Зубы пожелтели. Пока Алисы не было, зубы у нее пожелтели. Волосы отросли и сбились в космы, ногти обломаны, а те, что не обломаны, грязны и заскорузлы. Вид просто страшный, хорошо, что я не вижу.

– Ты точно... – Алиса подмигнула. – Ну это, не безобразничал?

– Дура. Полная и бесповоротная.

– Ага, бесповоротная... Что-то я чешусь... Помнится, у тебя, Рыбинск, была куча блох, ты их все время жарил и жрал... Ничего омерзительнее в жизни не видела. Жареные блохи, это ужасно... Дэв...

– Что?

– Я что-то ничего не помню, а? И чешусь.

– Мы все чешемся, – ответил я. – Образ жизни такой.

– Воды горячей, что ли, нет? – поморщилась она. – Смотри, Рыбинск, покроемся коростой...

– Будем как коростель, – сказал я.

Алиса хихикнула.

– Коростель... Нравится мне это слово, надо запомнить его. У нас коростель какой водится?

– Нет вроде.

– Ясно. Дэв, ты, кажется, жениться хотел? Как успехи?

Я пожал плечами. Как успехи? Никак. Какая уж там женитьба, еле живой, а теперь еще и без пальцев. И не вижу.

– Неужели не нашел никого достойного? – осведомилась Алиса. – Такой выдающийся человек, и никого? Или ты это... Меня дожидался?

– Дура ты, – сказал я. – Ничего с тобой не делается. Тебе по голове приложили, но, кажется, на благо это не пошло, совсем не пошло...

– Это я так, на всякий случай... – Алиса зевнула. – Я тебе верю, Рыбинск. Что так холодно-то?

– Зима.

Прекрасное слово.

Алиса зашуршала, укрывалась газетами.

– Что-то я себя не очень хорошо чувствую, – сказала она. – Когда домой пойдем? Домой...

Где этот дом? Дом – это потом. В слона, вот куда, там хорошо, пусть Егор радуется.

– Скоро, – ответил я. – Скоро домой. В слона. Мы тут в слонах живем.

– Так и знала. В слонах живут.

Егор закашлялся.

– У него, кажется, жаба, – сказала Алиса.

– Жаба?

Мне было приятно. Говорить с ней. О ерунде. О Рыбинске, о жабах каких-то дурацких, давно не слышал ее голоса. Почти год. Больше года. Как идет время. Не успеешь глазом моргнуть, и вот ты уже старый, хромой и бесполезный. Я уже хромой. Пальцев не хватает, жить без ножных пальцев не так уж удобно, ведет в сторону, покачивает. Пол-уха тоже нет, слышать плохо буду. Я уж не говорю про глаза. Ничего.

– Какая еще жаба? – спросил я.

– Грудная, – ответила Алиса. – Он, наверное, икры нажрался, теперь у него внутри жаба. Жаба кашляет, и он кашляет... Ему серебряную дробь надо глотать.

– От жабы?

– От жабы. А вообще где мы?

Алиса огляделась.

– Как бы ответить правильно...

Я тоже огляделся.

– В заднице, видимо? – опередила меня Алиса. – Очень на тебя похоже, Рыбинск. Куда бы ты ни пошел, всегда в какую-нибудь дрянь влетаешь. Что-то местность незнакомая... Мы не в Рыбинске случайно? Не, не отвечай, а то я с собой покончу. У меня сейчас психика нестабильна. Послушай, как там тебя, Прыщ? Ты пукалку убери, а то выстрелить можешь. Я вообще не могу, когда в меня целятся, – изжога начинается.

– Она что, очнулась? – спросил Егор.

– Еще один. – Алиса зашуршала бумагой. – Дэв, ты вообще как, специально их прикармливаешь? Дураков?

Я кивнул Егору. Он, кажется, опустил дуэльную.

– Вот и правильно, – сказала Алиса. – Не стоит с ружьем баловаться, можно отстрелить себе что-нибудь полезное, спроси у Дэва, он знает, какое это горе... Так вот, Прыщ, теперь я тут главная, ты меня слушайся. Рыбец – он слабоумный и убивать любит...

Пусть привыкает. Алиса – это как сыть. Только сыть ест тело, а Алиса начинает с мозга. Грызет его, грызет, пока... Пока не привыкнешь.

– Вообще, Прыщ, ты зря с ним связался, – сказала Алиса. – Наш Рыбинск – просто ходячий праздник...

Алиса замолчала.

Егор хлопнул носом. Нога не болела.

– Жрать все-таки охота, – сказала Алиса. – У вас ничего нет? Дэв, я помню, ты в свое время сушеными бычками увлекался? А? У тебя там караса какого-нибудь не завалилось за подкладку?

– Нет. Караси закончились.

– Жаль. Я по ним ностальгирую. Ты знаешь такое слово?

Я не очень знал про ностальгизацию, но ничего, Алиса мне потом объяснит. Как-нибудь.

– Неплохо бы что-то пожевать спросонья, – негромко сказала Алиса. – Супу похлебать. Супу наварите мне, уродцы?

– Наварим, – сказал я.

Варить суп не из чего, но ладно, сварим из сапога. Пошарим по округе.

Снег. Хорошо бы перебраться под крышу, но Егор говорит, крыш мало осталось, дома все попадали, в обозримом окружении совсем почти не осталось целых. Да и не хочется под крышей, вдруг толчки повторятся? Если уж Вышка завалилась... Без крыши лучше. Я подумал, что потом мы не будем ничего здесь восстанавливать. Слишком тут много нехорошего произошло. Найдем чистое место, разведем в нем жизнь заново...

– Вот и хорошо. Я посплю, а вы мне потом расскажете. Что и куда.

– Погоди, – сказал Егор.

– Чего годить-то?

– Сейчас...

Егор принялся ковыряться за пазухой, я слышал.

– Ого, – сказала Алиса. – Это что, снаряд? Или в носу ковыряться? А ножик зачем?

– Это свеча. Она немного слиплась, надо расправить.

– На цветок похожа, – заметила Алиса уже без ехидства. – Красивая.

Егор пытался, наверное, полчаса. Алиса молчала, из чего я заключил, что свеча действительно стоящая.

– Все, – сказал Егор. – Готово вроде... На.

– Что? – спросила она.

– Это тебе.

– Зачем?

– Подарок.

– Спасибо...

Растерянно.

– Теперь надо зажечь.

– Не жалко? – спросила Алиса. – Красивая ведь...

– Не-а. Свечка и должна гореть, какой тогда в ней смысл.

Алиса чиркнула огнивом, фитиль затрещал.

– Ух ты... Звездочки... А это? Пружинки? Как в янтаре.

Запах от свечки шел совершенно необыкновенный, видимо, в воск был добавлен особый аромат. Пахло смолистой елкой, кислыми зелеными яблоками, чем-то незнакомым и, наоборот, чем-то знакомым, но совершенно забытым. От огонька исходило тепло, и я, не задумываясь, вытянул ладони.

– Что за праздник-то? – спросила Алиса через некоторое время.

Я не знал, а Егор долго думал, шмыгая засопливившимся носом, грыз ногти, а потом ответил:

– День спасения.

– Понятно, – сказала Алиса совсем обычно. – С вами, психи, все ясно. Ладно, вы пока отдыхайте, на огонек свой глядите, спасайтесь. Я спать буду. А вы пожрать все-таки придумайте. Ясно?

– Ясно, – ответил Егор с подозрительной готовностью.

– Ясно... – передразнила Алиса. – И чтобы будильник не звенел. У меня на всякие ваши будильники сплошная злость, да и голова от них разваливается. Смотрите у меня, крысоеды...

– Никаких будильников, – послушно сказал Егор. – Только тишина, я прослежу.

– Проследи, Прыщ, проследи. А что ты там говорил о слонах? Я знала одного слона...

Они принялись разговаривать. О слонах, о дровах и запасах на зиму, о каких-то спокойных и обычных вещах, о которых разговаривают все люди и во все времена. Я слушал их некоторое время, а потом отошел. Хотелось побыть одному. Не совсем одному, в отдалении.

Сел на камень.

Егор рассказывал Алисе про наш поход. Про то, какими мы были героями и как мы все разведали, и про то, что будет весной. Как начнется капель, мы выберемся из слона,

хорошенько соберемся и отправимся искать серебряную собаку.

Алиса смеялась и через каждое слово говорила, что мы дураки, а особенно я дурак, но теперь все наладится, потому что отныне с нами она, а уж она знает, что нужно делать, она уж позаботится, все будет хорошо.

Все будет хорошо.

Зачесался нос. Сильно, нестерпимо вдруг, до боли в переносице.

Все хорошо. Егор, придурок, заразил меня простудой, теперь неделю не прочихаться...

Я тер нос, размазывая по лицу тягучие сопли, но это не помогало, нос чесался все сильнее и сильнее, лицо распухло и наполнилось тяжестью, я потрянул головой, задел ухом за плечо, в башке полыхнула боль, и слезы, те, что я сдерживал долго и успешно, все-таки прорвались.

Я плакал.

Нога не болела. Ухо наоборот.